

СО

Для служебного пользования

Экз. № 000191

**КРИЗИС
БУРЖУАЗНЫХ КОНЦЕПЦИЙ
«МАССОВОГО ОБЩЕСТВА»**

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ

КРИЗИС
БУРЖУАЗНЫХ КОНЦЕПЦИЙ
«МАССОВОГО ОБЩЕСТВА»

РЕФЕРАТИВНЫЙ СБОРНИК

Москва · 1979

Серия: СОЦИОЛОГИЯ ЗА РУБЕЖОМ

Редакционная коллегия серии:

АНДРЕЕВА И.С., доктор философских наук (отв. ред.),

БЛИНОВ Н.М., кандидат философских наук,

СТРЕЛЬЦОВ Н.Н., кандидат философских наук

Ответственный редактор выпуска

АНДРЕЕВА И.С., доктор философских наук

Редактор-составитель

СТРЕЛЬЦОВ Н.Н., кандидат философских наук

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Предисловие	5
Стрельцов Н.Н. Становление концепций "массового общества". (Научно-аналитический обзор)	8
Стрельцов Н.Н. Концепции "массового общества" в современной буржуазной социологии. (Научно-аналитический обзор)	40
Ашин Г.К., Мидлер А.П. Массовая культура как понятие и как реальность американского общества. (Научно-аналитический обзор буржуазных концепций 1963-1978 гг.)	87
Бондарева Ю.С., Ли О.С. Массовая коммуникация как инструмент управления социальным порядком. (Обзор)..	121
Джинер С. Массовое общество	137
Джермини Дж. Массовое общество, общественный класс и возникновение фашизма	159
Уиллмут С. Массовое общество, социальная организация и демократия	164
Хьюит Дж. Массовое общество, принципы организации и парадокс.	175
Гренбьерг К.А. Массовое общество и рост благосостояния, 1960-1970	180

ПРЕДИСЛОВИЕ

Развивая решения XXV съезда партии, ЦК КПСС в постановлении о повышении качества идеологической работы (апрель, 1979) обратил особое внимание на значение оперативности, углубление научного уровня, аргументированного анализа фактов всей информационной работы. Критическое рассмотрение концепций "массового общества" в данном реферативном сборнике призвано внести вклад в решение этой задачи и содействовать усилению наступательного характера идеологической борьбы.

Концепции "массового общества" получили широкое распространение в современной буржуазной социологии. Их разрабатывали в свое время О.Шпенглер, К.Мангейм, Ортега-и-Гассет, Р.Милс. Ныне Э.Фромм, Д.Белл, Э.Шилс и другие, исходя из теории "массового общества", пытаются осмыслить эволюцию буржуазной цивилизации и ставят ряд "наболевших" вопросов - о судьбах социальной свободы и личности в современном буржуазном мире, о сущности общественных движений, о значении средств массовой коммуникации и массовой культуры.

В советской философской литературе концепции "массового общества" недостаточно изучены: в ней дана общая трак-

товка критических теорий "массового общества" (Г.К.Ашин), подвергнут критике один из вариантов этой доктрины - позитивная трактовка массового общества (В.С.Бобровский), проанализированы отдельные аспекты теории "массового общества" (Ю.Н.Давыдов, Ю.А.Замошкин, Э.Ю.Соловьев и др.).

Учитывая состояние современной разработки концепций "массового общества" в советской литературе, в данном сборнике акцентируется внимание на теоретических истоках, эволюции и кризисе этой доктрины. Обобщая содержание сборника, можно сказать, что концепции "массового общества" являются своеобразным феноменом в буржуазной социологической мысли. В них тесно переплетаются идеологические и романтические иллюзии и фикции с исследованием и постановкой реальных проблем, социальный критицизм с апологетикой буржуазных отношений и антикоммунизмом.

В сложной эволюции концепций "массового общества" можно выделить два основных направления. Первое и основное направление связано с линией развития от консервативно-аристократической критики происходящих в буржуазном обществе демократических преобразований к буржуазно-демократической критике авторитарных тенденций современного государственно-монополистического капитализма. Опираясь на социологическую перспективу, основанную на различии "традиционного" и "современного" общества, на "линию Токвиля", а также на некоторые выводы массовой психологии и чикагской школы урбанистской социологии, критические концепции "массового общества" превращаются в теорию "инверсии прогресса". В условиях кризиса буржуазной цивилизации критические концепции "массового общества" получили широкое распространение и стали одной из наиболее влиятельных теорий в рамках буржуазной социальной мысли, где концентрируется критика капиталистической действительности. Однако эта критика, не проникая в "святыя святых" буржуазного об-

щества - в систему капиталистических производственных отношений, в диалектику их развития, в их влияние на социальные, политические и идеологические отношения, - оказывается поверхностной и абстрактной.

Второе направление в развитии концепций "массового общества", отрекающееся от социального критицизма, свидетельствует о кризисе этих концепций: оно превращает их в одну из многих теорий, стоящих на страже "законности и порядка" современного буржуазного общества.

В сборник включены обзоры, показывающие становление и современное состояние концепций "массового общества" (Н.Н.Стрельцов), "массовой культуры" (Г.К.Ашин, А.П.Мидлер), исследующие распространенные на Западе представления о массовых коммуникациях как инструменте стабилизации капиталистических порядков (Д.Бондарева, О.С.Ли), а также рефераты ряда работ, посвященных анализу различных аспектов массового общества, массовой культуры, средств массовой коммуникации и попыткам понять их значение для судеб капитализма.

Сборник предназначен для научных работников, преподавателей вузов, пропагандистов и всех, кто разрабатывает проблемы критики буржуазной идеологии.

СТРЕЛЬЦОВ Н.Н.
СТАВОВЛЕНИЕ КОНЦЕПЦИЙ "МАССОВОГО ОБЩЕСТВА"
(Научно-аналитический обзор)

Зарождение теорий "массового общества" связано с консервативно-аристократической критикой революционных изменений в Европе (особенно во Франции) и в Америке в XVIII-XIX вв. Родоначальником этой критики можно считать Э.Берка, который в своих "Рассуждениях о революции во Франции" (1790) (13) отмечал, что идеи буржуазной революции, претворенные в жизнь, способствуют торжеству индивидуализма, превращают общество в "песок и пыль индивидуальностей", разрушая нацию как органическое целое. Католические мыслители Ж.Местр и Л.Бональд также выступили против "нового порядка", безжалостно разрушавшего разнообразные средневековые социальные организации и корпорации во имя фетиша абстрактного государства, перед лицом которого остается лишь разрозненная масса изолированных человеческих единиц-атомов. Они подчеркивали единство и преемственность существующих социальных институтов, "позитивную роль традиции, авторитета, религии в поддержании стабильного общества" (17, с.23). Эта критика представляет интерес не потому, что она, отстаивая "старый порядок", пыталась повернуть

движение истории вспять (здесь она крайне реакционна), но потому, что она подчеркнула тесную взаимосвязь различных институтов общества, трагические последствия буржуазной индивидуализации личности и обратила внимание своих противников на те стороны функционирования общества, которые выпадали из их поля зрения.

Ясно сознавая неизбежность буржуазно-демократических преобразований и "нового порядка", А.Токвиль в работе "О демократии в Америке" (10) представил систематический анализ сильных и слабых сторон развивающегося буржуазного общества под углом зрения соотношения в нем свободы и равенства, взаимодействия политической власти и социального организма в целом. Мы остановимся, естественно, лишь на тех элементах анализа Токвиля, которые оказали впоследствии влияние на теории "массового общества".

Прежде всего - это вопрос о буржуазном равенстве как источнике деспотизма и тирании. Отмечая, что движущей силой современной ему истории является неукротимое стремление народов к равенству, Токвиль задает себе следующий вопрос: не может ли это равенство привести к рабству? Токвиль подчеркивает, что политическая централизация - грозное оружие равенства в борьбе с привилегиями феодальной аристократии, соединяясь с административной централизацией и бюрократизацией, резко усиливает власть государства. Буржуазное государство, устанавливая контроль над всеми сферами общественной жизни, разрушает "промежуточные" власти, приучает народ "к повиновению во всем и всегда" и становится, таким образом, душителем свободы. С другой стороны, равенство порождает индивидуализм, который отделяет, изолирует людей друг от друга, замыкает их в рамках частной жизни и создает тем самым благоприятную почву для деспотизма, ставящему общественную индифферентность "на степень общественной добродетели" (10, с.413). Как отмеча-

ет Токвиль, деспотизм в "разобщении людей видит самый верный залог своей прочности", ибо когда они изолированы, "он по одиночке забирает их в свою власть из общей массы" (IO, с.67). Наконец, "извращенная склонность" к равенству, в основе которой лежит не стремление к тому, чтобы "низших поднять на уровень высших", а наоборот - стремление низвести всех до уровня массы, приводит к "равенству в рабстве" и уничтожает свободу. Нивелированные, изолированные индивиды оказываются бессильными перед властью деспота.

Вопрос о том, реализуются ли тенденции к установлению деспотизма, логически вытекающего, по Токвилю, из природы равенства, во многом зависит от того, насколько прочны и сильны общинные учреждения и "промежуточные" ("второстепенные") власти, которые должны как противостоять чрезмерной централизации, так и воспитывать в народе "дух свободы". Суммируя в этом отношении европейское развитие за пятьдесят лет, Токвиль пишет: "В течение полувека Европа пережила много революций и контрреволюций, менявших ее строй в самых противоположных направлениях. Но все эти движения имели одну общую черту: все они поколебали или уничтожили второстепенные власти... Происшедшее в наше время постепенное отнятие всех этих различных прав у сословий, корпораций и отдельных лиц послужило не к созданию новых второстепенных властей на более демократических основаниях, а к сосредоточению их в руках верховной власти" (IO, с.552). Токвиль отмечает фальшь буржуазной демократии, которая, провозглашая формальное право граждан на управление обществом, в действительности предоставляет государству полномочия для того, чтобы "руководить каждым из них в самых мелких его делах" (IO, с.552). Уничтожение или ослабление "промежуточных" властей в Европе привело, по Токвилю, к тому, что централизация "достигла своих пределов", а дес-

потизм отпраздновал свои новые победы на континенте (Наполеон, Луи Бонапарт). В качестве сил, которые могли бы противостоять тенденциям к тирании и цезаризму, Токвиль рассматривает некоторые институты, существовавшие в Америке начала XIX в.: федеративную форму государственного устройства, региональное разнообразие, свободу политических и гражданских ассоциаций, независимость судебной власти и т.д. Однако Токвиль считает, что основным направлением развития буржуазного общества является политическая и административная централизация и социальная атомизация. Неотступно преследуемый образами Наполеона и его "бледной тени" - Луи Бонапарта, он приходит к пессимистическому выводу о неизбежности тирании и деспотизма: "Я вижу бесчисленную толпу людей подобных и равных, которые без усталости кружатся на одном месте для добывания себе мелких и пошлых наслаждений... Каждый из них... существует лишь сам по себе и для себя... Над этими людьми возвышается огромная покровительственная власть, берущая на себя обеспечение их пользования жизнью и наблюдение за их судьбой. Власть эта абсолютна"... Она делает "с каждым днем все менее полезным и более редким применение свободной воли; она заключает действие воли в более тесные пределы и мало помалу отнимает у каждого гражданина даже возможность располагать самим собой... Она не ломает личную волю, но размягчает ее, подчиняет себе и управляет ею, она... затрудняет, теснит, обессиливает, гасит, оупляет и, наконец, доводит каждую нацию до состояния робких и смысленных животных, для которых правительство является пастухом" (10, с.563).

К.Маркс, анализируя причины 18 Брюмера Луи Бонапарта, отмечает, подобно Токвилю, с одной стороны, централизацию, бюрократизацию государственной машины, которая "опутывает, контролирует, направляет, держит под своим надзором и опекает гражданское общество, начиная с его самых общих форм

существования и кончая частными существованиями отдельных индивидов", а с другой стороны, - "беспомощность, несамостоятельность, рыхлость и бесформенность действительно общественного организма" (I, т.8, с.157).

К.Маркс полагает, что эти условия благоприятны для установления режима личной власти. Он показывает, каким образом Луи Бонапарт, опираясь на бюрократический аппарат и армию, сумел раздавить буржуазную парламентарную республику, заменив деспотизм целого класса "деспотизмом одного индивида" (I, т.8, с.205). Захватив власть, Луи Бонапарт отказывается от двусмысленных буржуазно-демократических лозунгов и возвращает государство к "бесстыдно-примитивному господству меча". В отличие от Токвиля К.Маркс подчеркивает глубокую преемственность политики Луи Бонапарта: по сути он применяет к буржуазии те же средства, которые использовала сама буржуазия против своих врагов. Буржуазия "обоготворила саблю - сабля господствует над ней. Она уничтожила революционную печать - ее собственная печать уничтожена. Она отдала народные собрания под надзор полиции - ее салоны находятся под полицейским надзором... Она подавляла всякое движение общества с помощью государственной власти - государственная власть подавляет всякое движение ее общества. Она бунтовала против своих собственных политиков и писателей из пристрастия к своему денежному мешку - ее политики и писатели устранены, но ее денежный мешок подвергается грабежу, после того как ей заткнули рот и сломали ее перо..." (I, т.8, с.203). Коренным отличием анализа К.Маркса от анализа Токвиля является то, что он тщательно прослеживает расстановку классовых сил во французской революции 1848-1851 гг. К.Маркс показывает, что Луи Бонапарт мог победить лишь в условиях, когда "буржуазия потеряла способность к господству", в условиях агонии буржуазного парламента, "покинутого своим

классом, армией, всеми другими классами" (I, т.8, с.202).
Вскрывая социальную основу диктатуры Луи Бонапарта, опиравшегося на люмпен-пролетариат¹⁾ и parcelное крестьянство, К.Маркс отмечает непрочность этой социальной базы и, следовательно, его диктатуры.

Если Токвиль, выявляя усиление буржуазной исполнительной власти, которая приобрела известную самостоятельность, приходит в растерянность и застывает в трагической позе при виде крушения демократических свобод, то К.Маркс выясняет реальное содержание этого процесса для борьбы классов. "Пародия на империю" Луи Бонапарта была необходима для того, чтобы "освободить массу французской нации от ига традиции и выявить в чистом виде противоположность между государственной властью и обществом" (I, т.8, с.213). На основе анализа 18 Брюмера Луи Бонапарта К.Маркс формулирует одну из основных задач пролетарской революции: сконцентрировать "все свои силы разрушения" против исполнительной власти, "сломать" буржуазную государственную машину.

Возвращаясь к Токвилю, следует сказать, что уже на заре буржуазного общества, когда на его небосклоне еще ярко светили звезды, зовущие к "равенству, братству и свободе", он фиксирует ряд коренных противоречий, которые породило это общество: противоречий между равенством и свободой, равенством и демократией, демократией и бюрократией, индивидуализмом и демократией.

Трудно переоценить вклад Токвиля в развитие теории "массового общества". Во-первых, токвилевский анализ ис-

---

¹⁾К.Маркс пишет: "Бонапарт, становящийся во главе люмпен-пролетариата, находящий только в нем массовое отражение своих личных интересов, видящий в этом отребье, в этих отбросах, в этой накипи всех классов единственный класс, на который он безусловно может опереться - таков подлинный Бонапарт, Бонапарт sans phrase" (I, т.8, с.168).

точников цезаризма, отношения между централизацией и демократизацией, равенством и свободой, роли "посредствующих" организаций и ассоциации является своего рода фундаментом, на основе которого строилось и строится здание доктрины "массового общества". Во-вторых, идеи Токвиля оказали значительное влияние на ряд ведущих буржуазных мыслителей XIX в., которые конкретизировали и переформулировали ряд его выводов о природе массового общества.

Во второй половине XIX в. аристократическая критика "омассовления" была наиболее ярко выражена Ф.Ницше, поднявшего бунт против всеобщего равенства и кризиса элитарной культуры. Для Ницше существует бездонно глубокая противоположность между человеком и человеком: с одной стороны, это - "очень немногие", "гении", "великие единицы", "господа от рождения"; а с другой - толпа, масса, "неизмеримо посредственные", "люди стада", "рабы".

Установление равенства между этими полюсами, к которому стремится демократическое движение, является для Ницше "вопиющей несправедливостью". Он прославляет "немногих", "гениев", видит в их существовании цель и смысл истории. Именно они, по Ницше, являются подлинными создателями и творцами культуры, в них проявляются могучие творческие потенции, для них, собственно, и существует культура.

Возвеличивая первый полюс, Ницше последовательно унижает второй. Его представители - маленькие, ничтожные, пошлые, ищущие тепла и покоя - хотят видеть вокруг себя все таким же маленьким, ничтожным и пошлым. Они заставляют "немногих" отказаться от своего "я", от своей великой миссии, вынуждая их служить мелочным интересам повседневности, бороться за ограниченное и самодовольное счастье обывателя. Век демократии, век "всеобщего восстания масс", согласно Ницше, крайне неблагоприятен для развития подлинной культуры и искусства.

Ницше полагает, что подлинную культуру должно возродить будущее, которое видится ему в виде кастового общества на манер древнегреческого. Радикальное отвержение буржуазной эпохи оказывается у Ницше глубоко реакционным, ибо оно совершается во имя низших, давно уже пройденных человеком этапов исторического развития (4).

"Закат Европы" О.Шпенглера (II) довел до логического завершения аристократически-консервативную критику буржуазно-демократических изменений XIX в. Понимая феномен "омассовления" в более широком плане, Шпенглер связывает с ним не только кризис культуры, но и закат Европы. Отправной точкой его анализа явилось противопоставление "культуры" и "цивилизации". Если культура — это "живое тело души", "творчество", "рожденный почвой организм", то цивилизация является ее "мумией", "застывшим механизмом", "конструкцией". В Европе переход от культуры к цивилизации начинается, по Шпенглеру, с XIX в., когда на место "богатого формами, сросшегося с землей народа" приходит "новый кочевник, паразит, житель большого города, человек, абсолютно лишенный традиций, растворяющийся в бесформенной массе" (II, т. I, с. 31). "Насквозь практическая, плебейская" цивилизация "качество заменяет количеством, углубление распространением", она отказывается от творческой внутренней жизни, сохраняя возможность для духовного существования лишь в "пространстве, материально": если "культурный человек живет, углубляясь внутрь", то "цивилизованный живет, обращаясь во внешнее, в пространстве, среди тел и "фактов" (II, т. I, с. 354). Цивилизация обращается к "большинству, а не к лучшим", превращает мышление в "интеллектуальную мужскую проституцию" западного журнализма (II, т. I, с. 354). В условиях цивилизации, где "мозг берет бразды правления, потому что душа вышла в отставку", где господствует "бесформенно переливающаяся в больших городах чернь", "лишенная корней городская

масса", где в качестве аудитории выступает "нынешний читатель газет", "западный завсегда театр, увеселительных мест, спорта и злободневной литературы", подлинная культура обречена на гибель (II, т. I, с. 355, 365). "Омассовленная" культура - это предсмертные судороги, финал аристократической культуры.

Если Ницше, пытаясь соединить "эли́ту" и культуру, не мог найти ее прообраза в настоящем и обращался к далеким горизонтам прошлого и будущего, то Шпенглер, снимая романтические одежды "с туманных видений" Ницше, точно называет ее современный адрес: элита для Шпенглера - это "просто реальный политик, денежный магнат, большой инженер и организатор" (II, т. I, с. 348). И этой элите нет дела до подлинной культуры, ее "волнуют более "земные" проблемы - прежде всего вопрос о власти. Таким образом, элитарные идеи критиков "омассовления", очищенные от непоследовательности и противоречий, воплощаются у Шпенглера в весьма конкретную форму апологетики авторитарного государственно-монополистического капитализма в его прусско-юнкерском одеянии.

В 30-е годы XX столетия получила широкое распространение концепция "восстания масс" Ортеги-и-Гассета. По мнению Ортеги, "восстание масс", выражая триумф либеральной демократии и техницизма, может перерасти как в "новую беспримерную организацию человечества", так и стать "катастрофой человеческой судьбы" (24, с. 85).

Как и Шпенглер, Ортега-и-Гассет фиксирует, что европейская цивилизация, несмотря на то, что она создала огромные материальные богатства, резко увеличила возможности для "возрастания жизни", неизмеримо расширила мир среднего индивида, подключив к нему при помощи средств массовой коммуникации "всю планету", переживает глубокий кризис. При анализе кризиса Европы Ортега-и-Гассет, как и

Ницше, исходит из "радикально-аристократической" интерпретации истории, согласно которой человеческое общество не "должно" быть аристократическим, но "всегда является аристократическим по самой своей сущности" (24, с.22), представляя из себя "динамическое единство двух составляющих факторов: меньшинства и масс" (24, с.13). Для Ортеги "масса" - это совокупность индивидов, "специально неквалифицированных"; ее представляет "средний человек", не отличающийся от других людей, повторяющий в себе "общий тип". Массу характеризует инертность, самоудовлетворенность, неспособность на "спонтанные" усилия, отсутствие "программы жизни". "Меньшинство", "элиты" составляют индивиды, "специально квалифицированные", предъявляющие к себе высокие требования, способные противостоять "атаке вещей". Жизнь для них - вечное стремление, непрерывный поток обучения. "Элита", воплощающая в себе "душу" цивилизации, призвана руководить общественной жизнью. Уже из характеристики Ортеги "массы" и "элиты" ясно, что "динамическое единство" между ними заключается в повиновении масс элитам.

Ортега-и-Гассет считает, что революционные изменения в Европе XIX в. нарушили это "динамическое отношение между "массой" и "элитой". В результате развития либеральной демократии, в век "гипер-демократии", "масса", бывшая ранее "на заднем плане социальной сцены", стала "главной персоной". Получив равные с элитой социальные и политические права, но не перестав от этого быть "массой", она начинает господствовать во всех сферах общественной жизни. Это приводит к коренному изменению в ее поведении. Если ранее "масса" покорно шла за элитой, то теперь она полагается только на себя, отказывается подчиняться кому-либо. В этих условиях средний индивид превращается в "человека-массу". Главными его чертами, по Ортеге, являются "свободное проявление жизненных желаний" и "радикальная не-

благодарность ко всему, что сделало возможным легкость его существования" (24, с. 63). "Человек-масса", рассматривая себя как существо законченное, совершенное, замыкается в себе и становится жертвой своего духовного и интеллектуального герметизма.

Используя в качестве потребителя, создаваемые цивилизацией блага, "человек-масса" не интересуется принципами, на которых основана и зиждется цивилизация, и не солидарен с ее основными культурными ценностями. Прототипом "человека-массы" Ортега считает современного человека науки - узкого специалиста. Хорошо владея своим предметом, специалист "радикально невежествен во всем остальном".

Прогрессирующая специализация приводит к тому, что даже наиболее "квалифицированные" действуют в политике, общественных делах и искусстве как примитивный, неквалифицированный "человек-масса". Этот "человек-масса", "новейший варвар", подобно избалованному ребенку, не способный управлять самим собой, стал управлять обществом.

Результаты такого управления плачевны. Гомогенная масса вмешивается во все сферы общественной жизни, сметает со своего пути все, что не является "массой". Она требует от государства разрушения всех групп оппозиции, любого творческого меньшинства в политике, идеях, индустрии. Основной принцип ее действия - насилие. Общественная власть "массы", будучи всемогущей, оказывается в то же время эфемерной, так как, живя только сегодняшним днем, отбросив прошлое и не устремляясь в будущее, парализовав деятельность творческого меньшинства, "масса" не может поддерживать нормальное функционирование и тем более развитие общества.

Союз "массы" и государства усиливает последнее, и оно постепенно возвышается как над обществом, так и над "массой". Конечный итог данного процесса выражен в формуле

Муссолини: "Все для государства, ничего вне государства, ничего против государства" (24, с.134).

Управление "масс", по Ортеге, нарушая "динамическое равновесие" между "массой" и "элитой", вызывает кризис буржуазной цивилизации и создает предпосылки для установления фашистской диктатуры. Таким образом, Ортега-и-Гассет остро фиксирует многие кризисные явления современной ему буржуазной цивилизации, которая в массовых масштабах воспроизводит "человека-массу", оказывается глубоко враждебной "творческому меньшинству", отрекается от принципов буржуазной демократии и готовит почву для фашизма. Однако не выходя за рамки элитарных представлений, Ортега не может подняться до научной критики буржуазного общества. К Ортеге, как и другим представителям элитарной критики "массы", вполне приложимы слова К.Маркса, направленные в адрес "абсолютной критики" Бруно Бауэра, которая "превращает, с одной стороны, "дух", "прогресс", а с другой - "массу" в застывшие сущности, в понятия, и противопоставляет их затем друг другу как данные неизменные крайности. Абсолютной критике не приходит в голову исследовать самый "дух", исследовать, не служит ли его собственная спиритуалистическая природа, его воздушные претензии источником "фразы", "самообмана", "дряблости" массы" (I, т.2, с.91).

В отличие от Шпенглера, выступающего в качестве апологета авторитарной прусской формы государственно-монополистического капитализма, Ортега-и-Гассет стремится отстаивать буржуазно-демократические свободы перед лицом надвигающегося фашизма. Отказываясь от социологического заземления "элиты", от низведения ее до представителей "властвующей элиты", Ортега-и-Гассет набрасывает на ее плечи плащ культуры и личного достижения и украшает ее голову диадемой творческих и духовных исканий. Это дает ему возможность подвергнуть критике современное ему буржуазное обще-

ство с точки зрения идеализированной "элиты". В элитарной критике массового общества можно проследить некоторую общую закономерность: пока эта критика "связывалась только с проблемой культуры, она несла в себе известный заряд критицизма по отношению к буржуазному обществу, враждебному искусству, неутилитарному знанию и т.д. Но как только в этом духе ставится вопрос о власти, реакционная политическая сущность этой доктрины становится совершенно явной" (7, с.265).

Одним из наиболее мощных теоретических истоков концепции "массового общества" явилась социологическая перспектива, основанная на различении "традиционного" и "современного" общества (17, с.25-29), которая тесно переплелась с развитием "линии Токвиля".

Здесь прежде всего следует выделить типологию Ф.Тенниса, противопоставившего обществу, где господствуют статусные родственные отношения на уровне общности, обществу, где преобладают отношения договора между индивидами (гражданское общество). По Теннису, прототипом общности является семья. Ассоциации этого типа основаны на общности духа и мнений. В общности наблюдается тесная взаимосвязь индивидов, взаимодействующих как целостные личности, в ней царят согласие и традиция. Гражданское общество возникает в результате индустриализации и урбанизации европейской культуры. В обществе на место чувства приходит расчет, единство уступает дорогу разделению, преобладающими становятся массовые, безличные, атомистические и механические отношения между индивидами. Примером общества может служить капиталистическое предприятие, где "скрытая враждебность и потенциальная война являются внутренне присущими отношениями индивидов друг к другу" (25, с.67). Теннис считает, что развитие европейского общества идет в направлении от общности к сообществу, а затем к обществу, наконец, к сою-

зам обществ. Если первые три стадии развития отражают рост массовизации и обезличивания человеческих отношений, то последняя стадия представляет собой попытку создать общество нового типа (в частности, через практику человеческих отношений).

Ранее отмеченные линии анализа находят яркое выражение в дюркгеймовской трактовке социальной солидарности и аномии. Социальная эволюция представлена у Дюркгейма как движение от традиционного общества, основанного на гомогенности и механической солидарности, к современному обществу, для которого характерно разделение труда и органическая солидарность.

Механическая солидарность базируется на господстве традиции, индивид в ней полностью подчинен коллективному сознанию. Лишь благодаря разделению труда оказалось возможным выделение индивидуального сознания из коллективного и формирование личности. Прогрессирующее разделение труда делает коллективное сознание все более общим, рациональным и, ослабляя его контроль над индивидуальным сознанием, способствует индивидуальной гетерогенности. Дюркгейм отмечает, что этот процесс особенно усиливается при увеличении плотности общества, по мере развития которой само общество делается "похожим на большой город". "Уплотнение" общественной жизни разрушает замкнутые сегменты, объединяет их и, поднимая до общенационального уровня, вызывает резкий рост формальных массовых отношений. Дюркгейм подчеркивает, что разделение труда при определенных условиях приобретает болезненные, "патологические" формы, вызывающие "аномию" и разрушение органической солидарности. Но эти следствия не вытекают из самой природы разделения труда, которое для Дюркгейма является прежде всего источником солидарности, а из незрелости социальных отношений современного ему общества, когда "не реализовались еще все условия существования органической солидарности" (5, с.293). Эта не-

зрелость, коренящаяся как в отсутствии регламентации труда, принудительности его (т.е. господствует труд не по способности), так и дезинтеграции самой социальной структуры, проявляется в экономических кризисах, антагонизме труда и капитала, увеличении числа самоубийств.

Анализируя социальную структуру современного ему общества, Дюркгейм, подобно Токвилю, отмечает, с одной стороны, разбухание и гипертрофию государственной власти, которая стремится "поглотить в себе все формы деятельности, носившие социальный характер", и превращается в "единственную организованную коллективность", а с другой - атрофию социальных групп и атомизацию индивидов, которые "кажутся друг через друга, как молекулы жидкости, не встречая никакого центра сил, который бы их удержал, прикрепил, организовал" (6, с.509).

Подобно Токвилю, Дюркгейм считает, что "болезнь века" порождена "утратой вторичных органов" (т.е. промежуточных организаций. - Н.С.), стоящих между государством и остальным обществом. "Вторичные органы" необходимы для того, чтобы "предохранить индивидов от тирании государства" и от "поглощения государством". Без них, "только административная машина сохраняет свою стабильность и действует... с регулярностью автомата" (15, с.106).

Обсуждая вопрос о способах лечения социальной дезинтеграции, Дюркгейм видит спасение не в чрезмерно отдаленной от индивида политической общности, но, как и Токвиль, в промежуточных, опосредующих организациях. Он возлагает надежды не на религиозные организации и семью, которые в условиях урбанизации ослабили свое влияние на индивида, но на профсоюзные корпорации, значение которых возрастает, по его мнению, до такой степени, что они могут обрести свою власть "ежеминутно, повсеместно" и охватить "почти всю жизнь" индивида. Профсоюзные корпорации, по

Дюркгейму, являются своего рода буфером между эгоизмом индивида и государства: они налагают на индивида исполнение обязанностей перед группой и в то же время отстаивают групповые потребности индивидов перед лицом государства. Если старые средневековые корпорации были локальными и замкнутыми, то новые профессиональные корпорации должны быть объединены в "крупные и стройные союзы", подчиненные власти государства, которое регулирует отношения между ними. Лишь при взаимодействии государства и "вторичных групп" может быть поддержана индивидуальная свобода.

Если у Токвиля в качестве отправной точки исследования исторического процесса и его перспективы выступала идея равенства, а у Дюркгейма - идея разделения труда, то у Вебера - идея рационализации. Победная поступь рационализации превратила традиционные, общинные формы социальных отношений в безличные, бюрократизированные, массовидные формы современной жизни (17, с.30-32). Рационализация проникает повсюду - в экономику, социальную жизнь, культуру. Рационализация в экономике порождает, по Веберу, современный капитализм, рационализация в сфере управления - национальное государство в демократической форме. Однако, уничтожив феодализм и принеся триумф капитализму и демократии, рационализация превращается из созидательной силы в разрушительную и приводит в конечном счете к обществу, где "будут существовать только карикатуры этих систем" (22, с.297) (т.е. капитализма и демократии. - Н.С.).

Бюрократия является, по Веберу, проявлением исторических сил рационализации. Токвилевское рассмотрение взаимодействия между централизацией и массовым равенством принимает у Вебера форму взаимосвязи между равенством и бюрократией: бюрократии, исходя из функционально рациональных правил, нивелируют, уравнивают "все и вся"; одновременно развитие бюрократии, вызывая к жизни новые со-

циальные иерархии и подавляя демократическую самоорганизацию, неизбежно вступает в резкий конфликт с демократическими принципами. Пессимистическое токвилевское видение будущего характерно и для Вебера. Если для Токвиля будущее — это атомизированные массы, управляемые абсолютной деспотической властью, то для Вебера будущее — это торжество всевластной могущественной бюрократии.

Зиммель, подобно Теннису, Дюркгейму и Веберу, показывает анонимность и безличность общественных отношений современного ему общества. В метрополии, выражающей, по Зиммелю, сущность "модернизма", прежде всего проявляется "трагическая диалектика" человеческого существования. Стремления индивида сохранить целостность и единство своей личности разбиваются в ней о расщепление личности на "объективно-социальное" и "субъективно-социальное" (чисто личное), о фрагментацию его индивидуального "я". "Социология интимных отношений" Зиммеля ярко демонстрирует многочисленные проявления эмоциональной и моральной отчужденности личности. В метрополии процветают массовые отношения, которые учитывают только то общее, что присуще всей массе индивидов.

Самоотчуждение человека в массе объясняет, по Зиммелю, то, что масса легко управляется теми индивидами, которые более полно представляют "дух" массы.

Неизбежное отчуждение социальных институтов и культуры от индивида вызывает самоотчуждение личности и составляет трагедию современной цивилизации (26).

Таким образом, по мере развития буржуазной цивилизации сомнения Токвиля становятся путеводной звездой для тех социальных ученых, которые обратили внимание на ее "оборотные", теневые стороны. Эта цивилизация приносит с собой вместо свободы и демократии тиранию и деспотизм (Шпенглер, Вебер), вместо индивидуальной автономии — со-

циальную изоляцию и "аномии" (Дюркгейм), вместо целостного развития личности - ее самоотчуждение (Зиммель). Темы изоляции, атомизации, "омасовления", "аномии" и отчуждения объединяют все эти линии анализа и делают их релевантными теории "массового общества". Являясь своего рода "инверсией прогресса", критические концепции "массового общества" избрали в качестве основного теоретического источника интеллектуальную традицию, раскрывающую патологию буржуазной цивилизации.

Становление концепции "массового общества" также тесно связано с развитием исследований коллективного поведения и средств массовой коммуникации. "Социологи толпы" - Сигеле, Г.Лебон - одними из первых обратили внимание на анализ массового поведения. Согласно Лебону, в результате индустриальной революции и урбанизации "толпа" стала играть решающую роль в жизни общества: "Главной характерной чертой нашей эпохи служит именно замена сознательной деятельности индивидов бессознательной деятельностью толпы" (8, с.149).

Будущее представляется ему как "эра масс". Провозглашая всемогущество толпы, которая диктует свою волю правителям, Лебон в то же время видит и другую возможность: при условии знания психологии толпы она сама может стать объектом манипуляций со стороны "верхов". Характеризуя специфику толпы, Лебон и Сигеле отмечают, что она является спонтанной, не руководствуется в своих действиях традициями, культурным опытом и не имеет установленных экспектаций и норм. В ней отсутствуют социальная организация, разделение труда, установленная система лидерства. "Социологи толпы" показывают, что поведение индивидов в толпе коренным образом отличается от поведения индивидов в обычных условиях своей жизнедеятельности. В толпе исчезают индивидуальные различия, "разнородное утопает в однородном",

наружу прорываются общие для всех подсознательные импульсы, устанавливается определенное внушением, имитацией или заражением единство чувств и идей. Сознательная личность в анонимной толпе утрачена, индивид становится в ней автоматом.

В отличие от Лебона Г.Тард полагал, что современный ему век является не "эрой толпы", но "эрой публики". По Тарду, публика – это "чисто спиритуальная коллективность", состоящая из индивидов "физически разделенных друг от друга, но между которыми существует чисто умственная связь" (Ю, с.3). В публике, как и в толпе, индивиды составляют одно целое, отстаивая идентичные идеи и мнения, однако в ней, в отличие от толпы, сохраняются индивидуальные различия. Публика, по Тарду, является продуктом нового времени. Она стала возможна лишь в результате возникновения массового книгопечатания, массовых газет, распространения железных дорог и телеграфа, расширивших локальные аудитории до национальных масштабов. Средства массовой коммуникации выступают у Тарда в качестве проводников и организаторов общественного мнения. Пресса, будучи средством интеграции и контроля, формирует у публики определенный уровень самосознания и способствует возникновению "вторичных групп" на национальном уровне. Отмечая возросшую роль прессы в формировании общественного мнения, Тард подчеркивает, предвосхищая теорию "двухступенчатого" потока коммуникации, что ее влияние может быть устойчивым и продолжительным только в том случае, если оно подкрепляется обменом информации между отдельными индивидами.

Если Лебон, Сигеле и Тард отождествляли "массу" и "толпу", то Г.Блюмер четко разделяет эти понятия и дает развернутое определение "массы".

Согласно Блюмеру, масса характеризуется следующими признаками:

1. Она состоит из людей различных социальных страт и профессий, разного социального положения и культурного уровня.

2. Она представлена анонимными индивидами.

3. Существует слабое взаимодействие между членами массы.

4. Масса весьма неопределенно организована (2I, с.185-186).

Для Блмера "масса" - это совокупность социально изолированных индивидов, которые являются объектами одинаковых влияний со стороны средств массовой коммуникации. Будучи социально изолированными, члены "массы" действуют на основе индивидуального выбора. Блмер считает, что преобладающей тенденцией развития современного общества является превращение публики в массу, когда спонтанное формирование общественного мнения посредством дискуссии заменяется штамповкой при помощи средств массовой коммуникации нужных "властвующей элите" мнений и суждений, которые затем выдаются за проявление общественного мнения.

Таким образом, если раньше масса рассматривалась преимущественно как образование, основанное на "психологической близости" составляющих ее индивидов, то теперь утверждается, что социально-психологическими взаимоотношениями, классифицируемыми как "массовизация", охвачены люди, в действительности отчужденные друг от друга и не находящиеся в непосредственном контакте друг с другом" (2, с.56). Как отмечает Г.К.Ашин, "модель "массы как публики" утверждается тогда, когда наряду с феноменом "массового общества" начинает исследоваться феномен "массовой культуры" (3, с.43).

К.Мангейм соединил основные теоретические истоки концепции "массового общества" и дал его обобщенный анализ (19). Для Мангейма массовое общество - это синоним совре-

менного ему индустриального общества. Оно характеризуется прежде всего "фундаментальной демократизацией", втягивающей социальные классы, ранее игравшие пассивную роль в общественной жизни, в активную политическую деятельность. "Демократия для немногих" перерастает в век массового общества в "демократию большинства". В то же время Мангейм отчетливо фиксирует, что процессу "фундаментальной демократизации" реально противостоит тенденция к "концентрации контроля над материальным аппаратом общества", которая находит выражение в монополизации как средств производства и капитала, так и ключевых позиций в социальной сфере. В последней это проявляется в том, что 1) социальное знание и власть концентрируются в руках ограниченного числа политиков, администраторов, экономических лидеров; 2) административная деятельность сосредоточивается в бюрократии, имеющей тенденцию отделяться от других социальных слоев; 3) происходит концентрация средств военной власти, которые довольно успешно могут быть использованы для "подавления демократической массовой воли" (19, с.47).

Мангейм считает, что "фундаментальная демократизация" в условиях массового общества трансформируется в "негативную демократизацию" и иллюстрирует этот процесс на примере анализа формирования элит. Он выделяет четыре аспекта "негативной демократизации": 1) резкое возрастание числа элит, приводящее к тому, что ни одной ее группе не удастся оказать глубокое влияние на общественную жизнь в целом; 2) утрата исключительности элитами, которая необходима им для руководства массами; 3) изменение принципов, которые лежат в основе выбора элит: отказ от принципа личного достижения во имя других принципов - собственности, нации, крови; 4) изменение состава элит, проявляющееся в росте групп, представляющих локальные и националистические интересы за счет исключения из элит тех групп, кото-

рые ориентированы на интернациональную культуру (I9, с.86-92).

В результате "негативной демократизации" те элиты, которые способны осуществлять руководство социальной и культурной жизнью, сходят со сцены и на их место приходят не имеющие ни культурных, ни моральных ценностей прозаические представители капитала, бюрократии, военщины или политические демагоги, формирующие общество по своему образу и подобию. Мангейм хорошо понимает, что в век "возросшей взаимозависимости" компонентов социальной структуры, личности и общества господство таких элит оказывает глубоко деструктивные влияния на функционирование социального организма, способствуя его дегенерации: "негативный выбор элит в конечном счете трансформируется в негативный выбор преобладающего опыта и свойств человеческого разума" (I9, с.96).

"Негативная демократизация" превращает реальную массовую демократию в "демократию эмоций", которая приводит не к "выражению интересов различных социальных групп, а скорее к неожиданным эмоциональным взрывам среди масс" (I9, с.45). Особую опасность вторжения "массы" в политическую и культурную сферы Мангейм усматривает в том, что массы приносят иррационализм в "те места, где рациональное направление необходимо" (I9, с.63). В отличие от "социологов толпы" и Ортеги-и-Гассета, он не считает, что иррационализм является неотъемлемым свойством масс, и анализирует те социальные условия, которые порождают иррационализм в массовом обществе. И здесь отправной точкой его исследования являются понятия функциональной и субстанциональной рационализации. Субстанционально рациональным для Мангейма является "акт мысли, который обнаруживает осмысленное понимание взаимоотношений событий в данной ситуации" (I9, с.52). Функционально рациональное характеризуется серией действий, намеченных для достижения определен-

ной цели, причем "каждый элемент в этой серии действий получает функциональную позицию и роль. Такая функциональная организация серий действий будет наилучшей, когда для достижения данной цели она координирует средства наиболее эффективно" (19, с.53).

Так как при определении функциональной рациональности решающим оказывается координация действия относительно определенной цели, то все, что "разрывает и разрушает этот порядок, является функционально иррациональным" (19, с.54). По Мангейму, функциональная рационализация неизбежна для современного массового общества и по мере его развития она все более пронизывает различные сферы человеческой деятельности. Своего апогея функциональная рационализация достигает в бюрократических организациях, функционеры которых имеют не только предписания своих специфических действий по долгу службы, но также своеобразный жизненный план в виде карьеры, который регулирует их поведение и во время досуга.

Функциональная рационализация лишает среднего индивида собственного взгляда на вещи, инициативы, ответственности, передавая их тем, кто управляет процессами рационализации. Она увеличивает разрыв между "массами" и элитой. Привыкший быть управляемым, утративший самостоятельность мышления, средний индивид оказывается беспомощным во времена социальных кризисов, когда функционально рациональные механизмы разрушаются. В такие времена возрастает иррациональность массового поведения, возникает "призыв к лидеру".

Таким образом, массовое общество предстает у Мангейма как воплощающее в себе целый ряд противоречий: оно характеризуется развертыванием "фундаментальной демократизации" и в то же время монополизацией капитала, социальной власти и "негативной демократизацией"; с одной стороны,

оно создает высоко рационализированное поведение индивидов, а с другой - "производит все иррациональности и эмоциональные взрывы, которые характерны для аморфных человеческих агломераций" (19, с. 61).

Мангейм показывает, как либеральное массовое общество, основанное на принципах *laissez faire*, будучи не в состоянии решить эти противоречия, запутывается в них и само создает необходимые предпосылки для возникновения тоталитарного общества фашистского типа, использующего иррациональные импульсы масс для установления своего господства.

Он считает, что причиной разрушения либерально-демократических режимов в эпоху массового общества в конечном счете является их неспособность решить проблемы координации и регулирования всей системы социальных институтов и сфер деятельности.

Тоталитарные режимы, согласно Мангейму, пытаются в какой-то степени решить проблему управления социальной системой в целом. Однако практически они осуществляют лишь внешнюю координацию ее деятельности, достигая "высшего этапа функциональной рационализации без соответствия любому роду субстанциональной рационализации" (19, с. 295). Формальный порядок униформного поведения институтов и индивидов сопровождается разрушением элементов спонтанности и самоорганизации, глубокой иррациональностью и внутренней анархией системы, что делает ее длительное существование весьма проблематичным.

Мангейм убежден, что на смену недостаточно организованному либеральному обществу и сверхорганизованному тоталитарному обществу должно прийти планируемое общество.

Если в либерально-демократическом обществе развитие техники освобождает человека от тирании природы, но делает его рабом социальных отношений - его "второй природы", то на этапе планирования человек может осуществить контроль и над социальными силами. По Мангейму, планирование отрицает

некоторые демократические принципы, выдвинутые либерализмом. Массовое производство, например, требует создания uniformных вкусов и потребностей, нуждается в стандартизованном потребителе. Поэтому планируемое массовое общество отвергает идею "суверенности" потребностей индивида и активно формирует их при помощи рекламы. Однако демократически планируемое массовое общество, отмечает Мангейм, должно проводить четкую границу между теми сферами, где необходимы стандартизация и конформизм, и теми, где необходима индивидуальная свобода. По его мнению, стандартизация в сфере элементарных человеческих потребностей должна сопровождаться ростом свободы в "высших сферах нашей духовной жизни" (19, с.353). Планирование включает в себя стандартизацию и конформизм, но не сводится к ним. Основная цель планирования - создание необходимых условий для развития свободной индивидуальности.

Мангейм полагает, что планирование, отрицая старые принципы *laissez-faire* либерализма, сохраняет основные демократические ценности, которые являются гарантией против догматического планирования. Планирование и демократия, следовательно, дополняют друг друга. Мангейм видит возможность другого типа планирования, основанного на "неравенстве классов и сословий", но считает, что оно "не сможет существовать долго, так как эти неравенства создают такое огромное напряжение в обществе, что будет невозможно установить даже минимум подразумеваемого согласия, который является необходимым условием функционирования системы" (19, с.364).

Хотя в концепции "массового общества" Мангейма большое внимание уделено позитивной трактовке массового общества, призванного сочетать планирование и демократию, в целом эту концепцию можно отнести ко второму этапу в становлении теории "массового общества". Этот этап преиму-

щественно представлен "антитоталитарными" концепциями "массового общества", в которых центральное место занимает защита буржуазно-демократических свобод от неограниченного господства "властвующей элиты". Однако консервативно-аристократическая критика оказала глубокое влияние на "антитоталитарные" концепции "массового общества", что сделало их достаточно непоследовательными и противоречивыми.

Общим для "антитоталитарных" концепций "массового общества" Э.Ледерера (18), Э.Фромма (16), Х.Арендт (12), Г.Корбет (14), Р.Нисбета (22) является то, что процессы социальной атомизации, изоляции, фрагментации, дестратификации и отчуждения рассматриваются ими в качестве основы для возникновения и функционирования тоталитарных режимов.

Для "антитоталитарных" концепций характерно специфическое понимание "массы", которое они связывают с социальной атомизацией и дестратификацией.

"Массы, - пишет Арендт, - не удерживаются вместе сознанием общего интереса, они утрачивают такую специфическую классовую связанность, которая выражается в определенных, ограниченных доступных целях". "Массы" состоят из тех "нейтральных, политически индифферентных людей, которые никогда не присоединяются к партии и едва ли даже идут к избирательным урнам" (12, с.305). Согласно Корбет, решающим в формировании масс является "атомизация всех социальных и культурных отношений, в которых человеческие существа получают нормальное ощущение членства в обществе. "Масса является агрегатом индивидов, которые неуверенны, по существу одиноки и превращаются... в простые социальные пылинки". Будучи оторваны от своих социальных групп, они утрачивают свое классовое самосознание, представляя "подлинный хаос индивидуальных интересов" (14, с.97).

Интеграция массы в силу неопределенности социаль-

ных интересов осуществляется за счет эмоций, которые являются общими для всех членов массы. Для интеграции аморфной массы нужен лидер, который сможет воздействовать на эти общие для всей массы эмоции. Ледерер и Корбет, таким образом, в отличие от Блимера, выделяют тот механизм, посредством которого "масса" может действовать как единое целое - общие эмоции и наличие лидера, способного выразить и мобилизовать эти эмоции.

Анализируя нацистское движение, Ледерер, Арендт подчеркивают, что лишь опираясь на социально аморфные массы, нацисты смогли создать свою партию и стать одной из ведущих политических организаций Веймарской республики. По их мнению, массы являются не только опорой фашистского движения, но и сама фашистская диктатура покоится на атомизированных массах. Вопрос о взаимосвязи "массы" и фашистского государства, поставленный Ортегой-и-Гассет, оказывается в центре внимания "антитоталитарных" концепций. Нисбет подчеркивает, что "масса" и тотальное государство связаны неразрывными узами: "То, что способствует возникновению массы, способствует также установлению всемогущего, абсолютного государства. И все, что усиливает власть и влияние государства в его отношении к индивиду, служит также увеличению количества "масс" (22, с.198). Сущность фашистской диктатуры Ледерер усматривает в том, что она "институционализирует массы", превращает их в социальную основу своего режима. Поэтому он и называет фашистскую диктатуру "государством масс" (18). "Государство масс", являясь тотальным по своей природе, сосредоточивает всю полноту власти в своих руках, создавая огромный аппарат бюрократического контроля, террора и пропаганды. Сначала оно завершает социальную атомизацию общества, беспощадно уничтожая все автономные организации и ассоциации. После того как всякое организованное сопротивление подавлено и

социально атомизированные индивиды оказываются беспомощными перед лицом тотального государства, оно эффективно использует средства массовой коммуникации для манипулирования массами. Тотальное государство не ограничивается разрушением промежуточных автономных социальных отношений, оно заменяет их новыми организациями и ассоциациями, находящимися полностью под его контролем. В них устремляются атомизированные массы, которые не в состоянии выдержать социальное и моральное одиночество, порожденное тотальным государством. По Нисбету, эти организации и ассоциации, представляя собой "распространение структуры административного государства в социальную и психологическую сферу, становятся цементирующим элементом неформального признания нового режима" (22, с.204). Опираясь на них, тотальное государство контролирует уровень "первичных" отношений индивидов и обеспечивает себе поддержку "масс".

"Антитоталитарные" концепции "массового общества" правильно подчеркивают значение социально атомизированных, неорганизованных, дезориентированных и деклассированных элементов, составляющих аморфные массы для формирования фашистских движений¹⁾ и функционирования тотального фашистского государства. "Тормозя рост политической активности и сознательности людей, - отмечает И.С.Кон, - современный капитализм создает тем самым аполитичную и недифференцированную "массу", складывающуюся из представителей разоряющейся мелкой буржуазии, различных деклассированных элементов и отсталых слоев рабочего класса. Объективно эти

---

¹⁾ Мобилизация деклассированных, дезориентированных масс в ряды реакционных движений неоднократно привлекала внимание К.Маркса, В.И.Ленина. См. об этом: Соловьев Э.Д. Личность и ситуация в социально-политическом анализе К.Маркса. - "Вопр. философии", М., 1968, № 5, с.15-29; Рашковский Е.Б. В.И.Ленин о психологии реакционного экстремизма. - "Вопр. философии", М., 1970, № 1, с.45-56.

люди страдают от капитализма, но изменить что-либо они бессильны и их раздражение и разочарование выражается лишь в смутном, глухом недовольстве. Именно потому они легко поддаются демагогическим внушениям фашистского толка и используются в качестве ударной силы для разрушения буржуазно-демократических свобод и институтов, в которых им не нашлось места. История германского (да и всякого иного) фашизма показывает эту истину" (8, с.227). В то же время "антитоталитарные" концепции "массового общества" отчетливо демонстрируют неадекватность анализа фашистских движений как движения масс и фашистской диктатуры как диктатуры, покоящейся на атомизированных "массах". Такого рода анализ, не раскрывая подлинные социально-экономические причины и классовую сущность фашистских движений и фашистской диктатуры, приводит к тому, что в этих концепциях стираются четкие границы между фашистской диктатурой и диктатурой пролетариата. Согласно Ледереру, например, диктатура пролетариата должна "превратить население в массы и создать государство масс, подобно тому, как это делает фашистская диктатура" (с.151). В "антитоталитарных" концепциях "массового общества" резкая критика фашизма, таким образом, тесно переплетается с антикоммунизмом. Характерно, что у Э.Фромма, который в своей работе "Бегство от свободы" намечает классовую трактовку фашизма и фашистских движений, антикоммунистические аналогии, типичные для "антитоталитарных" концепций "массового общества", отсутствуют. Фромм, в частности, показывает особое значение низших прослоек среднего класса в поддержке фашистского движения. Основные элементы идеологии нацизма - дух слепого подчинения фюреру, ненависть к расовым и политическим меньшинствам, стремление к завоеванию, прославлению "нордической расы" - были наиболее восторженно приняты именно в этих прослой-

ках, ставших ударной силой фашизма. Подчеркивая роль представителей крупного бизнеса и юнкерства в поддержке фашистского движения в Германии, без помощи которых "Гитлер никогда не смог бы победить", Фромм отмечает, что нацизм мобилизовал эмоциональную энергию низших слоев среднего класса и использовал ее в качестве инструмента "в борьбе за экономические цели германского империализма" (16, с.218). Отвергая тезис Ледерера об уничтожении классовых антагонизмов в нацистской Германии, один из первых исследователей структуры и практики национал-социализма Ф.Неуман подчеркивает, что "сущность социальной политики национал-социализма состоит в принятии и усилении преобладающего классового характера немецкого общества... Атомизируя подчиненное население... национал-социализм не устранил классовые отношения; наоборот, он углубил и укрепил антагонизмы" (20, с.298-299).

Отождествление фашистской и пролетарской диктатуры в "антитоталитарных" концепциях "массового общества" связано с отсутствием четкого классового анализа фашистского движения и фашистской диктатуры, с одной стороны, и пролетарского движения и пролетарской диктатуры - с другой. Если массовую основу фашистских движений составляла мелкая буржуазия, которая была поддержана социально недифференцированной, деклассированной и дезориентированной "массой", то основой пролетарского движения является рабочий класс, опирающийся на широкие слои трудящихся, союз с которыми обусловлен коренной общностью их экономических, политических и социальных интересов. Если фашистская диктатура, представляющая собой открытую террористическую диктатуру наиболее реакционных империалистических элементов финансового капитала, уничтожила даже ограниченные буржуазно-демократические свободы и превратилась в государство тотального контроля, то диктатура пролетариата, выражающая интересы рабочего класса и всех трудящихся, основана на всемерном

развитии социалистической демократии и ставит конечной целью уничтожение государства, помещение его в "музей древностей".

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- I. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. в 49-ти т.-2-е изд.-М.: Политиздат, 1954.
2. Ашин Г.К. Доктрина "массового общества". - М.: Политиздат, 1971. - 191 с. - (Социальный прогресс и буржуаз. философия). - Библиогр.: с.185-189.
3. Ашин Г.К. Эволюция понятия "масса" в концепциях "массового общества". - В кн: "Массовая культура" - иллюзии и действительность (Сост. Соловьев Э.Ю. М., 1975, с.32-51.
4. Давыдов Ю.Н. Искусство и элита. - М.: Искусство, 1966. - 344 с.
5. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда/Пер. с фр. Юшкевич. - Одесса, 1900. - УШ, 329 с.
6. Дюркгейм Э. Самоубийство: Социол.этыд/Пер. с фр. Ильинского А.Н. - Спб.: Карбасников Н.П., 1912. - XXXII, 541 с
7. Кон И.С. Социология личности. - М.: Политиздат, 1967. - 383 с. - (Над чем работают, о чем спорят философы). - Библиогр.: с.367-381.
8. Лебон Г. Психология народов и масс/Пер. с фр. Фридмана А. и Пименовой Э. - Спб.: Павленков, 1896. - II, 329 с.
9. Тард Г. Публика и толпа/Пер. Латернера Ф.-Спб.: Б-ка бывш. Иванова, 1899. - 48 с.
10. Токвиль А.де. О демократии в Америке/Пер. Линд В.Н. - М. Кн. дело, 1897. - XV, 620 с.
11. Шпенглер О. Закат Европы/С предисл. Деборина А. Пер. Гарелина Н.Ф. - М.; Пг.: Френкель, 1923. - Т. I. 467 с.
12. Arendt H. The origins of totalitarianism. - New ed. - N.Y.: Harcourt, 1966. - XXXI, 526 p. - Bibliogr.: p.483-507.

13. Burke E. Reflections on the revolution in France. - L.: Dodsley, 1790. - IV,364 p.
14. Corbett Th.A. People or masses: a comparative study in political theory. - Wash.: Catholic univ. of America press, 1950. - XIII,241 p.
15. Durkheim E. Professional ethics and civic morals /Transl. Brookfield K. - L.: Routhledge a. K.Paul, 1957. - XLIV,228 p.
16. Fromm E. Escape from freedom. - New York; Toronto: Farrar a. Rineburt, 1941. - IX,305 p.
17. Halebsky S. Mass society and political conflict: Toward a reconstruction of theory. - Cambridge etc.: Cambridge univ. press, 1976. - 309 p.
18. Lederer E. State of the masses: The threat of the classless society. - N.Y.: Norton, 1940. - 245 p.
19. Mannheim K. Man and society in an age of reconstruction: Studies in modern social structure. - L.: Paul, Trench, Trubner, 1941. - XXII,469 p. - Bibliogr.: p.383-455.
20. Neumann F. The structure and practice of national socialism. - L.: Gollanc 2, 1942. - 429 p.
21. New outline of the principles of sociology /Ed. Lee A. - N.Y.: Barnes a. Noble, 1951. - XIX,356 p. - (College outline series).
22. Nisbet R. Community and power: Formerly the quest for community. - N.Y.: Oxford univ. press, 1962. - XXIII,307 p. - (A Galaxy book). - Bibliogr.: p.285-294.
23. Nisbet R. Sociological tradition. - N.Y.: Basic books, 1966. - XII,349 p.
24. Ortega y Gasset. The revolt of the masses. - N.Y.: Norton, 1932. - 204 p.
25. Pappenheim F. The alienation of modern man: an interpretation based on Marx and Tönnies. - N.Y.: Monthly rev. press, 1959. - 189 p. - Bibliogr.: p.163-183.
26. Spykman N. The social theory of Georg Simmel. - N.Y.: Atherton press, 1966. - XXIX,291 p.

СТРЕЛЬЦОВ Н.Н.
КОНЦЕПЦИИ "МАССОВОГО ОБЩЕСТВА" В СОВРЕМЕННОЙ
БУРЖУАЗНОЙ СОЦИОЛОГИИ
(Научно-аналитический обзор)

После второй мировой войны в связи с усилением авторитарных тенденций государственно-монополистического капитализма критика массового общества с либерально-демократических позиций становится преобладающим направлением в теории "массового общества". Р.Милс, Э.Фромм, Д.Рисмен, Д.Макдональд и др. использовали понятие "массовое общество" для резкой критики различных сторон современного капитализма: экономического, политического и социального отчуждения, бюрократизации общественной жизни, централизации власти и упадка автономных ассоциаций и организаций, униформизма, стандартизации, конформизма "массового" человека, господства "массовой" культуры.

И.Хоув набрасывает общий портрет массового общества, характерный для данных концепций: массовое общество – это общество, "в котором население становится пассивным, индифферентным и атомизированным, в котором традиционные лояльности, связи и ассоциации становятся неопределенными или полностью исчезают, в котором объединенная общественность,

основанная на определенных интересах и мнениях, постоянно расчленяется на части и в котором человек становится потребителем, массово производящим себя, подобно товарам, развлечениям и ценностям, которые он потребляет" (15, с.426)

Обращая острие своего критицизма против антигуманизма современного буржуазного общества, демократический вариант теории "массового общества" оказывается неразрывно связанным с популярной ныне в американской социологии концепцией отчуждения. Многие демократические критики массового общества акцентируют внимание прежде всего на процессах, вызывающих дегуманизацию труда в современном американском обществе.

"Что случилось с современным рабочим?" - спрашивает Э.Фромм и так отвечает на этот вопрос: современный рабочий тратит большую часть своей энергии в процессе производства, где его роль пассивна, так как он выполняет незначительную изолированную операцию в сложной высокоорганизованной системе производства. Рабочий не знает, почему он производит "это", а не что-нибудь другое, какие потребности общества он удовлетворяет своим трудом. Будучи использован в качестве "частичной рабочей силы", он не может проявить себя в процессе производства как личность, самобытная оригинальность. Труд превращается только в средство для получения денег (10, с.124, 125, 131, 137, 177, 180). Характеризуя положение типичного рабочего в США, Фромм пишет: "Ему отказано в жизни, для него исчезает надежда самостоятельно контролировать что-либо, надежда проявлять творчество, любопытство и независимость мысли. И неизбежным результатом является для рабочего бегство от работы, сопротивление ей, разрушительные наклонности и физический регресс" (10, с.125).

Более детально проблема отчуждения труда среди американских рабочих рассматривается в работе Р.Блаунера

"Отчуждение и свобода" (8). Анализ Блаунера показал, что все аспекты отчуждения находят наиболее яркое выражение в автомобильной промышленности, которая прежде всего характерна для современной американской индустрии; 2,5 млн. рабочих и служащих связали свои судьбы с автомобильно-индустриальным комплексом (8, с.89). Рабочий автомобильной промышленности бессилен, атомизирован, деперсонализирован и анонимен. Он является, по Блаунеру, "прототипом массового человека в массовом обществе" (8, с.122).

Если Р.Блаунер игнорирует социальные условия отчуждения труда в масштабе капиталистического общества в целом, то Р.Милс прямо указывает на то, что объективное отчуждение индивида от произведенного продукта в процессе труда порождено современным монополистическим капитализмом и присущим ему разделением труда. Он отмечает, что отчужденный труд становится уделом не только рабочих, но все более проникает и в сферу труда "беловоротничковых". "Даже на профессиональном уровне работы "белого воротничка" задача развить и употребить индивидуальную рациональность часто невыполнима из-за централизации решения и формальной рациональности, которую порождает бюрократия" (20, с.205).

Отчужденный и глубоко неудовлетворительный характер труда приводит, по Фромму, к следующим результатам: во-первых, безделие рисуется в качестве соблазнительного идеала; во-вторых, укореняется враждебное отношение к труду и ко всему, что с ним связано (10, с.182).

Критики массового общества отмечают, что человек в современном буржуазном обществе отчужден не только от своего труда, но и от социальных сил, которые формируют это общество и определяют жизнь отдельных индивидов.

Чем же вызвано социальное отчуждение индивида? Критики массового общества по-разному отвечают на этот вопрос, но большинство из них считает, что оно обусловлено структурой массового общества.

Анализируя современное американское общество как массовое общество, Милс следующим образом характеризует его структуру: "Высшие слои современного американского общества становятся все более однородными и зачастую оказываются сознательно объединенными; на этой верхушке возникла властвующая элита. Средние звенья этого общества представляют собой ряд предоставленных самотеку и загоняемых в тупик взаимно уравновешивающихся сил, которые не связывают низы с верхами. Низы же этого общества раздроблены и становятся все более бессильными, не говоря уже о том, что они лишены инициативы; в низах американской социальной системы возникает инертное общество" (3, с.432).

Для структуры массового общества, по Милсу, характерны централизация и рост масштабов институтов, принимающих важнейшие решения, с одной стороны, и социальная атомизация, расщепление общества на все более узкие круги - с другой. Он ярко показывает процесс централизации и бюрократизации трех основных институтов американского общества - государства, корпораций и армии. Эти институты "большой тройки", превратившиеся в бюрократические иерархии, "внутри которых была разработана и туго завинчена современная авторитарная система управления" (3, с.29), возглавляют представители экономической, политической и военной элиты - богачи из мира корпораций, ведущие администраторы крупнейших корпораций, официальные руководители государства, высший генералитет. Основываясь на взаимосвязанных интересах корпораций, государства и военных институтов, они объединяются между собой и образуют "властвующую элиту", сосредоточивающую в своих руках реальную власть в США.

Концентрируясь в институтах "большой тройки", бюрократия проникает во все сферы американской жизни. Р.Милс говорит в этой связи об "административном демиурге" в США, где "все больше и больше областей общественной жизни ста-

новятся объектами административного манипулирования" (20, с.77). Аморфность общественного организма, социальная атомизация, по мнению критиков массового общества, являются "оборотной" стороной бюрократизации и централизации социально-политических отношений. Возвышение бюрократических организаций сопровождается изоляцией "первичных" отношений и отношений, промежуточных между индивидом и государством. Утратив многие социальные функции, "первичные" и "промежуточные" отношения, оказываются мало связанными с жизнью "большого общества", где господствует бюрократия. "Семья, местная общность, церковь и вся сеть неформальных межличностных отношений перестали играть определяющую роль в наших институциональных системах взаимопомощи, благосостояния, отдыха и экономического производства и распределения", "первичные отношения утратили большинство своих исторических функций опосредования человека и значительных целей нашей цивилизации" (21, с.54, 54) - с чувством тревоги отмечает Р.Нисбет. Исходя из этого, он считает, что для массового общества характерны слабые промежуточные и первичные отношения, имеющие тенденцию к разрушению. Слабость промежуточных и первичных отношений, по Нисбету, лежит в основе социального отчуждения, утраты общности и порождает доступность населения массовым движениям. Критики массового общества связывают атомизацию социальной структуры также с процессами урбанизации. По Милсу, рост крупнейших городов вызывает "расщепление проживающих в них людей на узкие, изолированные друг от друга круги и группы, лишает их тем самым твердого сознания своей целостности как общности" (3, с.426).

Следуя основной теоретической традиции развития концепции "массового общества", демократические критики показывают возвышение в этих условиях политического государства над обществом. Социальная атомизация приводит к "про-

ещированию всех социальных чувств на государство, которое становится идолом, властью, стоящей над человеком и выше человека. Человек подчиняется государству как носителю своих собственных социальных чувств, которым он поклоняется как власти, отделенной от себя; в своей жизни, как индивид, он страдает от изоляции и одиночества, которые являются результатом этого отделения" (10, с.141). Бюрократизация, централизация и социальная атомизация американского общества способствуют, по Милсу, превращению активной общественности в пассивную массу, которой элита эффективно манипулирует при помощи средств массовой коммуникации. "Вполне естественно, что в подобных условиях, - пишет Милс, - должно было возникнуть представление об общественном мнении как о пассивной реакции - нельзя даже сказать "отклике" - на содержание, преподносимое массовыми средствами общения. Общество выступает... всего лишь как механическая совокупность индивидуумов, отданных на произвол массовых средств общения, неспособных противостоять потоку внушаемых идей и представлений и их идеологическим махинациям. Сущность системы корыстной обработки общественного мнения, осуществляемой централизованными командующими учреждениями, сводится, если можно так выразиться, к экспроприации прежней массы мелких производителей и потребителей общественного мнения, действовавших в условиях свободного и уравновешенного рынка" (3, с.417). Подрывая основы буржуазной демократии, эти процессы ведут к тоталитарному государству, с горечью отмечает Милс. О кризисе буржуазной демократии пишет и Э.Фромм. По его мнению, отчужденному характеру труда в современном американском обществе соответствует отчужденное выражение воли избирателя. "Как могут люди выразить "свою" волю, если они не имеют своих убеждений, если они - отчужденные автоматы?" (10, с.185), - справедливо спрашивает Э.Фромм. Функционирование политиче-

ской машины в капиталистических странах он сравнивает с процессами, происходящими на товарном рынке: политические партии продают свой "товар" публике при помощи "барабанов пропаганды" почти так же, как это делают коммерческие предприятия при помощи рекламы (10, с.186). Специфику политической жизни в США хорошо показывает Милс: "В условиях дальнейшей концентрации и централизации капитала, возвышения военщины и политического вакуума, существующего в Америке, разумное обсуждение политических идей заменяется односторонней обработкой общественного мнения режимом официальной секретности, современными избирательными кампаниями, снижающими уровень политического значения народа и ужасной политикой совершившихся (и топорно обделанных) фактов" (3, с.484).

Но не все демократические критики массового общества единодушны относительно структуры массового общества и распределения власти в нем. Особенно контрастны взгляды по этим вопросам у Р.Милса и Д.Рисмена. Остановимся более подробно на их концепциях структуры власти в американском обществе, так как в этих концепциях наиболее ярко отражаются два основных направления демократической критики массового общества: Милс критикует американское общество с радикально-демократических позиций, а Рисмен - с либеральных позиций.

Тщательное сопоставление взглядов Милса и Рисмена о структуре власти в Америке дано У.Корнхаузером в статье "Правящая элита" или "группы вето"? (18).

Корнхаузер отмечает, что если Милс вполне определенно показывает, в чьих руках находится реальная власть в Америке - в руках властвующей элиты, - то Рисмен исходит из того, что ситуация более неопределенна и аморфна.

Пирамида власти в США, по Милсу, включает три уровня: 1) властвующая элита; 2) средний уровень власти, имеющий

второстепенное значение; 3) "пассивная масса", "политически инертное общество", практически не обладающее властью. Пирамида власти Рисмена включает два уровня, которые приблизительно соответствуют второму и третьему уровням Милса. Верхний уровень пирамиды Рисмена состоит из "ветогрупп", где происходит борьба между группами с различными интересами. Если Милс приходит к выводу, что изменения в структуре власти заключаются в концентрации власти в руках властвующей элиты, то Рисмен отмечает "возрастающую неопределенность", "дисперсию власти". По Милсу, в основе структуры власти в Америке лежит взаимопереплетение и общность интересов институтов "большой тройки". Он обращает внимание также на "психологическое сходство" представителей властвующей элиты. Ввиду общности социального происхождения, воспитания, образования, способа жизни они имеют не только общие материальные, но и общие духовные интересы. В то же время Милс подчеркивает утрату экономической независимости и единой политической цели у тех, кто находится на среднем и низшем уровнях власти. Он считает, что общественность, состоящая из атомизированных индивидов, неспособна участвовать в эффективной коммуникации и политическом действии.

Корнхаузер отмечает, что Милс и Рисмен по-разному оценивают последствия, вытекающие из распределения власти в американском обществе. Милс полагает, что существующая организация власти усиливает позиции основных институтов, лидеры которых формируют властвующую элиту. Концентрация власти в руках немногих и использование манипуляции как основного способа реализации политики сводит на нет значение политических дискуссий. В силу этого люди все менее понимают политические события и не связывают их со своими личными интересами. Несмотря на концентрацию власти в руках узкого круга властвующей элиты, по-прежнему пропаган-

дируется тезис о том, что власть находится в руках "активной общественности" и ее представителей. По Милсу, в конечном итоге все эти последствия изменений в структуре власти приводят к кризису демократических институтов. Рисмен же считает, что ни одна группа в американском обществе не обладает решающей властью. Как и Милс, он отмечает, что политика имеет все меньшее значение для значительного числа американцев. Но он связывает последнее не с концентрацией власти, как Милс, но с функционированием "вето-групп" и возрастанием сложности политики, вызывающей чувство бессилия у многих американцев. Если Милс говорит об упадке демократических институтов, то Рисмен - об ослаблении лидерства в американском обществе (см. таблицу I).

По Корнхаузеру, основной недостаток милсовской модели структуры власти состоит в том, что она не учитывает давления на позиции властвующей элиты со стороны среднего и низшего уровней; основная же ошибка Рисмена заключается в том, что он не показывает иерархии власти среди различных групп в американском обществе. Как правильно отмечает Г.К.Ашин, Милс "выявляет наиболее существенные зависимости в развитии современного капитализма - процесс концентрации власти в руках финансовой олигархии и зависимых от нее элитных групп. При этом, однако, он зачастую отвлекается от внешней формы процесса, от важных для социологического анализа проявлений сущности. Последнее как раз и противопоставляет ему Рисмен. Если сущность политической структуры современного капитализма элитарная, то ее оболочка, по видимости, демократична" (I, с.31).

Критики массового общества отмечают, что в условиях, когда труд не дает радости творчества и когда в социально-политической сфере господствует безличный бюрократизм, происходит перемещение интересов большинства населения США в сферу потребления и досуга. По Э.Фромму, индивид в процес-

се потребления является таким же отчужденным, как и в процессе производственной деятельности. Считая, что акт потребления должен быть осмысленным, продуктивным опытом, служащим человеческому счастью, он вынужден признать, что в американском обществе наблюдается совершенно иная картина: "Потребление является по существу удовлетворением искусственно стимулируемых фантазий, удовлетворение которых отчуждено от наших конкретных, реальных Я" (15, с.133). Утратив связь с реальными потребностями человека, потребление становится компульсивной, иррациональной целью: "Купить последнюю безделушку, последнюю модель чего-либо на рынке - это мечта каждого, по сравнению с которой реальное удовольствие от употребления является достаточно вторичным" (15, с.135). Потребление ради потребления - таков конечный итог отчужденного потребления. Показывая дегуманизированный характер труда в современном американском обществе, некоторые критики массового общества возлагали большие надежды на досуг. В своей книге "Толпа одиноких" (22) Д.Рисмен, например, отмечал, что развитие личности может происходить в сфере проведения свободного времени. Но если человек отчужден в процессе труда и потребления, то как он может использовать свое свободное время активным и осмысленным образом? - спрашивает Э.Фромм и отмечает, что такой индивид "всегда остается пассивным и отчужденным потребителем" (10, с.136).

Согласно критикам массового общества, основной формой заполнения досуга в США оказываются продукты массовой культуры, которая характеризуется следующим образом:

1. Аутентичная, обладающая эстетическими качествами и философским смыслом народная культура вытесняется массовой культурой.

2. Содержание массовой культуры определяется средствами массовой коммуникации.

Таблица I

Структура власти в США

	Милс	Рисмен
Уровни	<p>а) объединенная власть - элита</p> <p>в) множество групп с различными интересами</p> <p>с) масса неорганизованных людей, практически не имеющих власти над элитой</p>	<p>а) доминирующая властвующая элита отсутствует</p> <p>в) множество групп с различными интересами</p> <p>с) масса неорганизованных людей, имеющих некоторую власть над элитой</p>
Изменения	<p>а) растущая концентрация власти</p>	<p>а) растущая дисперсия власти</p>
Действие	<p>а) одна группа определяет важнейшие решения</p> <p>в) манипуляция массами со стороны "верхов"</p>	<p>а) кто определяет политику, зависит от конкретного вопроса</p> <p>в) конкуренция между организованными группами.</p>
Основы	<p>а) совпадение интересов среди основных институтов</p>	<p>а) разнообразие интересов среди основных организованных групп</p> <p>в) ощущение слабости и зависимости как среди тех, кто имеет высший статус, так и среди тех, кто имеет низший статус</p>
Последствия	<p>а) усиление интересов корпораций, военщины и исполнительной власти правительства</p>	<p>а) ни одна группа или класс намного не возвышается над другими</p>

Продолжение табл. I

	Милс	Рисмен
	в) уменьшение значения общественного мнения в политике	в) утрата чувства долга в политике и интереса к ней
	с) потеря ответственности властвующей элитой - кризис демократии	с) кризис способности к эффективному лидерству

3. Стандартизация, навязываемая средствами массовой коммуникации, вызывает гомогенизацию содержания массовой культуры.

4. Массовая культура предназначается для продажи. Культура, таким образом, превращается в товар, стоимость которого определяется величиной аудитории.

5. Массовая культура вульгарна и посредственна.

6. В то же время она является безнравственной как по своему содержанию (темы насилия играют в ней ведущую роль), так и в силу того, что для нее характерны этический релятивизм, низвержение ценностей.

7. Массовая культура оказывает вредное психологическое воздействие на значительную часть населения, вызывая рост преступности и аморального поведения. Кроме того, она действует как наркотик, как "эскапистский источник бегства в лоно детского блаженства" (II, с.173).

8. Массовая культура носит манипулятивный характер. Она скорее эксплуатирует потребности людей, чем удовлетворяет их.

9. Массовая культура "расколола мир культуры" (II, с.175). После ее появления стало трудно провести различие между вульгарным и выдающимся. Эзотеризм "высшей" культуры не может долго противостоять натиску массовой культуры.

По Д.Макдональду, процесс вульгаризации культуры легче понять, если выделить три ее уровня - "масскульт", "средняя" культура и массовая культура. "Средняя" культура эксплуатирует достижения высокой культуры, делая ее доступной для "среднелобых". Последние придают произведениям "средней" культуры коммерческую основу, превращая их в "масскульт". В этом процессе утрачивается единство культуры, а оригинальные произведения протиституируются и опшляются.

Ю. Массовая культура в силу вышеизложенного вряд ли может называться культурой, содержание которой в ней заменили "сфабрикованные иллюзии" и "эфмерные сенсации" (II, с.176).

II. Массовая культура является неотъемлемой составной частью массового общества. Будучи атомизировано, оно немисливо без средств массовой коммуникации и массовой культуры.

Многие теоретики массовой культуры подчеркивают, что главное противоречие ее состоит в противоречии между гетерогенностью аудитории и гомогенностью информации средств массовой коммуникации, не учитывающих разнородные вкусы этой аудитории. Вопрос о влиянии дифференциации среди аудитории на восприятие информации средств массовой коммуникации был специально рассмотрен в статье Г.Виленского "Массовое общество и массовая культура; взаимозависимость или независимость?" (27), в которой он пытается соединить теоретические проблемы, поставленные теоретиками массового общества, с систематическим эмпирическим исследованием проблем массовой культуры.

Работа Г.Виленского основана на изучении стилей жизни 1354 человек - профессоров, юристов, инженеров, служащих, представителей "средней массы" (низшие, средние и высшие рабочие слои) и двух групп безработных.

Для социологического анализа "высокой" и "массовой" культуры Г.Виленский при их определении подчеркивает социальный контекст их производства. Продукты "высокой" культуры: 1) созданы культурной элитой, которая опирается на определенную культурную, эстетическую, научную традицию. Под элитой здесь имеется в виду творческие представители науки, культуры, которые воплощают высокие стандарты и ценности и служат образцами для тех, кто работает в этих областях; 2) имеют стандарты, которые хотя и независимы от потребителя, но систематически соотносятся с ним. Продукты же массовой культуры производятся специально для массового рынка, массового потребления. Они обычно подделываются под средние вкусы недифференцированной аудитории. Результаты, полученные Г.Виленским, неутешительны. Только 85 человек из опрошенных интересовались культурой для "высоколобых" одновременно в трех или четырех сферах (включая телевидение, газеты, журналы, книги); 157 - в двух, 305 - в одной, 807 - ни в одной. С другой стороны, 138 опрошенных очень много времени отдавали просмотру "обедненного" телевидения - 25, 30 и даже 35 часов в неделю уходило у них на просмотр вестернов, детективов, приключенческих программ; 524 человека были умеренными в этом отношении и 692 человека смотрели немного таких программ.

Данные показывают, что окончившие колледж, по сравнению с менее образованными, более избирательны относительно программ, которые они смотрят по телевизору, читают больше качественных журналов и газет, слушают более серьезную музыку. Они предпочитают более разнообразную по содержанию печать более равномерному в этом отношении радио. Однако, несмотря на эти различия, образованные страты "становятся участниками в массовой культуре" (27, с.190). Общий униформизм резко возрастает по отношению к

спорту, комиксам. Телевидение же почти полностью разрушает границы структурной дифференциации. Развлекательские программы пользуются почти такой же популярностью среди окончивших колледж, как и среди менее образованных. Первых отличает скорее не то, что они смотрят по телевидению, а то, как они реагируют на содержание программы: они часто критикуют эти программы, хотя и продолжают регулярно их смотреть.

Такая же "экспансия" массовой культуры характерна и для чтения. Большинство из тех, кто читает по крайней мере один журнал для "высоколобых", читают также журналы "средне" и "низколобых". Лишь 3% из всех читают только журналы для "высоколобых". Среди опрошенных специалистов, имеющих образование в объеме колледжа, лишь один из четырех прочитал одну книгу для "высоколобых" в течение двух месяцев.

Г.Виленский не мог найти ни одного человека среди опрошенных, который бы полностью отверг культуру для "средне- и "низколобых". Лишь несколько "смягчив" определение "высокой" культуры, ему удалось обнаружить 19 человек, которые делали героические попытки иметь дело только с культурой для "высоколобых". Они интересовались материалом для "высоколобых" во всех четырех сферах (журналы, книги, газеты, телевидение) и исключительно для "высоколобых" (в одной или более сферах) или не смотрели телевизионные программы, интересовались в некоторой степени материалом для "высоколобых" в трех сферах и исключительно для "высоколобых" - в одной.

Данные, полученные Г.Виленским, показывают, что рост среднего образования мало способствует улучшению культурного вкуса: среднее образование обычно защищает от чрезмерных количеств самого низкопробного содержания средств массовых коммуникаций, но не может помочь выйти за пределы культуры для "средне- и "низколобых".

Выявляя соотношение между "компетенцией" (качеством) досуга и величиной рабочей недели, Г.Виленский получает следующие результаты: низкая компетенция досуга изменяется от 17% в группах, имеющих длинную рабочую неделю, до 65% среди тех, кто имеет короткую рабочую неделю (т.е. менее 44 часов в неделю). Безработные в этом отношении приближались к инженерам и "синим" воротничкам.

На основании этих данных Виленский констатирует, что те, кто имеет наибольшее количество досуга, наименее способны творчески использовать его.

Таким образом, данные показывают, что распространение культуры приобретает в американском обществе форму проникновения массовой культуры во все слои населения. Процесс же "подъема" культуры, т.е. сохранение и развитие высоких стандартов культуры и постепенное улучшение на их основе массовых вкусов, согласно Г.Виленскому, может иметь место "лишь в незначительной степени" (27, с.173).

Демократические критики массового общества выделяют особый тип личности, воплощающий в себе черты "массового" человека. По их мнению, формируется новый тип личности - личность, "ориентирующаяся на других" (Рисмен), "самоотчужденный человек" (Фромм), для которой характерны конформизм, обезличка, утрата индивидуальности, желание раствориться в толпе, подверженность манипуляции и внушению. Фромм и Милс связывают самоотчуждение личности с "рынком личностей" и "рыночной ориентацией", порожденных капиталистическим обществом. "Продавать себя, - отмечает Милс, - значит превращаться в товар. Товар не контролирует рынка, его номинальная цена определяется тем, что предлагает рынок" (27, с.153). Согласно Рисмену, "личность, ориентирующаяся на других", рассматривая себя и других как объект манипуляции, приходит к самоотчуждению. Самоотчужденный индивид деперсонализуется, утрачивает ощущение своего "Я".

Фромм следующим образом описывает психологические последствия самоотчуждения личности. Потеря личностью своего "Я" создает глубокую тревогу, озабоченность, беспокойство. Индивид сталкивается лицом к лицу с бездной, где обитает нечто, испытывая при этом такой страх, перед которым меркнут дьявольские пытки. Отчужденный человек испытывает чувство вины перед самим собой за то, что он потерял свою собственную сущность. Он оказывается во власти ощущений бессилия, неудовлетворенности, одиночества, изоляции, постоянного страха, которые неустанно преследуют его, приводя в конечном счете к различным неврозам. И он, чтобы выжить, должен подавить эти чувства, вытеснить их в преддверие сознания, создать защитные механизмы против них. Так возникают различные психологические механизмы "бегства от свободы". Фромм считает, что наиболее распространенным механизмом "бегства от свободы" в современном обществе является стремление раствориться в массе, так называемый "автоматический конформизм" (Ю). Рассмотрение психологических последствий самоотчуждения личности воссоздает яркую картину социальных заболеваний личности в буржуазном обществе.

Таким образом, анализ массового общества и присущего ему отчуждения не может не привести буржуазных социологов к социальному критицизму. Эта критика нередко превращается в обвинительный акт против современного государственно-монополистического капитализма. Однако распространяя теории "массового общества" на всю современную цивилизацию, абсолютизируя отрицательные последствия современного капитализма и не замечая тех прогрессивных тенденций, которые пробивают себе дорогу среди широких масс трудящихся, критики массового общества не могут предложить реальных путей преобразования массового общества.

В работе "Политика массового общества" У. Корнхаузер пытается подвести итоги развития критических концепций

"массового общества" (17). Вычленив две основные интеллектуальные традиции, в русле которых развивались критические концепции "массового общества" - 1) реакция на буржуазно-демократические изменения в Европе XVIII-XIX вв.; 2) реакция на возникновение тоталитарных режимов в XX в. - автор связывает первую традицию с аристократической критикой массового общества, а вторую - с демократической критикой. "Любая теория, находящая главную черту массового общества в том, что вторжение масс подвергает опасности элиту, определяется как "аристократическая", в то время как теория, усматривающая главную черту массового общества в том, что атомизированные неэлиты подвергаются опасности господства элит, определяется как демократическая" (17, с.24).

Зафиксировав основные направления аристократической критики массового общества - рост равенства (потеря традиционной власти), распространение готовности поддержать антиаристократические формы правления (поиски популярной власти), управление масс (господство псевдовласти) и основные направления демократической критики - рост атомизации (потеря общности), распространение готовности принять новую идеологию (поиски общности) и тоталитаризм (господство псевдообщности), Корнхаузер отмечает, что оба варианта критики сходятся в том, что наиболее важным социальным процессом в массовом обществе является атомизация социальных отношений, отсутствие промежуточных автономных отношений между элитами и неэлитами. Он стремится создать единую общую концепцию "массового общества", которая синтезировала бы оба варианта, преодолев их односторонности. Учитывая то общее, что объединяет критические теории массового общества, Корнхаузер дает следующее его определение: "Массовое общество - это социальная система, в которой элиты легко доступны влиянию неэлит и неэлиты легко доступны для мобилизации элитами" (17, с.39).

Исходя из этих двух переменных - доступность элит и доступность неэлит - Корнхаузер строит свою типологию обществ. Его классификация включает четыре типа обществ: общинное, плюралистическое, тоталитарное, массовое.

Общинное общество характеризуется низкой доступностью элит и неэлит. Элиты слабо доступны потому, что принадлежность к ним закреплена традиционной аскрипцией. Неэлиты слабо доступны потому, что они прочно связаны родственными отношениями и принадлежностью к общности. Плюралистическое общество предполагает доступность элит и недоступность неэлит. Элиты являются доступными в силу того, что существует конкуренция среди независимых групп, открывающая многие каналы для продвижения по социальной лестнице. Население малодоступно, так как оно включено в многочисленные автономные группы. Для тоталитарного общества характерна недоступность элит и доступность населения. Элита недоступна, ибо она пополняется через кооптацию теми, в чьих руках находится власть. Население доступно потому, что оно, не будучи включено в независимые социальные группы, не может оказывать сопротивление элите и легко мобилизуется ею. Наконец, в массовом обществе доступны как элиты, так и неэлиты. Доступность элит и неэлит вытекает из слабости независимых групп между государством и семьей, которые могли бы противостоять процессам манипуляции сверху и давления снизу.

Корнхаузер подчеркивает, что эти четыре типа общества являются абстрактными типами, так как в действительности ни одно современное общество не является "чисто общинным, плюралистическим, массовым или тоталитарным" (17, с.41).

Методологическое значение его типологии состоит в том, что она позволяет провести более четкие границы как между массовым и тоталитарным обществом, так и между массовым и плюралистическим обществом, которые ранее постоянно смешивались теоретиками массового общества.

Если аристократические его критики, акцентируя внимание на доступности элит, не различали плюралистическое общество и массовое общество, то демократические критики, подчеркивавшие доступность атомизированных масс, смешивали тоталитарное общество с массовым.

Развивая аналитическую модель массового общества, Корнхаузер анализирует структуру массового общества. Он выделяет три уровня социальных отношений в сложных обществах. Первый уровень — это личные или "первичные" отношения, особенно характерные для семьи. Третий уровень включает отношения национальные, прежде всего государственные. Второй уровень — это промежуточные отношения, которые функционируют "как связи между индивидом и его первичными отношениями, с одной стороны, и государством и иными национальными отношениями, с другой стороны" (I7, с.74). Они включают в себя отношения в местной общности, добровольных ассоциациях и профессиональных группах.

Для структуры массового общества, по Корнхаузеру, характерны: 1) централизация национальных отношений; 2) слабость промежуточных отношений и 3) изоляция первичных отношений. Корнхаузер подчеркивает, что организация массового общества концентрируется на национальном уровне. Это находит выражение в распространении деятельности государства на ранее автономные сферы общественной жизни, в росте национальных массовых организаций и смещения власти от местных к национальным центрам. Поглотив многие функции, ранее выполняемые промежуточными группами и семьей, государство и национальные массовые организации стали играть "центральную роль в направлении всех видов коллективной деятельности" (I7, с.93). В итоге наблюдается централизация социальной структуры массового общества, где индивид и первичные группы прямо связаны с национальными центрами организации и коммуникации.

"Централизация коммуникации и принятия решения, - пишет Корнхаузер, - означает, что в той мере, в какой люди участвуют в большом обществе, они должны делать это через государство и другие включающие (национальные) структуры" (17,с.75). По Корнхаузеру, национальная организация, централизованная за счет промежуточных групп, помогает создать аморфные массы, которые могут быть легко мобилизованы, когда они находятся в прямой зависимости от национальных центров.

С другой стороны, при отсутствии автономных промежуточных структур, национальные организации отдалены от своих членов и оказываются не в состоянии глубоко влиять на них.

Этот разрыв между "верхними" и "нижними" этажами массовых организаций имеет тенденцию заполняться посредством манипуляции массами со стороны элиты или через прямое давление масс на элиты. Сталкиваясь с безличностью и отдаленностью национальных отношений и утратив полнокровное участие в жизни промежуточных групп, индивиды или отказываются от общественной деятельности, пополняя ряды политически индифферентной массы, или же вовлекаются в массовые движения, направленные против существующего порядка.

Личные (первичные) отношения, по Корнхаузеру, становятся все более отдаленными и изолированными от национальных центров массового общества, так как формальные массовые организации, играющие решающую роль в массовом обществе, построены на деперсонализированных отношениях между индивидами. Своеобразным индикатором изменений роли первичных отношений в массовом обществе, согласно Корнхаузеру, является уменьшение значения современной семьи, которая, став "ядерной", утрачивает многие социальные функции и оказывается не способной связать индивида с социальной системой.

Считая, что вопрос о тенденции к разрушению первичных отношений в условиях массового общества заслуживает серьезного внимания, Корнхаузер подчеркивает, что "центральной чертой первичных групп в массовом обществе является не столько их внутренняя слабость, сколько их внешняя изоляция от большого общества" (17, с.75).

Участие в небольших, но изолированных первичных группах не дает индивиду понимания функционирования безличных национальных организаций массового общества и не может обеспечить основу для его активной деятельности в обществе. Принадлежность к первичным группам в массовом обществе, таким образом, не может заменить участия в промежуточных группах, которые связывают первый и третий уровни социальных отношений.

Остановившись на характеристике промежуточных групп, Корнхаузер подразделяет их на "сильные" и "слабые" - в зависимости от их способности действовать в качестве автономных центров власти и на "включающие" и "невключающие" - в зависимости от степени контроля, осуществляемого промежуточными группами над входящими в них индивидами. "Невключающие" организации контролируют только отдельные аспекты жизни своих членов, в то время как "включающие" организации стремятся к полному господству над ними. В качестве примера "невключающих" организаций, по Корнхаузеру, могут служить ассоциации Ньюберипорта (Массачусетс, США). Исследование, проведенное здесь Л.Уорнером, показало, что в одну треть из 357 ассоциаций, которые изучались, входили члены из трех различных социальных групп (исследование исходило из наличия шести социальных групп, выделенных на основе уровня дохода и типа потребления); во вторую треть входили члены из четырех социальных групп и в одну шестую - из пяти или шести социальных групп. Почти две трети из 12 876 членов ассоциаций принадлежали к ассоциациям, в которых четыре или более социальных групп были представлены.

Корнхаузер отмечает, что "невключающие" промежуточные отношения характерны для плюралистического общества, в котором они обладают значительной степенью автономии. В тоталитарном обществе промежуточные организации являются "включающими" и лишены автономии.

Рассмотрение особенностей социальной структуры массового общества Корнхаузер дополняет типологическим анализом — специфических черт культуры и личности в массовом обществе. Для культуры массового общества, по его мнению, характерно замещение разнообразия местных культур массовыми стандартами. Корнхаузер отмечает, что массовые стандарты являются униформными (т.е. нивелированными) и быстро меняющимися. Культурный униформизм массового общества вытекает из утраты им разнообразной групповой жизни и тесно связан с преобладанием в нем атомизированных масс. В массовом обществе униформизм мнения становится высшим критерием.

Массовые стандарты не только униформны, но и легко изменчивы. "Везде, где стандарты установлены огромным количеством людей, они будут иметь тенденцию проявлять частое изменение в своем содержании" (17, с.103). Более того, когда люди участвуют в определении стандартов как члены массы, то изменения в стандартах могут быть неожиданными и существенными. Массовые стандарты в массовом обществе поддерживаются массовыми организациями, которые могут функционировать лишь при наличии недифференцированных масс, формированию которых способствуют массовые стандарты.

Плюралистическое общество порождает быстро меняющиеся и одновременно разнообразные культурные стандарты. В тоталитарном обществе культурные стандарты устойчивы, ибо они установлены элитой, обладающей монополией власти, и в то же время нивелированы, что вытекает, по Корнхаузеру, из слабости его социальной дифференциации.

Сопоставляя характерные черты индивидов в четырех типах обществ, Корнхаузер выявляет специфику типа личности в массовом обществе. Корнхаузер, подобно Фромму и Милсу, отмечает, что отчуждение индивида в массовом обществе приводит его к самоотчуждению, утрате своего "Я". Массовый человек не выделяет себя из массы других индивидов, стремясь быть таким "как все". Он становится легко восприимчивым к внешним влияниям. Для массового человека "характерным ответом на самоотчуждение является диффузное беспокойство и поиск замещающих форм интеграции" (17, с.109).

Пытаясь преодолеть беспокойство, сопровождающее самоотчуждение, он оказывается легко доступным различным массовым движениям. В плюралистическом обществе формируется автономный индивид, который имеет свое "Я", ощущает себя творцом своей собственной судьбы. Психологический тип индивида в общинном обществе Корнхаузер, вслед за Рисменом, называет "ориентированным на традицию". Конформизм по отношению к традиционным стандартам и авторитетам в общинном обществе, по Корнхаузеру, коренным образом отличается от конформизма с массовым мнением, преобладающим в массовом обществе. Если ориентация на традицию в общинном обществе является основой связи индивида со своим "Я", то в массовом обществе ориентация на массу является источником самоотчуждения. Если традиционный индивид приспособливается к группе, чтобы выполнить свои обязанности перед ней, то массовый человек делает это, стремясь преодолеть чувство беспокойства, сопровождающего утрату им своей личности.

Тоталитарное общество порождает психологический тип, который является самоотчужденным, подобно массовому человеку, но ориентированным на группу, подобно индивиду, ориентированному на традицию. Индивид в тоталитарном обществе отказывается от своей индивидуальности и полностью подчиняется группе.

Корнхаузер считает, что четыре типа общества можно различать, исходя из преобладания механизмов, через которые индивиды регулируют свое поведение. Такими механизмами в общинном обществе являются чувства чести и стыда; в массовом — внушаемости и беспокойства; в плюралистическом — самоуверенности и вины; в тоталитарном — подчинения и страха.

Аналитическая реконструкция критических теорий массового общества и типологический анализ специфики массового общества не являются самоцелью исследования Корнхаузера. Он пытается применить реконструированную теорию "массового общества" для анализа политических движений в буржуазных странах. Уже при рассмотрении специфических черт массового общества Корнхаузер неоднократно подчеркивал, что массовое общество весьма благоприятно для развития массовых движений. По его мнению, массовое поведение и массовые движения являются неизбежными спутниками массового общества: "Наша концепция массового общества содержит следующее основное утверждение: высокий уровень массового поведения можно ожидать, когда как элиты, так и неэлиты теряют социальную изоляцию, т.е. когда элиты доступны прямому вторжению неэлит и когда неэлиты доступны для прямой мобилизации элитой" (17, с.43). Либерала Корнхаузера прежде всего беспокоит то, что в массовом обществе высок уровень массовых движений, что активность масс выливается "во вторжение в жизненно важные центры общества", что "политическая активность масс ... обходит институциональные процедуры" (17, с.46).

Поэтому, естественно, что критика массовых движений выступает у Корнхаузера на первый план.

Концепция массовых движений Корнхаузера опирается на исследование массового поведения, которое характеризуется следующими чертами:

1) фокус внимания удален от личного опыта и повседневной жизни индивидов ;

2) способ их реакции на отдаленные объекты является прямым ;

3) массовое поведение весьма нестабильно, легко изменяет фокус своего внимания и интенсивность реакции.

Будучи объединено общностью цели и организовано вокруг определенной программы, массовое поведение перерастает в массовое движение. Таким образом, массовое поведение концентрируется вокруг абстрактных целей и символов, удаленных от повседневной жизни и личного опыта индивидов. Преследуя эти абстрактные цели и символы, обычно известные через средства массовой коммуникации, индивиды утрачивают чувство реальности, ответственности и независимости своих суждений. Корнхаузер считает, что такое перенесение внимания на отдаленные объекты и абстрактные символы тесно связано со слабостью промежуточных отношений, которые смогли бы дать индивиду прочное место в социальной структуре. Слабость промежуточных отношений вызывает и вторую особенность массового поведения, которая заключается в том, что индивиды непосредственно вторгаются в жизненно важные центры общества, пренебрегая институционализированными процедурами и правилами. Корнхаузер называет такие действия "массовой политикой" и обвиняет их в экстремизме и "недемократичности". В развитии концепции массового поведения Корнхаузером наиболее интересна его попытка показать связь политической индифферентности с экстремистским активизмом. Неустойчивость массового поведения проявляется, по Корнхаузеру, именно в том, что активистские экстремистские способы действия сочетаются в массовом поведении с политической апатией и индифферентностью.

Отмечая, что "массовая апатия так же, как и массовый активизм, является широко распространенной в массовом об-

ществе" (I7, с.46), Корнхаузер указывает на взаимосвязь этих явлений: массовая апатия перерастает в массовый активизм, что особенно заметно во времена кризисов, которые вовлекают политически инертных людей в сферу политического действия. Показывая широкое распространение политической индифферентности в США, Корнхаузер обеспокоен тем, что политически апатичные индивиды могут оказаться "благодатной" почвой для формирования антидемократических движений. Он ссылается, в частности, на исследования выборов в г.Питтс-филде (Массачусетс, США), которые показали, что те, кто обычно не принимал участие в выборах, были менее склонны 1) принадлежать к добровольным ассоциациям (52% их не имели членства против 29% среди голосовавших); 2) интересоваться политической информацией; 3) принадлежать к какой-либо политической группе; 4) выразить мнение о текущих политических событиях. Эти исследования выявили большую готовность тех, кто обычно не принимал участия в выборах, поддерживать маккартизм. Среди них 20% опрошенных поддерживали Маккарти и только 36% были против него, в то время как среди обычно голосовавших соответственно 13 и 79% (I7, с.66).

По Корнхаузеру, массовые движения возникают на основе массового поведения и сохраняют его основные черты: цели массового движения являются отдаленными и экстремистскими; оно предпочитает активистские способы вторжения в сферу политики, мобилизует атомизированные и лишенные социальных корней части населения, утрачивает структуру автономных групп.

Корнхаузер проводит различие между массовыми и тоталитарными движениями. Тоталитарные движения, обладая основными особенностями массовых движений, отличаются от них тем, что стремятся получить полный контроль над своими сторонниками и над обществом. Тоталитарные движения высоко ор-

ганизованы элитой, в то время как массовые движения представлены аморфными коллективами, часто даже без стабильного руководства. Однако эти отличия между тоталитарными и массовыми движениями имеют для Корнхаузера второстепенное значение. В своем анализе он подчеркивает общность этих движений, рассматривая их как движения атомизированных масс.

В то же время Корнхаузер, как и критики тоталитаризма, противопоставляет массовые движения классовым движениям. Это противопоставление основано на специфическом понимании термина "масса", характерном для теоретиков массового общества. "Массы, - пишет Корнхаузер, - нельзя смешивать с рабочим классом, а "массовые движения" нельзя отождествлять с социальными движениями, основанными на рабочем классе. Это исследование развивает положение, что при определенных условиях любой или все классы могут порождать массы, в смысле большого числа людей, которые не интегрированы в любые широкие социальные группировки, включая классы" (17, с.14).

Он отмечает, что массовые движения поддерживают "социально неукоренившиеся и невключенные члены из всех классов... прежде всего и в наибольших количествах" (17, с.182).

Для того чтобы обосновать эти утверждения, Корнхаузер довольно подробно останавливается на социальном составе массовых движений.

Так, три четвертых состава провинциальных секретарей Итальянской фашистской партии в период ее становления вышли из рядов мелкой буржуазии. В послевоенной Италии значительное число "старых" средних слоев голосовало за неофашистов. Хорошо известно, какую огромную роль сыграли средние слои в развитии нацистского движения в Германии (2). Исследование маккартистского движения в США также подтверждает такую взаимосвязь. В Беннингтоне, например,

где Маккарти был очень популярен, его поддержали 50% мелких бизнесменов и 30% служащих.

Корнхаузер отмечает, что средние слои в различной степени доступны для массовых движений: "Старые средние классы, как городские, так и сельские, более доступны, чем новые средние классы; и нижние средние классы более доступны, чем высшие средние классы" (I7, с.210). Резкое ухудшение экономических, политических, социальных позиций старых средних слоев толкало их в ряды оппозиционных движений. В связи с тем, что положение мелких предпринимателей "продолжает ухудшаться перед лицом растущей рационализации экономического порядка", Корнхаузер считает, что "новые массовые движения получают сторонников из старых средних классов и особенно из их низших слоев" (с.211).

Корнхаузер признает взаимосвязь между крупными бизнесменами и фашистскими движениями (как массовыми). Он отмечает, в частности, что часть крупных бизнесменов вложила крупные денежные суммы в нацистское движение. Особенно эта помощь нацистам возросла после 1930 г., когда крупный бизнес столкнулся с большими экономическими трудностями, с одной стороны, и мощным нацистским движением - с другой. Однако в целом крупный бизнес слишком тесно связан с существующим политическим порядком, выражающим его интересы, и поэтому он является малодоступным для массовых движений. Лишь те его представители, которые обладают наименьшими связями с существующим режимом, присоединяются к массовым экстремистским движениям. Так, Маккарти, например, был поддержан тexasским миллиардером Хантом, который был "нуворишем" в мире бизнеса. Корнхаузер отмечает, что значительное число рабочих, которые политически неорганизованы и у которых не сформировалось классовое сознание, также поддерживают антидемократические движения. Все это позволяет, по его мнению, сделать вывод, что "на-

и более изолированные члены всех социальных классов тяготеют к массовым движениям... Доступность индивидов массовым движениям не определяется только экономическими интересами; важным является вопрос о том, связан ли индивид с профессией, ассоциацией и общностью" (17, с.220). Корнхаузер показывает, что ни аристократический, ни демократический варианты критики массового общества не выявляют специфику социальных условий, вызывающих "массовизацию" и массовые движения.

Аристократические критики рассматривают демократизацию как основной фактор размывания статусных групп, устранения изоляции элит и возникновения массовых тенденций. Они отвергают равенство во имя защиты авторитета. Демократические критики, отрицая то, что демократизация лежит в основе массовых движений, обычно обеспокоены процессами бюрократизации, урбанизации, индустриализации, которые, по их мнению, атомизируя общность, вызывают кризис демократических институтов. Согласно Корнхаузеру, социальные предпосылки массовых тенденций следует искать "во всей социальной структуре и особенно в структуре групп, промежуточных между государством и семьей" (17, с.227). По его мнению, "основной ряд обстоятельств, связанных с возникновением и развитием массовых движений, должен включать те факторы, которые ослабляют социальные организации, промежуточные между индивидом и государством" (17, с.125).

Корнхаузер показывает, что отсутствует позитивное отношение между степенью демократизации и размером массовых движений. Однако для того, чтобы процесс демократизации мог успешно развиваться, по Корнхаузеру, необходимы социальные механизмы, поддерживающие как авторитет, так и свободу. Если демократизация проводится без гарантий для авторитета, она делает демократическую форму правления беззащитной перед массовыми движениями. Если же демокра-

тизация осуществляется без соответствующей защиты свободы, она оставляет индивидов беззащитными от элит, ориентированных на "массу". Корнхаузер считает, что для стабильного демократического управления нужна демократизация "либерального типа", которая, с одной стороны, предполагает способность со стороны правящих групп признавать новые социальные элементы и все более разделять политические права и обязанности с ними" (17, с.132), а с другой стороны, благоприятна развитию автономных социальных групп, способных ограничить власть правящих элит.

При отсутствии этих условий, по Корнхаузеру, демократия легко может перерасти в новые формы автократии.

Идеал Корнхаузера - это плюралистическое общество, действующее по нормам либеральной демократии, где "главной гарантией против узурпации элитой власти является существование множества групп, которые достаточно равны, чтобы создать действительную конкуренцию за руководство" (17, с.42).

Выявляя взаимосвязь между массовыми тенденциями и процессами урбанизации и индустриализации, Корнхаузер подчеркивает, что отсутствует позитивное отношение между степенью урбанизации и индустриализации и величиной массовых движений. Тесно связанные между собой процессы урбанизации и индустриализации вызывают массовые тенденции лишь в той мере, в какой они разрушают общность, не создавая новых форм групповой жизни, т.е. в "той мере, в какой они порождают неукорененность" (17, с.157). По Корнхаузеру, наиболее существенные разрывы в общности возникают в условиях, когда урбанизация и индустриализация протекают в быстром темпе (особенно в их начальных стадиях). Быстрая трансформация сельско-аграрной общности в урбано-индустриальную общность порождает большие количества атомизированных масс. В условиях длительного процесса урба-

низации и индустриализации создаются более благоприятные возможности для возникновения новых форм организаций и ассоциаций, опосредующих индивида и "большое" общество. В зрелые периоды урбанизации и индустриализации происходит усиленное формирование различных промежуточных групп, которые противостоят массовым тенденциям.

Если "разрывы" в авторитете и общности вызывают хронические массовые тенденции, то "разрывы" в социальной системе в целом, возникающие в результате экономических кризисов, крупных военных поражений и т.д., порождают, согласно Корнхаузеру, сильные, но не продолжительные массовые тенденции.

Массовые тенденции являются наиболее мощными в тех случаях, когда "разрывы" в обществе соединяются с "разрывами" в авторитете и общности.

Таким образом, Корнхаузер, пытаясь конкретизировать вопрос о социальных предпосылках массовых тенденций и массовых движений, связывает массовые тенденции и массовые движения не с самими процессами демократизации, урбанизации или индустриализации, но с "разрывами" в обществе (кризисы, войны) и с "разрывами" в политическом авторитете и общности, которые возникают в зависимости от темпа, величины и способа социальных изменений. "Этот критик "массового общества", именующий себя либералом, призывает охватить массы "добропорядочными", лояльными по отношению к капиталистической системе группами, не предоставлять массы самим себе, ибо это опасно для элиты" (I, с.37).

Теории "массового общества" вызвали широкую дискуссию в современной американской социологии. Многие известные американские социологи подвергли эти концепции резкой критике. Некоторые из них полагают, что теория "массового общества" является результатом идеологического конструирования. Как отмечает А.Стюарт, "писатели всех политичес-

ких направлений используют термин "массовое общество" для критики тех черт современного общества, которые они не одобряют. Это часто просто наиболее общий термин для выражения антипатий писателя, перечисление которых, подкрашенное тщательно подобранным "социологическим свидетельством", выдается за реалистическую концепцию современного общества" (25, с.22). Такое использование термина "массовое общество" позволило Э.Шилсу сделать следующий вывод: "Призрак часто преследует социологов. Это - призрак массового общества" (24, с.91).

В то же время многие критики отдают должное концепциям "массового общества", отмечая, что они поставили целый ряд важных проблем. По мнению Е.Уолтера, "новая глава в социологии "может быть написана в силу того, что "идея массового общества проясняется и социальные факты могут быть расположены более точно" (26, с.410).

Давая общую оценку критики современного общества теоретиками массового общества, буржуазные социологи обычно отмечают, что она достаточно абстрактна, одностороння и часто полна двусмысленностей.

Д.Белл считает, что эти недостатки частично вытекают из неопределенности исходного понятия теорий "массового общества" - понятия "массы". Суммируя основные значения термина "масса", Белл говорит о "пяти различных и иногда противоречивых употреблениях" этого термина в теориях "массового общества":

1. Масса как недифференцированное число. В этом смысле под массой обычно понимается "гетерогенная и недифференцированная аудитория, противостоящая классу или любому узкому и относительно гомогенному сегменту".

2. Масса как носитель некомпонентности. Так, для Ортеги-и-Гассета "масса" обозначает не какой-либо социальный класс, но низкое качество современной цивилизации.

По его мнению, вкус современного среднего человека - это суждение неквалифицированного.

3. Масса как механизированное общество. Массовое общество с этой точки зрения рассматривается как общество - механизм, где машины накладывают свой неизгладимый отпечаток на индивида.

4. Масса как бюрократизированное общество. Основными признаками массового общества в этом значении массы являются крайняя рационализация и бюрократизация (как "сверхорганизация") современной жизни (К.Мангейм).

5. Масса как толпа. Специфика массового общества состоит в том, что оно устраняет социальные различия между индивидами (Э.Ледерер, А.Арендт).

Белл правильно отмечает, что эти понятия массы, лежащие в основе теорий массового общества, "слабо отражают или связывают сложные, дифференцированные социальные отношения реального мира" (5, с.25-26).

С.Галебски отмечает, что понятие "масса" применяется к населению, которое "по сути является немассой в любом последовательном или приемлемом значении термина" (13, с.4).

С.Джинер показывает, что теоретики "массового общества" односторонне интерпретировали социологические теории Ф.Тенниса, Э.Дюркгейма, М.Вебера, которые, хотя и развивали идею, что общая историческая тенденция состоит в переходе от общности к ассоциации, в то же время подчеркивали, что "этот глубокий и сложный исторический переход не означает полной замены общностей ассоциациями" (II, с.207). Осознавая сложность исторического процесса, они использовали схемы поляризации общности и ассоциации в качестве идеальных типов.

На основе тщательного анализа эволюции критических концепций "массового общества" Е.Уолтер приходит к выводу, что в настоящее время идея массового общества "более поэти-

ческая, чем теоретическая" и что она "нуждается в рационализации и должна быть выражена в более точных понятиях" для того, чтобы быть "работающей" социологической концепцией (26, с. 410). По мнению Д. Хьюита, концепция "массового общества" воплощает в себе скорее оценочную критику качества современной жизни, чем социологический анализ ее условий" (14, с. 35). С. Галемски считает, что эта концепция должна быть дополнена как системным анализом "влияния на поведение социальных, культурных и политических подсистем", так и феноменологическим анализом, учитывающим субъективные аспекты восприятия политической реальности (13, с. 8).

Наряду с общей оценкой доктрин "массового общества" в современной американской социологии были предприняты многочисленные попытки дать критический анализ основных положений этих концепций. Значительная струя этой критики была основана на исследованиях, которые подчеркнули важность первичных отношений в современном обществе. Статья С. Грира "Индивидуальное участие в массовом обществе" (12) обобщает многие исследования первичных отношений в американских городах: в Нью-Йорке, Чикаго, Лос-Анжелесе, Сан-Франциско, Детройте. Один из наиболее неожиданных результатов этих исследований состоял в том, что они показали большое значение для постоянных жителей города родственных отношений, выходящих за пределы ядерной семьи. Было обнаружено, что половина горожан посещает своих родственников по крайней мере один раз в неделю; преобладающее большинство делает это по крайней мере один раз в месяц. В этих городах в значительной степени сохранились определенные связи "большой" семьи: в Лос-Анжелесе, например, одна треть опрошенных посещала членов "большой" семьи, в Сан-Франциско почти 90% опрошенных утверждали, что некоторые члены "большой" семьи были для них одним из близких друзей; в Нью-Хейвене около 70% опрошенных говорили о том, что они получили значительную помощь от членов "большой" семьи. В Кливленде эта помощь составляла 100% в средних

слоях и 92,5% в рабочем классе (23, с.203). Типичный житель города имел неформальные соседские отношения, был членом каких-либо организаций.

А.Роуз и А.Этциони направляют главный огонь критики против интерпретации структуры современного общества как характеризующейся упадком промежуточных отношений между индивидом и государством и прямыми отношениями между организациями на национальном уровне и атомизированными массами.

А.Роуз показывает, что основная часть американского населения состоит не из масс, но из индивидов, интегрированных в группы, имеющие стратификацию относительно власти. Особое место в формировании интегрированных групп в американском обществе занимают, по Роузу, добровольные ассоциации. Их в США свыше 100 000. Исследование добровольных ассоциаций в г.Детройте в 1951 г. показало, что 63% населения являлись членами какой-либо организации (не считая принадлежности к церковной организации). Исследовательский центр Мичиганского университета обнаружил, что 64% взрослых американцев состоят по крайней мере в одной добровольной ассоциации (23, с.219-220). Исследования показывают, что в ассоциации более склонны вступать американцы, имеющие средние и высшие доходы, в то время как имеющие низкий доход предпочитают вступать в профсоюзы и неформальные устойчивые дружеские группы.

Рост добровольных и профсоюзных организаций Роуз рассматривает как реакцию на угрозу развития социальной атомизации. Д.Белл также отмечает, что США не являются атомизированным обществом. По Беллу, в США насчитывается около 200 тыс. добровольных организаций, ассоциаций, клубов и т.д., в которые входят около 80 млн. американцев. Вопреки гипотезе теории "массового общества" об упадке местной общности, для американского общества характерна широкая мест-

ная деятельность. Так, например, в городских границах Чикаго издаются 82 местные газеты с еженедельным оборотом почти в миллион экземпляров, а в районе метрополии Чикаго их было 181. Причем число местных газет в Чикаго возросло на 165% за сорок лет (начиная с 1910 г.), а оборот их за это время увеличился на 700% (5, с.32).

Детальный анализ местных чикагских общностей, проведенный А. Хантером, показал, что связи индивидов с местными общностями по месту жительства для многих являются весьма существенными. Хантер отмечает также быстрый рост добровольных местных ассоциаций, которые "интегрируют членов в социальную структуру и символическую культуру местной общности". По его мнению, "первичные отношения и местные общности являются уникальным продуктом массового общества" (16, с.154).

А. Этzioni показывает, что представления теоретиков массового общества об упадке промежуточных отношений вытекают из неправомерной экстраполяции процессов дезинтеграции традиционных коллективностей в начальный период модернизации на современность. В действительности же эти традиционные коллективности (классы, этнические группы, промежуточные организации, семья), утратив некоторые свои функции, но сохранив основные, сумели приспособиться к новым социальным условиям. Этот процесс не был "процессом продолжающейся дезинтеграции, но процессом "деколонизации" и трансформации" (9, с.436). Процесс "деколонизации" состоял в том, что эти традиционные коллективности передали в значительной степени свои функции другим коллективностям и организациям и стали сами более специализированными коллективностями. По Этzioni, такая специализация наблюдается в местной общности, в этнических и религиозных группах, в современной семье. В процессе трансформации изменилась внутренняя структура традиционных коллективностей: они

стали менее иерархическими и авторитарными и членство в них стало менее предписанным. Такая структура более приспособлена, по Этциони, к условиям современного общества с его возрастающей вертикальной и горизонтальной мобильностью. Наряду с адаптацией традиционных коллективностей к условиям современной жизни, возникли новые коллективности, которые имеют тенденцию быть ориентированными на достижение. Для современных обществ, отмечает Этциони, характерно то, что они "состоят из многочисленных коллективностей, чьи членства только частично пересекаются", и поэтому типичный индивид "будет членом нескольких подколлективностей, ни одна из которых не может полностью определять его членство в других..." (9, с.437). Индивиды в современном обществе, таким образом, не являются изолированными атомами, но включены как в микрогруппы (семьи, группы друзей, неформальные группы по месту работы), в подколлективности и коллективности, так и различные организации, формирующиеся на основе этих включений, Этциони считает, что микро- и макрогруппы и организации этих групп по-прежнему обуславливают "основную, если не первичную основу членства и действия" (9, с.434). Поэтому ответ на призывы национальных элит определяется не столько природой этих призывов или элит, сколько членством населения в микро- и макрогруппах и различных организациях, возникающих на основе этих групп. Этциони полагает, что взаимодействие государства и организаций с индивидами как массой, а не как членами коллективностей, преобладает лишь в ситуациях социальной дезорганизации, кризиса и в исторические периоды коренных изменений. Однако даже в этих условиях, благоприятных для массовых ситуаций, обычно возникают социальные движения, которые присоединяют к себе атомизированные массы и стремятся к созданию новой социальной структуры. "Таким образом, по-видимому, общество "ненавидит" "мас-

совую" ситуацию, избегает ее в основном и быстро оставляет ее, когда она возникает" (9, с.44I), - делает вывод Энциони.

Г. Виленский показывает односторонность взглядов теоретиков массового общества на взаимодействие социальной структуры и культуры. Анализируя взаимосвязь социальной структуры и культуры, он констатирует, что в современном обществе, с одной стороны, сохраняется и даже возрастает дифференциация социальной структуры, а с другой - увеличивается культурный униформизм. Из парадокса одновременного роста структурной дифференциации и культурного униформизма, по его мнению, вытекает возможность определенной дивергенции социальной структуры и культуры. Поэтому для существования массовой культуры не является необходимой "массовая" социальная структура. На этом основании Виленский делает важный вывод о том, что массовая культура может процветать и в условиях плюралистической социальной структуры индустриального общества. Однако в длительные промежутки времени, по мнению Виленского, пробивает себе дорогу тенденция к соответствию между социальной структурой и культурой. Это происходит за счет гомогенизирующего влияния массовых институтов, культурного униформизма и тесной взаимосвязи различных областей общественной жизни. Учитывая, что население может быть высоко восприимчивым к манипуляции при помощи средств массовой коммуникации, к пропаганде, рекламе, сохраняя одновременно прочные социальные включения в общность, Виленский считает, что для точного описания современного общества необходим синтез концепций массового, плюралистического и тоталитарного общества.

В одном из номеров "Журнала социальных проблем", вышедшем под названием "Америка, массовое общество, средства массового общения" (4), Р. и А. Бауэри попытались дать систематическую критику критических теорий "массового об-

щества" по вопросу о роли средств массовой коммуникации и культуры в современном американском обществе. Бауэры показывают, что теоретики массового общества находятся под воздействием мифа о всемогуществе средств массовой коммуникации - мифа, который был распространен до второй мировой войны. Этот миф базировался на трех предпосылках: 1) неформальная коммуникация играет незначительную роль в массовом обществе; 2) аудитория, на которую воздействуют средства массовой коммуникации, является "массой" в том смысле, что она социально атомизирована; 3) содержание информации средств массовой коммуникации можно прямо соотносить с реакцией аудитории. Исходя из так называемой модели "шприца", теоретики массового общества дают неверное представление о процессе коммуникации. Они недооценивают значение как первичных групп, так и социального взаимодействия и ценностных ориентаций индивидов, через призму которых преломляется восприятие информации средств массовой коммуникации.

Говоря о критике современной культуры теоретиками массового общества, Бауэры отмечают, что эта критика достаточно абстрактна и что в основе ее часто лежит идеализация прошлого. Эти недостатки могут быть устранены, по мнению Бауэров, если учитывать следующее: 1) можно делать сравнения современной культуры лишь с культурой определенного общества, существовавшего в истории, а не с "идеализированной мозаикой культуры", собранной из широкого ряда различных исторических эпох; 2) можно сравнивать лишь соответствующие по художественному уровню произведения культуры. Нельзя, например, сравнивать произведения Шекспира с современными американскими комиксами.

Это относится и к проведению исторических параллелей относительно потребителей культуры. Нельзя, например, сопоставлять культурные вкусы современного обывателя со вку-

сами знатного римлянина, восхищавшегося красотой поэзии Вергилия, но их нужно сопоставлять со вкусами среднего римлянина, приходящего в восторг от цирковых представлений.

Для того чтобы общая оценка критиков массового общества перспектив современной культуры могла бы быть признана верной, им следовало бы, по мнению Бауэров, доказать, что: 1) художественный уровень произведений современного искусства в целом ухудшается; 2) доступность произведений "высокой" культуры уменьшается; 3) общий уровень художественного вкуса населения снижается. Бауэры отмечают, что хотя многие явления, о которых говорят критики массового общества, имеют место в сфере культуры, однако в целом, подчеркивая лишь отрицательные стороны в развитии современной культуры, они дают искаженную картину духовной жизни современной Америки. Согласно Бауэрам, современная Америка переживает "культурное возрождение"; художественный уровень многих произведений искусства очень высок, доступность произведений "высокой" культуры резко возросла (особенно благодаря средствам массовой коммуникации), культурный уровень населения в целом повышается.

Т. Парсонс и У. Уайт, принявшие участие в обсуждении доклада Бауэров, поддержали их критику теорий "массового общества". По их мнению, теорию "массового общества" следует рассматривать как следствие "идеологической позиции, свойственной определенным группам интеллектуалов", которые сочетают "социальный демократизм" с "культурным элитизмом" (4, с. 67, 69). Отмечая, что теория "массового общества" из-за своей "идеологичности" дает неверную картину американского общества, они противопоставляют ей свою функциональную трактовку американской социальной структуры и тенденций ее изменения.

По Парсонсу, в высоко дифференцированной социальной системе для подсистемы массовой коммуникации характерна специализация функций между "производителем" и "потреби-

телем", относительная концентрация средств массовой коммуникации в руках крупнейших "производителей", "отчуждение", реципиента от контроля над источниками коммуникации и институционализации основных механизмов контроля. Структурные изменения в системе коммуникаций вызывают "распространение", дифференциацию и "подъем" культуры. Разорвав традиционные аскрипции, система коммуникации расширила доступность культуры для более широких слоев населения. Наиболее ярким свидетельством распространения культуры Парсонс считает рост образования. Вторым аспектом структурных изменений в системе массовой коммуникации является рост дифференциации, которая увеличивает свободу типичного реципиента относительно: 1) различных источников информации - газеты, журналы, книги, радио и др. ; 2) как типов, так и уровней культурного содержания.

Согласно схеме Парсонса, дифференциация и специализация в системе коммуникации должны способствовать "подъему" культуры, т.е. следует ожидать пропорционально большее распространение высших уровней культуры, чем низших (5).

Необоснованность оптимистических ожиданий Парсонса относительно перспектив развития культуры в США хорошо показана в специальном исследовании Виленского, о результатах которого говорилось выше. В этой связи следует упомянуть также работу Д.Белла "Культурные противоречия капитализма" (7), в которой ярко показан кризис современной западной культуры, которая, заблудившись в дебрях эгоцентризма и гедонизма, измельчав в поисках сенсаций, стала источником деморализации современного буржуазного общества.

Резкая и справедливая критика критических концепций "массового общества" в американской социологии не привела, однако, к "отречению" от самой теории "массового общества". Эта критика сопровождалась попытками создать новую доктрину "массового общества", которая акцентировала бы внимание

На положительных аспектах жизни современного общества. Ведущими представителями позитивной трактовки массового общества являются такие известные американские социологи, как профессор Миннесотского университета Д. Мартиндейл, профессор Колумбийского университета Д. Белл, профессор Чикагского университета Э. Шилс. Опираясь на те же понятия, что и представители критических концепций "массового общества", они наполняют их иным содержанием и оценивают противоположным образом основные тенденции развития современного общества. Анализируя материальные предпосылки массового общества, его социальные и культурные институты, представители этого направления пытаются доказать, что под влиянием массового производства и массового потребления происходит процесс становления экономической, социальной и политической однородности массового общества за счет стирания различий между уровнями доходов, типами потребления и ценностными ориентациями различных слоев населения.

Согласно Мартиндейлу, массовое производство и массовое потребление формируют основные черты массового общества. "Сердцевина" массового общества, отмечает Мартиндейл, находится "в технике современного массового производства и массовой рекламы, которые постоянно организуют и приспосабливают вкусы современных людей к массовой продукции" (19, УШ).

Теоретики данного варианта массового общества ставят развитие социальной структуры американского общества в непосредственную зависимость от развития массового производства и массового потребления. Они считают, что развитие массового производства и массового потребления способствует созданию среднего уровня дохода, стиранию "отличительных классовых стилей жизни", трансформации США в "однородное" общество.

Отталкиваясь от своих выводов о становлении в США од-

народной социальной структуры, представители позитивной трактовки массового общества говорят о духовной и социальной интеграции "массы" и "элиты" в американском обществе. Д.Белл утверждает, например, что "образ жизни, права, нормы, ценности, стремления, привилегии и культура все то, что ранее было исключительно принадлежностью элит, теперь доступно каждому" (6, с.413). Согласно Шилсу, новизна "массового общества заключается в отношении массы населения к центру общества. Это отношение состоит в более тесной интеграции с центральными институциональными и ценностными системами общества (24, с.93).

По мнению авторов данной концепции "массового общества", средства массовой коммуникации и массовая культура активно содействуют формированию социального и духовного единства американского общества, превращению его в общество "согласия", где преобладают отношения сотрудничества между различными классами и социальными группами.

Испытав большое влияние со стороны доктрин "народного капитализма", "государства всеобщего благоденствия" и теории "единого среднего класса", этот вариант свидетельствует о кризисе и вырождении концепций "массового общества", так как он отрекается как от теоретической традиции, из которой выросли критические теории "массового общества", а именно - от анализа социальной патологии буржуазного общества, так и от реальных проблем, поставленных его критиками. В новой доктрине "массового общества" социальный критицизм уступает дорогу прямой апологетике современной буржуазной действительности.

Таким образом, концепции "массового общества" являются своеобразным феноменом в буржуазной социологической мысли. В них тесно сочетаются идеологические и романтические иллюзии с исследованием и постановкой реальных проблем, социальный критицизм с апологетикой буржуазных отношений и антикоммунизмом. Вскрывая антикоммунистическую на-

правленность теорий "массового общества", идеологические фикции, двусмысленности, противоречия этих концепций, следует, однако, сохранить "рациональное зерно" в этих концепциях, которое заключено как в постановке и исследовании ряда важных проблем, так и в резкой критике буржуазной цивилизации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ашин Г.К. Доктрина "массового общества". - М.: Политиздат, 1971. - 191 с. - (Социальный прогресс и буржуазная философия). - Библиогр.: с.185-189.
2. Галкин А.А. Германский фашизм. - М.: Наука, 1967. - 399 с. - В надзаг. АН СССР. Ин-т мировой экономики и междунар. отношений.
3. Миллс Р. Властвующая элита/Пер. с англ. Розенталь Е.И. - М.: Изд-во иностр. лит., 1959. - 543 с.
4. America, mass society and mass media. - J. of social issues, N.Y., 1960, vol.16, N 3, p.1-85.
5. Bell D. The end of ideology: On the exhaustion of the political ideas in the fifties. - Glencoe: Free press, 1960. - 416 p.
6. Bell D. Modernity and mass society. - In: Paths of american thought /Ed. by Schlessinger A.M. a. White M. - Boston, 1963, p.411-431.
7. Bell D. The cultural contradictions of capitalism. - L.: Heineman, 1976. - XVI,301 p.
8. Blauner R. Alienation and freedom: The factory worker and his industry. - Chicago; London: Univ. of Chicago press, 1964. - XVI,222 p.
9. Etzioni A. The active society: A theory of social and political processes. - L.: Collier-MacMillan; N.Y.: Free press, 1968. - XXV,698 p.
10. Fromm E. The sane society. - New York; Toronto: Rinehart, 1955. - XIII,370 p.

11. Giner S. Mass society. - L.: Robertson, 1976. - XVI, 288 p. Bibliogr.: p.265-282.
12. Greer S. Individual participation in mass society. - In: America as a mass society: Changing community and identity/Ed. by Ph. Olson. Glencoe; 1963, p.327-335.
13. Halebsky S. Mass society and political conflict: Toward a reconstruction of theory. - Cambridge etc.: Cambridge Univ. press, 1976. - 309 p.
14. Hewitt J. Mass society, principles of organization, and paradox. - Intern. j. of comparative sociology, Toronto-Leiden, 1973, vol.14, N 1-2, p.35-45.
15. Hove I. Mass society and post-war modern fiction. - Partisan rev., N.Y., 1959, vol.26, N 3, p.425-436.
16. Hunter A. Persistence of local sentiments in mass society. - In: Handbook of contemporary urban life. San Francisco (Cal.); etc., 1978, p.133-162.
17. Kornhauser W. The politics of mass society. - L.: Routledge a. Paul, 1960. - 256 p. - (Intern. library of sociology and social reconstruction).
18. Kornhauser W. "Power elite" or "Veto-groups"? - In: Class, status, and power /Ed. by Bendix R., Lipset S. 2nd ed. N.Y., 1966, p.210-218.
19. Martindale Don. American society. - Princeton etc., 1960. - X, 570 p. - (The an Nostrand series in sociology).
20. Mills W.R. White collar: The american middle classes. - N.Y.: Oxford univ. press, 1956. - XX, 378 p.
21. Nisbet R. Community and power: Formerly the quest for community. - N.Y.: Oxford univ. press, 1962. - XXIII, 307 p. - Bibliogr.: p.285-294.
22. Riesman D. The lonely crowd: A study of the changing american character. - New Haven - L.: Yale Univ. press, 1967. - XLVIII, 386 p. - (Studies in national policy).
23. Rose A.M. The power structure: Political process in America. - N.Y.: Oxford univ. press, 1967. - XXIV, 506 p.
24. Shils E. Center and periphery: essays in macrosociology. - Chicago: Univ. of Chicago press, 1975. - XLIII, 516 p.

25. Stewart A. Mass society. - New society, L., 1964, 6 Febr.
26. Walter E. Mass society: The last stages of an ideas. - Social research, N.Y., 1964, vol.31, N 4, p.391-410.
27. Wilensky H. Mass society and mass culture: interdependence? - Amer. sociol. rev., N.Y., 1964, vol.29, N 2, p.173-197.

АШИН Г.К., МИДЛЕР А.П.
МАССОВАЯ КУЛЬТУРА КАК ПОНЯТИЕ И КАК РЕАЛЬНОСТЬ
АМЕРИКАНСКОГО ОБЩЕСТВА
(Научно-аналитический обзор буржуазных концепций
1963-1978 гг.)

Вопрос о сущности массовой культуры - область острой полемики, продолжающейся не одно десятилетие. Традиционное деление конфликтующих позиций на сторонников и противников массовой культуры ныне оказывается слишком схематичным. Прежде всего критики массовой культуры неоднородны. "Аристократические" критики (от Х.Ортеги-и-Гассета до П.Вирека) видят зло в самом факте популяризации культуры, рассматривая его как источник снижения критериев высокой культуры, оплакивают утерю эзотеричности культуры, бывшей традиционным достоянием элиты. Демократические критики (Д.Макдональд, Дж.Бенсен) видят причину кризиса западной культуры в ее коммерческой организации, в превращении средств массового общения, монополизированных буржуазией, в средства манипулирования элитой массами. Не в меньшей степени различаются и позиции сторонников массовой культуры, все более многочисленных в 70-х годах. Можно понять известного американского теоретика Б.Розенберга, который вос-

кликает: "Является ли массовая культура мерзостью, безобидным успокаивающим средством или же благословением? Это - вопрос острых дискуссий, в которых никто не уступает... Даже теперь, когда большинство из нас устало от полемики друг с другом, вопрос не продвинулся" (19, с.3).

Большинство западных исследователей рассматривают массовую культуру как общечеловеческий феномен, не связанный тесно с социальной структурой и коренящийся скорее в определенных тенденциях развития современной техники и технологии. Впрочем, односторонность подобного подхода осознается рядом буржуазных социологов, рассматривающих массовую культуру как культурологический аспект более широкого социального феномена - массового общества. Такой подход оказывается более аргументированным. Ибо то, что характеризуется как массовое общество, является феноменологическим описанием государственно-монополистического капитализма, а то, что обозначается термином "массовая культура" - способом социализации личности в условиях современного капитализма, навязыванием личности системы ориентаций, адаптирующих ее к данной социальной структуре.

Как правило, буржуазные социологи пытаются выхолостить из понятий "массовое общество", "массовая культура" всякое классовое содержание. У.Корнхаузер, утверждая, что массовое общество - "модель определенного типа отношений, которые могут доминировать в обществе или части общества", поясняет, что она относится к обществу, "главные институты которого организованы так, что имеют дело с народом в агрегате, в котором сходство в отношениях и поведении индивидов имеет тенденцию быть более важным, чем различия" (15, с.58). При этом он утверждает, что "классовая борьба имеет тенденцию к утере своего значения, когда все население инкорпорируется в деятельности организаций крупного масштаба" (15, с.59).

Под массовым обществом обычно имеют в виду систему социальных отношений, в которой личность соотносится с социальным целым лишь как элемент массы; происходит конфронтация атомизированного, нивелированного отчужденного человека массы с социальным целым, контролируемым элитой. В подобном обществе отсутствуют "промежуточные группы", опосредующие отношения между элитой и массой в доиндустриальных обществах; эти отношения опосредуются массовыми коммуникациями и их содержанием - массовой культурой. В этом обществе идеология индивидуализма, характерная для капитализма свободной конкуренции, заменяется идеологией бюрократизированного псевдоколлективизма, в котором господствует идеал конформистского индивида, с готовностью принимающего стандарты и установки бюрократического общества, отказавшегося от автономии, утратившего инициативу и чувство причастности к историческому творчеству. Не трудно обнаружить, что модель массового общества - абстрактное описание процессов и тенденций государственно-монополистического капитализма. А усвоение "массовым индивидом" требований и установок этого общества и происходит, как мы увидим дальше, через разветвленный механизм массовой культуры.

Конформизм - судьба личности в массовом обществе. Это "высокоспециализированное" (термин Т.Парсонса) общество требует для выполнения своих функций "хорошо обструганных", стандартизированных людей, ориентированных на выполнение предписанных им ролей. Массовое общество характеризуется ориентацией личности на групповые экспектации, на буржуазные стандарты поведения. Социализация личности в этом обществе (одним из средств которой является массовая культура) и выступает как проблема конформизации, приобщения к санкционированным нормам поведения. Стабилизации этой системы служит разветвленный механизм социального контроля (элементом которого опять-таки выступает массовая культура), искусно направляемый правящей элитой.

Если массовое общество – общество растущей дезагрегации социально-атомизированных, отчужденных людей, то все же как осуществляется их интеграция, их общение, наконец, управление ими? Попыткой дать ответ на эти вопросы и являются концепции "массовой культуры". Зачастую "маскульт" понимают весьма узко – как низкопробное, зрелищное искусство, ориентированное на широкий рынок. Но "маскульт" – не только произведения массового искусства, не только комиксы и вестерны, это и образ жизни, и способы духовного потребления, тесно связанные с "массовой" социальной структурой. Массовое искусство – это только меньшая, видимая на поверхности часть айсберга, именуемого массовой культурой.

С точки зрения анализа массового общества функция массовой культуры – это включение личности в систему производства, потребления и других сторон жизнедеятельности современного буржуазного общества.

З.Бауман выдвинул в 1962 г. тезис о том, что массовая культура – своего рода надстройка над социальной структурой массового общества. Он аргументировал этот тезис следующим образом: вслед за стандартизацией условий жизни миллионов людей стандартизировались и критерии культуры. Чем быстрее и шире распространялся процесс универсализации, тем, соответственно, большее общественное значение и распространение приобретала массовая культура (3, с.58).

Как детерминанты универсализации были выделены рынок, система социальных организаций общества и техническая оснащенность его. По Бауману, до развития капитализма большинство людей было исключено из процесса циркуляции товаров и как потребители они функционировали, в основном, в мелких замкнутых кругах относительно неразвитого обмена. В условиях индустриального общества человек зависит от формирующих влияний рынка, стандартизовавших обменные операции, а через них и всю жизнь больших групп людей.

В новых исторических условиях индивид участвует во все большем количестве крупномасштабных организаций, где он редко является влиятельным членом. В этой системе надличностных институтов он поневоле проявляет себя как "массовидный". Подобному развитию экономических и социальных структур активно содействует научно-технический комплекс как производящий серийные предметы (3).

Массовая культура часто рассматривается как причина и одновременно как следствие массового общества. Д.Белл считает, что именно благодаря "маскульту" и системе массовых коммуникаций сложилась современная социальная структура США (4). Массовой культуре отводится роль обеспечения функционирования массового общества; именно средства массового общения должны приспособить атомизированного "массового человека" к государственно-монополистической социальной структуре.

Вместе с тем многие западные социологи отмечают, что массовая культура может быть и не связана жестко с "массовой" социальной структурой, она обладает относительной самостоятельностью. На это, в частности, обратил внимание американский социолог Г.Виленский, отмечавший, что массовая социальная структура и культура изменяются с различной скоростью, причем независимые вариации наиболее значительны на высоких уровнях модернизации. Виленский имеет в виду прежде всего распространение массовой культуры в развивающихся странах, вступивших в стадию модернизации (30).

Отметим, что структурно-функциональный подход, неизбежно односторонний, ограниченный при анализе культуры (под подлинной культурой мы понимаем ту, которая формирует человека как суверенную личность, как творца истории, преобразователя социальных отношений) оказывается "работающим" при анализе массовой культуры (той псевдокультуры,

которая глушит в человеке личностное, творческое начало, которая лишь "подключает" его к существующему строю).

"Неподлинность", отчужденность этой культуры осознается многими западными теоретиками, в частности, экзистенциалистами (М.Хайдеггер), неофрейдистами (Э.Фромм). Человек не может жить в социальной изоляции, он стремится к коммуникации, ищет ее, и если он не находит в условиях массового общества общения, которое позволяет ему развивать себя как личность ("подлинную коммуникацию", пользуясь термином экзистенциалистов), он примыкает к общности-массе, буржуазному псевдоколлективу, не развивающему, а принижающему его личность ("неподлинная коммуникация"). Массовая культура и есть то "неподлинное общение", суррогат общения, которое не освобождает человека от атомизации, от отчуждения, а, напротив, воспроизводит это отчуждение, адаптируя человека к антигуманному обществу, калечащему личность. Массовая культура используется для того, чтобы навязать индивиду ценности современного капиталистического общества как основу личной жизни. В условиях господства монополий, опирающихся на бюрократизированный государственный аппарат, создается "индустрия развлечений", производящая в массовом масштабе "культуру", которая глушит социальную активность масс. Конечный продукт этой культуры - стандартизированный "массовый" человек, конформист, продукт бюрократической обработки, политической пропаганды.

Массовая культура может рассматриваться как система общения людей в условиях массового общества, циркуляции информации и основанного на ней управления, как система социального регулирования, заставляющая людей действовать в соответствии с потребностями этого общества, как способ манипулирования массами, интересы которых противоречат целям этого общества.

Функции массовой культуры неоднозначны. С одной стороны, она предполагает расширение круга потребителей культуры, и на этом основании некоторые социологи утверждают, что это - прогресс культуры. Э.Шилс считает, что "качество культуры в массовом обществе безусловно выше, чем в любую другую эпоху" (27, с.66). С другой стороны, это не культура в традиционном смысле слова, а скорее средство манипулирования человеческим сознанием. "Маскульт" изначально ориентирован на обыденное сознание; каналы массовой коммуникации в системе массовой культуры выступают мощным усилителем обыденных представлений. В определенном смысле массовая культура - это "современная" организация обыденного сознания, используемая владельцами средств массовой коммуникации для "проталкивания" буржуазной идеологии.

В высокоспециализированном массовом обществе человек интегрирован лишь как исполнитель конкретной производственной или социальной функции, как частичный человек. Коммуникация между этими "частичными людьми", узкими специалистами в масштабе общества не может идти на уровне человека-эксперта (тогда из нее исключится подавляющее большинство членов общества), она неминуемо происходит на уровне неспециалиста, на "среднем", общедоступном языке, неизбежно оказывающемся определенным упрощением. Таким образом, массовую культуру можно рассматривать как особую знаковую систему, особый язык, на котором общаются, достигают определенного уровня взаимопонимания члены массового общества; это не столько явление культуры в узком смысле слова, сколько способ функционирования массового общества. Отчужденная и стандартизированная духовная продукция массового общества является таким же имманентным условием сохранения этого общества, как и его материальная организация, его аппарат классового господства и принуждения.

В современной буржуазной общественно-политической литературе последних лет нередко признания, что декаданс западной идеологии из-за неразработанности в ней идеалов, выходящих за рамки удовлетворения материальных потребностей, жажда трансцендентальных духовных ценностей заставили значительное число людей ориентироваться на достижение более совершенного социального порядка (3). Американская социально-экономическая система, в частности, оказалась перед фактом того, что в материальном благосостоянии массовое сознание не находило больше ответа на экзистенциальные вопросы. Более того, массовое сознание в значительной своей части отвергло традиционный прагматизм американской политики с экономическим развитием в качестве единственной цели, в жертву которой приносятся другие национальные цели. К 70-м годам в США "голодная психика сменила голодное брюхо" (2, с.93); одной из важнейших форм проявления социально-политической активности стал широкий протест против примитивного идеологического манипулирования. Эта ситуация привела к повышению политико-идеологической роли массовой культуры. Содержание, связываемое с понятием "массовая культура", оказалось в контексте острых практических проблем регулирования массового сознания. В 60-е-70-е годы механизм культуры впервые рассматривается аппаратом управления капиталистического государства как важное, а в перспективе - как главное средство решения его экономических и идеологических задач. Стал "неизбежным" "переход от системы, удовлетворяющей материальные потребности, к экономике, целью которой является психическая удовлетворенность" (29, с.203). С периферии интересов государственно-монополистических верхов массовая культура передвинулась в центр. Постепенно поглощая наиболее значительное из потенциала американской и мировой культуры и

идеологии, все заметнее влияя на исход классовой борьбы, массовая культура привлекла к себе обостренное внимание как американских, так и европейских исследователей массового общества в Соединенных Штатах.

Прежде всего выявились три группы подходов в понимании того, что такое массовая культура и, соответственно, в определении этого явления.

Первый тип подхода характеризовался тем, что ключевым признаком при определении массовой культуры избиралось противопоставление "массового" и элитарного типов культур. В результате исследователи неизбежно приходили к определению "от противного": массовая культура полярна элитарной и обладает "противоположными" свойствами (Г.Виленский, Л.Козер и др.).

Другая группа социологов в попытках определить массовую культуру акцентировала ее производность от средств коммуникации, считая массовой культурой любые культурные образцы, способные охватить сколь угодно большую аудиторию в сжатое время или практически мгновенно (Л.Фридман и др.).

К середине 60-х годов движение критической мысли в США дало возможность показать, что первый тип определения тавтологичен, да и причинно-следственный ряд (массовая культура - средства массовой коммуникации) порождает лишь иллюзию объяснения массовой культуры. Феномен не обязан своим "массовым" характером средствам коммуникации, последние служат лишь каналами передачи культурного содержания. Третий подход к определению массовой культуры был выдвинут Бауманом, согласно которому буржуазная культура стала приобретать "массовый" характер не потому, что широкоэшелонные каналы охватили массовую аудиторию, а поскольку определенные условия жизни начали приобретать все более одинаковый характер для все больших масс (3).

К середине 70-х годов критическая рефлексия американской массовой культуры и ее саморефлексия достигли того

уровня, для которого предложенное Бауманом понимание (по существу структурно-функциональное) явилось не чем иным, как развитием и дополнением второго из описанных типов попыток определить массовую культуру (по преимуществу социологического), подобно тому как второе - развитием и углублением первого (в своей основе искусствоведческого). К 1975 г. стало очевидным, что каждый из вышеприведенных путей к определению схватывает отдельные стороны массовой культуры, а вопрос о специфичности феномена как целого остается нерешенным. Даже применяя структурно-функциональный подход, получается, что массовая культура своей специфичностью обязана рынку, организациям и науке, а последние, проясняя важные связи, которые характеризуют массовую культуру, тем не менее ее не определяют. Природа массовой культуры, бесспорно, проявляется в указанных институтах, зависит от них, но не только от них, феноменальность феномена где-то рядом (10, с.21-22).

Для того чтобы ее установить, а тем самым выявить подлинные границы понятия "массовая культура", стало необходимым синтезировать результаты попыток определить массовую культуру по ее истокам, выражающимся в ее производстве, с результатами попыток выявить ее характеристики по "распределению" и "потреблению". Что касается "распределения" и "потребления" американской массовой культуры, то итоги критических исследований этих групп проблем привели опять-таки к тройким результатам.

I. Ряд буржуазных социологов развили мысль, высказанную еще известным английским поэтом Т.Элиотом, что массовая культура всегда будет подменной культуры и, раньше или позже, более разумные из тех, кому эта культура была подсунута, обнаружат, что были обмануты (8). "Обман" массовой культуры разоблачит якобы сам себя, так как чем шире распространяется духовная культура, тем становится тонь-

ше ее слой. Этот процесс охарактеризован как определяющий, ибо основным для органов информации (имеющих большой тираж или большую аудиторию) является: а) передавать лишь незначительное количество подлинной информации, чтобы не вызвать недовольства той или иной заинтересованной части населения; б) нивелировать общественное мнение; в) организовывать пропагандистские кампании; г) распространять идеи правящих кругов, влиять на независимые взгляды, приближая их - с помощью массовой коммуникации - к господствующей точке зрения; д) изобретать всевозможные мифы; е) насаждать практицизм и обывательские представления; ж) "развлекать" публику, уводя ее от актуальных и подлинно важных тем; з) дискредитировать оппозиционные мнения и их конкретных носителей (I, с.125).

На наш взгляд, это понимание позволяет и добавить, и снять любой пункт из-за ложности основополагающей посылки - понятия "массы" как основной детерминанты содержания коммуникации: считается, что средства массовой коммуникации влияют на публику только в том направлении, в каком она заранее готова идти. Это - современное развитие ортегианских идей, в рамках которых массы оказывают двойное (предварительное, ориентировочное, и обратное, коррелятивное) влияние на тех, кто контролирует средства коммуникации, тем самым аудитория якобы определяет содержание массовой культуры.

Такая точка зрения недооценивает ведущую роль в культурной политике сфер управления, которые бесспорно ориентируются на массы, однако в ограниченной мере¹⁾.

Следует отметить, что проблему, в какой мере массы определяют уровень и характер массовой культуры, в США развивал Р.Лайнс, детализировавший характеристики потребите-

---

¹⁾Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд., т.3, с.46.

лей высшего (highbrow), среднего (middlebrow) и низшего (lowbrow) уровней культуры. По Лайнсу, "хайброу" – это тип человека, который не только постоянно интересуется сферой высших достижений духовной культуры, но увязывает с ней все, даже наиболее повседневные, стороны своей жизни. "Хайброу" живет в постоянных поисках прекрасного и глубокого как в произведениях искусства, так и в окружающих предметах, явлениях обыденной реальности (17). В 1960-х годах эти понятия вошли в Америке в обиход исследователей культуры.

Так, маститый культуролог Э.Шилс сформулировал концепцию трех уровней культуры: высокая (superior), средняя (mediocre) и грубая (brutal) (27, с.64-67).

Между тем точка зрения, согласно которой каждый человек берет из культуры то, к чему у него лежит душа, была критически оценена не только европейскими теоретиками, но и американскими практиками. Когда исследование по массовой культуре, проведенное в 1974-1975 гг. американским эстетиком Х.Гансом, призвало не навязывать всем высокую культуру, а стремиться к удовлетворению существующих культурных потребностей (10), оно тем самым предложило ориентацию, по сути, на уже испорченные вкусы "массового" потребителя.

П.Основной смысл выводов второй группы исследователей (У.Липпман, М.Мид, А.Шлезингер, У.Шрам) сводится к следующему: массовая культура, как в своем производстве, так и в своем распределении и потреблении, зависит от сил, финансирующих средства коммуникации. Американская массовая культура контролируется не основанием, а верхушкой социальной пирамиды.

Если первая теоретическая платформа "замкнула" массовую культуру на массы, то вторая – на "социальную верхушку", на которую якобы можно "повлиять".

Ш. Не употребляя понятий "массы" или "социальные груп-

пы", Э.Шилс, Г.Сельдес, Д.М.Уайт свели феномен массовой культуры к психологическим предрасположенностям индивида; иными словами, даже если бы массовая культура была действительно так вульгарна, как ей приписывают, говорить о ее "дурном" влиянии на человека "неправомерно". Качества, заложенные в индивидуальности, якобы не коррелируют с выбираемыми ею образцами культуры. Между человеческой индивидуальностью, массовой культурой и культурой вообще существует недостаточно известная, сложно опосредованная связь. Но сама по себе массовая культура – явление положительное, в ней много полезного и, более того, глубоко содержательного; с их точки зрения, она просвещает, развлекает, услаждает и винить ее в социальных аномалиях неправомерно.

Общая черта всех трех позиций состоит в том, что каким бы образом ни оценивалась массовая культура, исследователи не обнажили ее классовую основу.

Эта картина историографии попыток определения американской массовой культуры как понятия и как реальности в связи со студенческими и молодежными волнениями в США конца 60-х – начала 70-х годов получила еще одно измерение.

Если до известных волнений 1964–1971 гг. у многих американских исследователей массового общества уже сформировалось некое туманное ощущение возможностей массовой культуры¹⁾, то опыт "бурных 60-х годов", взрыв активности

---

¹⁾ В конце 60-х годов обсуждалось "недоказуемое" ощущение, что массовая культура слишком многое ставит на карту (26, с.343). З.Бжезинский в самой общей форме в те годы впервые в национальной истории связал с массовой культурой (всегда в США для исследователей бывшей символом скопища духовных отходов) американский престиж: "Если Рим дал миру право, Англия – парламентскую деятельность, Франция – культуру и республиканский национализм, то современные США дали миру научно-технический прогресс и массовую культуру", – писал Бжезинский, в положительном смысле подчеркнув, что сознание людей сейчас больше формируется массовой культурой, чем в результате какого-либо другого воздействия (6, с.27).

левых сил, очевидно, подтолкнув развитие массовой культуры, придал туманным очертаниям "грозного и всепроникающего" (Б.Розенберг) явления более определенные черты. В США получила распространение экзотическая точка зрения, согласно которой массовая культура есть не что иное, как поле критического осмысления действительности.

Американские социологи, культурологи, художественная и литературная критика и т.п. все чаще и все резче обвиняют "свою" же массовую культуру в серьезных "провокациях": от культивирования скепсиса по отношению к законности (16) и тенденциозности до крупнейших национальных политических кризисов (22).

Вместе с тем множеством критиков было замечено интенсивное слияние массовой культуры с традиционно элитарными направлениями духовной жизни: "серьезной классикой" и авангардными эстетическими экспериментами в различных сферах искусства. К середине 70-х годов для главного течения саморефлексии — либерально-буржуазного, с одной стороны, граничащего с эстетическим леворадикализмом, а с другой — с эстетической традиционной ортодоксией, унаследованной от маккартистского прошлого, стало характерным стремление покончить с попытками разделения культуры на настоящую и псевдокультуру. Это ново для американской гуманитарной общественной мысли; еще несколько лет назад никто бы не рискнул отбросить эстетический подход к массовой культуре с мерками "высокой культуры".

Поскольку позиция "нераздельности" массовой и элитарной культур стала ко второй половине 70-х годов преобладающей, постольку наибольшее внимание в либерально-буржуазной саморефлексии массовой культуры и массового общества привлекли те работы, из которых возникает следующая картина динамики массовой культуры как понятия и как реальности.

Между ХУШ и ХІХ вв. оформилось то, что по сей день

является ядром традиционной массовой культуры: низкого уровня культурный ширпотреб, своеобразный сплав уголовных и сексуальных поделок, к которым позднее добавились стандартные комиксы, вестерны, произведения "сексуального искусства", гиньолы и т.п. "индустрия развлечений".

Этот сплав, называемый "китч", уводил потребителя от реальности посредством нормативизации и воплощения эскапистских устремлений, т.е. ориентировал в обыденной жизни ("звезды" и супермены, скажем, являлись образцами для подражания на поведенческом уровне) и вместе с тем создавал псевдореалистические характеры и ситуации. Сейчас масштаб распространения этого слоя массовой культуры как никогда велик.

Но китч-культура не могла быть застывшей культурной формой. Медленно наполняясь новым культурным содержанием, она изменялась и сама. Новое содержание жизни, стесненное канонами китча, создавало свои формы, хотя и производные от него, но все серьезней отличающиеся. В ходе постепенного подъема культурного уровня городского населения инфантильные культурные формы "взрослели" и становились более емкими. Для регулирования сознания влиятельных аудиторий, отоле не массовых, стали чаще привлекаться образцы современного адекватного самовыражения личности в духовной культуре. Вовлечение их и классики в сферу потребления явилось расширением основных функций массовой культуры: нормативной (поскольку индивиду предлагается особая "среда обитания" - пребывание в мире престижных ценностей, присвоение, а не усвоение).

На этой фазе развития массовой культуры "принятым" стало соединение в одном культурном контексте дотолде несоединимого¹⁾.

---

¹⁾ Д. Макдональд, давший наиболее законченное осмысление этой фазы развития массовой культуры, назвал ее культурой "среднего уровня" (midcult). Сосуществование продуктов

Здесь заметен более широкий, чем в китч-культуре, охват различных сторон жизни индивида. В этот период развития, как показал Жан-Марк Доменак, американская массовая культура явно обнаружила себя в качестве средства распространения стиля, образа жизни, общей системы мышления (7, с.126).

Особенностью этого мышления явился спад гипноза электронных средств массовой коммуникации как таковых, как "новинок века" и кристаллизация в единый теоретический сплав этико-эстетического способа анализа (идущего от Г.Флобера) с философским (от А.де Токвиля) и социологическим (от классиков американских исследований коммуникаций П.Лазарсфельда, Б.Берельсона и др.). Особенностью же этого образа жизни стала в 50-е годы определенная аберрация массового сознания: "псевдорреализм" (Т.Адорно) или, напротив, "псевдоромантизм бытия" (Б.Розенберг, А.Хаузер). Так, отождествление воспринимающего культурную информацию с героем (=ями), персонажем (=ами) приняло форму, рассчитанную на исключение принципиального различия между поэзией и действительностью, автором и публикой, действующим лицом и сочувствующим человеком.

Так как массовое общество преуспело в адаптации культурного радикализма и поскольку оно привило последний к "дереву" социальных политических и экономических традиций, эта ситуация снособствовала небывалому по широте и

Продолжение сноски со с.101.

культуры с разным по уровню художественным и интеллектуальным содержанием для истории не новость. К религиозной культуре, например, в одно и то же время и в одном и том же месте относились признанные шедевры живописи и поделки ярмарочных богомазов, письма мистиков и вульгарные апокрифы, возвышенные образы служб и грубые забавы религиозных праздников. Новое имеет количественный характер - глобальный масштаб диффузии и ее необыкновенно возросшую синкретичность.

многообразию проявлений расцвету "псевдоромантизма - псевдореализма". Развитие получила форма массовой культуры, особенность которой в том, что живая непреобразованная действительность предлагалась, истолковывалась и (или) воспринималась как предмет потребления, "зрелище", реальность предстала в виде "хэппенинга". Этот эскапизм в форме "жизнеподобия" стал и причиной, и следствием прямого "включения" индивида в объективистски отражаемую средствами массовой коммуникации конфликтную реальность. Массовой культурой "оборачиваются" и претендуют на разновидность такого культурного товара, как "сексуальная революция", социальный бунт, отказ от цивилизации.

Леворадикальная активность оказалась в общем контексте культурной информации. Один из лидеров "новых левых" Д.Ньюфилд верно заметил, что новейшая разновидность массовой культуры, таким образом, профанирует любые леворадикальные замыслы: самый подлинный протест при совместном вмешательстве "искусства" и средств массовой коммуникации превращается в эстрадное выступление. "Как гневаться, - писал он, - если национальное телевидение платит за гнев 10 тысяч долларов?" (21, с.432). Социолог Т.Стрич подчеркнул: культура растворила в себе мятежный дух. Бунтари стали официальными фигурами. Но главное другое, из-за чего, может быть, студенчество конца 60-х годов стало "спокойнее": это поколение видело, как быстро любовная сцена в Вудстоке оборачивается эпизодом насилия в Алтамонте и как цинично массовая культура эксплуатирует то и другое (28, с.21).

На этой ступени развития массовой культуры становятся возможными такие факты, как выступление президента Р.Никсона по национальному телевидению в неожиданном качестве пианиста, уход в политику короля американского вестер-

на Марлона Брандо и звезды рокк-музыки Джона Ленона; "феномен" актера Рональда Рейгана, ставшего губернатором Калифорнии; массовые игры, посвященные остро актуальным политическим проблемам, проведенные американским телевидением в 1970-1971 гг. и т.д. и т.п. Т.Розак писал об этом процессе: для чего может быть нужен отказ от обычной политики в пользу театрализации, если не для политики, не похожей на политику как таковую и которой поэтому невозможно противостоять средствами обычной физической и социальной защиты? (25). Розак сформулировал социальную функцию этого вида массовой культуры так: "Необходимо сказать сыновьям и дочерям, что реальная борьба не в политической сфере, а в том, чтобы положить конец всякой политике; от политики - к поэзии. Поэзия, искусство, воображение - это и есть сама жизнь, реальная революционная сила, изменяющая мир" (25, с.154).

Таким образом, если Г.Маркузе в начале 60-х годов говорил, что духовная свобода - это свобода от массового искусства и от массового потребления, то к концу 60-х - началу 70-х годов большую популярность получает концепция Н.Брауна - Т.Розака о социальном прогрессе как о будто бы желательном для массового общества переходе в мир уличных театров с открытой политической программой, "революционных площадок для игр" и "революционных карнавалов".

Процесс, охвативший множество явлений действительности и воплотивший воздействие на массовую культуру идеологии "новых левых", привел к значительному расширению границ массовой культуры; последняя охватив множество явлений и трактовок реальности, воплотила тенденцию своего рода артизации, поскольку существо этого процесса - в придании действительности черт произведения искусства. Это при-

мечательное явление, поразившее многих буржуазных социологов¹⁾, можно охарактеризовать двояким образом.

Во-первых, для него характерны попытки постановки и решения экзистенциальных проблем прежде всего в качестве проблем эстетических и подмена многих этических понятий эстетическими. Эстетизация реальности сопровождалась эстетизацией социально-политической мысли и нашла свое отражение как в официальных программах университетов, куда включены изобразительные искусства, так и в целом ряде явлений, в которых стили жизни и стили культуры отлились в невиданно многоцветные эстетизированные формы.

Во-вторых, окраску массовой социальной активности 60-х - начала 70-х годов, как известно, определили социальные группы молодежи, которые, при всех своих различиях и конфликтах, тяготея к эстетическим формам самовыражения, обнаружили поразительное совпадение в том, что их радикализм в политике и в культуре нашел единое культурно-политическое выражение. Когда М.Маклюэн ссылается на репортажи Н.Мейлера о предвыборных съездах республиканской и демократической партий, где основное внимание обращалось не на сами партийные программы, а на создание "балаганной" атмосферы их предложения "потребителям", когда в качестве основополагающего делается заявление, что "при современных мгновенных электронно-электрических скоростях следст-

---

¹⁾ Дж.Гэлбрейт, анализируя перспективы экономического прогресса США, пришел к выводу, что главную роль в процессе развития будут играть искусство, ремесла и товары, обладающие художественными достоинствами. Он исходит из того, что на известном этапе развития экономики, по мере дальнейшего расширения потребления, резко усилится влияние эстетических факторов. Иссякнет традиция низведения технологической и планирующей системой до второстепенной роли того, что они не могут охватить и использовать сами. Прогрессивная тенденция приведет к обширной перестройке структуры экономической системы в пользу сфер художественного творчества.

вия и причины предельно сблизились, и космический корабль "Земля" сформировался в глобальный театр с экипажем - населением мира - коллективом актеров" (20, с.57), мы оказываемся перед следующей отличительной чертой описываемого явления артизации массовой культуры, а именно - театрализацией, "оборачиванием" реальности ее драматургической стороной. Этот тип массовой культуры имманентно содержит в себе ориентацию на социально-активные группы населения.

Таким образом, на период начала-середины 70-х годов американскую массовую культуру в основном представляли три слоя, которые условно можно назвать подвидами: китч, рассчитанный на наибольшие аудитории, так называемая средняя культура, или мидкультура, гомогенизированная смесь духовных ценностей, где Бах соседствовал со шлагером, и артизированной массовой культуры - слепок психологии "социально опасных" групп.

Каждый из этих подвигов массовой культуры имеет свой культурный потенциал, свои сферы наиболее значительного влияния, как положительного (информирует, развлекает, просвещает), так и отрицательного (искажает представления о реальности, творит ложные кумиры, ослабляет социальную активность). То, что по времени "мид" доминировал после китча, а "арт" позже "мида", разумеется, не говорит, что первый "художественней" и "моральней" китча, а второй - "эстетичней" и "нравственней" китча и "мида". Поскольку эволюция буржуазного массового общества в условиях научно-технической революции способствует появлению и развитию активности тех или иных социальных слоев, постольку в центре общественного внимания оказывается их культура и, соответственно, видоизменяется массовая культура, включая в свой основной корпус духовные ценности социальных элементов, которые являются для сферы управления наименее идеологически регулируемы.

Всем этим фазам развития массовой культуры сопутствовало явление, называемое американцами "массовой интеллектуальной коммуникацией", воплощенное высокоинтеллектуальными журналами. К концу 60-х - началу 70-х годов массовая интеллектуальная коммуникация чрезвычайно развилась и представила часть артизированной массовой культуры.

В итоге, чем ближе к нашему времени, тем становится очевидней, что массовой культурой оказываются любые типы духовной культуры, ценностной ориентацией которых не является адекватное восприятие широкой аудиторией окружающей действительности, т.е. все разновидности культуры, не ориентированные на восприятие у масс потребности познания реальности с целью ее подлинно революционного преобразования. Это явление последних десятилетий, сформироваться которому позволили более, чем 200 лет развития традиционной массовой культуры, сильный импульс которому дали в социально-экономическом аспекте бурный старт капитализма, а в культурно-идеологическом - кризис религии (19).

х

х

х

Важно подчеркнуть, что в целом "культурный бум" 1964-1971 гг., приведший к скачкообразному развитию массовой культуры и явному повышению ее значимости для американских правящих кругов и для общества, растворивший в себе мелкобуржуазный "революционный бум", вместе с тем обогатил американское широкое общественное сознание усилением прокультурных и прохудожественных ориентаций. К 1974 г. ряд американских полстеров констатирует: "Поразительный взрыв в общественной поддержке культурной деятельности" (10, с.74) (имеются в виду вклады в те или иные художественные мероприятия и организации со стороны "среднего" американца).

В 1974 г. Х.Грисман опубликовал исследование (I2), показавшее неслучайность массового культурного бума и его связи с изменившимся к этому времени понятием массовой культуры и ее реальностью. Грисман изучил некоторые амбивалентные взаимоотношения идеологии "индустриального общества" и его "массовой культуры" на примере апокалиптических образцов последней, в частности, предвещающих "конец света" фильмов и произведений поп-музыки.

На этих примерах Х.Грисман показал, что границы между "высоким" и "низким" не просто стираются, но что массовая культура имеет тенденцию к подъему на уровень высокого искусства и что взаимосвязанное с этим процессом искусство массовизируется. "Понятие подлинной культуры больше не ограничивается художественными галереями и концертными залами... И ныне массовой культурой мы называем стик искусства и моды. Все труднее сказать, где кончается одно и начинается другое" (I2, с.515).

В этой связи Х.Грисман заметил, что к настоящему времени меценаты уступили арену финансовой поддержки искусств в Америке так называемым "культурным ястребам" (culture vultures). Причиной происшедшего автор считает то, что традиционная массовая культура, будь то китч или "мид", или любая другая, коль скоро она выхолощена и воспринимается массовыми аудиториями в качестве готовых стандартных блоков (ready-made), почти абсолютно потеряла для американцев привлекательность (I2, с.520).

Х.Грисман проследил, как эволюция интересов все более колоссального числа американцев ведет их к границам, где смыкаются "массовая культура" и государство. Особенно показательным автору представился пример "Биттлз", анализ воздействия которых на массовое общество привел автора к выводу, что "освоение экзотики является абсолютно очевидным и при этом стремительно развивающимся качеством мас-

совой культуры" (I2, с.523). Х.Грисман считает, что "изъятие эзотерической идеологии от тех, кто ею исключительно владел (аристократов от искусства, политических виртуозов и подпольных групп религиозных энтузиастов) становится выдающейся чертой массового общества и его культуры" (I2, с.523). Приводя наблюдение Х.Ремминга, заметившего, что недовольство системой приводит в конце концов к системе недовольства, Грисман переносит этот вывод Х.Ремминга на сферу искусства, которое до недавнего времени было для массовой культуры арсеналом содержаний и форм, а также компонентом как китча, так, в особенности, и "мида", а ныне становится в целом массовой культурой нового типа. Грисман развертывает в этой связи гипотезу, по которой новый тип массовой культуры якобы ставит под вопрос утверждения Франкфуртской школы (Т.Адорно и др.) о том, что массовая культура создает высокостандартизованное сознание. Примечательно, что в развернувшемся во второй половине 70-х годов споре современных американских культурологов против концепции стандартизирующего влияния в качестве основного для массовой культуры современные поборники "индивидуализации" посредством новейшей массовой культуры оперируют примерами негативной индивидуализации. Х.Грисман, являясь, по-видимому, одним из предтеч такого подхода, охарактеризовал "образец" индивидуализации на примере ориентации Ч.Мэнсона, главы шайки подростков-убийц, на лирику "Биттлз". Поставив вопрос, каким образом кристаллизовалась "оригинальная" концепция жизни и смерти Ч.Мэнсона, Х.Грисман проанализировал протоколы суда над Мэнсоном и обнаружил мощное мировоззренческое воздействие культуры-искусства "Биттлз", выразившееся в том, что Мэнсон глубоко поверил в эзотерический ход лирических апокалиптических произведений знаменитой поп-группы и руководился в своих действиях апокалипсизмом этой музыки настолько, что сказал во время суда: "Что вы вините меня? Я же не писал эту музыку!" (I2, с.522).

Этот тип культивирования нестандартных ценностей посредством массовой культуры, достигшей уровня высокого искусства, в 1976 г. Т.Лири изучил на примере Л.Фромм, совершившей попытку покушения на президента Д.Форда. Духовные ценности последней сформировались, по ее признанию и по итогам исследования ее жизни, лирикой Б.Дилана (16).

Исследования, подобные проведенным Х.Грисманом и Т.Лири, подтвердили во второй половине 70-х годов мысль, что общение с искусством способствует кристаллизации творческой индивидуальности. В свою очередь, кристаллизация творческой индивидуальности представляется ныне средствами массовой коммуникации как нечто необходимое в эпоху научно-технической революции, и вместе с тем, перспективное и престижное. Таким образом, в массовом сознании распространилась своеобразная "связь вещей": массовая культура должна быть на уровне высокого искусства (или, что то же самое, высокое искусство должно стать массовой культурой), бытие человека в континууме этой массовой культуры есть показатель качества жизни этого человека. Результатом дискуссии такой примечательной связи в американской культурологической литературе, искусствоведении и эстетике явилось то, что в 1976-1978 гг. по отношению к массовой культуре, переосмысливаемой значительным большинством американцев в качестве искусства и путем отсчета от подлинного искусства, проявился значительный для США массовый процесс: от 57% населения страны три года назад до 69% в 1978 г. американцев заявили, что искусство "очень важно" (13, с.4). Согласно оценочному обзору, проведенному в 1978 г., более двух из каждых трех американцев заявили, что они сами в настоящее время занимаются живописью, рисунком или каким-то иным из видов искусств (13, с.4).

Социологи искусства М.Радер и Б.Джессуп пишут, что все большее число женщин сами делают ювелирные украшения

и тканые художественные изделия. Мужчины чеканят и дизайнируют мебель. И те, и другие все чаще снимают узкоплечные фильмы и фотографируют на уровне искусства, учатся лепке и рисованию, развивают любовь к музыке и играют на музыкальных инструментах. Сотни когда-то облупившихся стен расцвели картинами и рисунками, как абстрактными, так и реалистическими сюжетами, оживляющими собой проезжую часть, стены зданий и двери гаражей; некоторые изображения достигают полукилометра. В ряде штатов дома буквально ожили от настенной живописи, выполненной непрофессиональными любителями искусств. Написанные непрофессионалами экстерьерные рисунки в приемных врачей, на стенах больших товарных складов и т.п. стали обычным явлением. В сферу искусств двинулось целое войско добровольцев, которые обслуживают эту сферу бесплатно.

58% американцев, опрошенных в 1976 г., сказали, что они охотно заплатят 5 дополнительных долларов налога в год, если будут уверены, что эти деньги пойдут на нужды искусства; 51% заявили, что хотят платить дополнительно 10 долларов в год. Комиссия по частной филантропии и общественным нуждам или, как ее называют в США, Комиссия Файлера (по имени ее председателя) привела еще более разительные результаты: 89% взрослого населения страны уверены, что искусство важно для качества их жизни, 64% согласились бы платить пятидолларовую субсидию на национальное искусство, а 47% выразили готовность вложить в последнее 25 долларов (13, с.4). Л.Маркус - главный редактор влиятельнейшего музыкального журнала привел данные, согласно которым в числе указанных энтузиастов 36% американцев, готовых дать в виде годового налога 50 и более долларов, если эти деньги пойдут именно на массовые искусства (т.е. по существу на самую современную ипостась массовой культуры) (18, с.5). В обзорной работе, посвященной пробле-

ме финансирования сферой управления искусств и массовой культуры, социолог К.Хайтоуэр пишет: все шире распространяется точка зрения, что искусство воспринимается современным массовым обществом "не как привилегия меньшинства, но как право большинства в его поисках счастья" (14, с.45).

От внимания целого ряда американских исследователей не ускользает большая мощь новой ипостаси массовой культуры - в смысле возможностей регулирования массового сознания на современном этапе, - чем всех ее разновидностей, характерных даже и до недавнего прошлого (до середины 70-х годов). Прежде всего отмечается, что правящие круги (на уровне федерального правительства, правительства штатов, руководства округами, городами, национальными частными фондами и корпорациями), заметно увеличивая финансовую поддержку искусств (15, с.16), "поворачивают" их в сторону решения задач практического регулирования массовым сознанием в интересах тех же самых правящих кругов. Так, например, искусствовед Р.Брустин, анализируя государственные национальные программы развития искусств, показывает, что только шесть из этих двенадцати программ являются проектами развития искусств, остальные же есть не что иное, как непосредственное и концентрированное выражение идеологических содержаний в эстетизированном виде (23). Интерес правящих кругов к регулированию общественного сознания посредством массовой культуры, практически массовизирующей соответственно ориентированные ценности искусства, принял особенно характерную форму в период (и после) избирательной кампании 1976 г., когда в целях разработки наиболее эффективных методов воздействия на широкие аудитории был создан специальный пост координатора всех проблем, так или иначе связанных с искусством в его соединении с гуманитарными науками.

Изложенные факты показывают, что со стороны массового общества растет готовность к восприятию все более высококачественных художественных произведений, а со стороны сфер управления растет готовность к расширенному производству высококачественных вариаций подлинного искусства. Эволюция массовой культуры от китча, точнее дополнение китча "мидкультурой", артизированной "массовой культурой" и, наконец, адекватным искусством во все более широких масштабах, невозможны без изменения отношения к этим процессам деятелей культуры и искусства, непосредственных создателей массовой культуры во всех ее проявлениях. Для еще недавнего (начало 70-х годов) прошлого характерной оставалась дихотомия отношения художника (в широком смысле этого слова) к обществу: с одной стороны, неприятие окружающей капиталистической действительности и протест против нее, с другой стороны, адаптация к ней вплоть до прямого служения интересам правящих кругов. Однако художественная интеллигенция, отказавшаяся от каких бы то ни было оппозиционных отношений к ценностям массового общества, самими же художниками клеймилась как отступница от гуманистических идеалов, имманентных интеллигенции как наиболее просвещенной части общества. Феномен "предательства интеллигенции", зафиксированный в 60-х годах французским социологом Ж.Бенда, при всей распространенности этого феномена как в Западной Европе, так и в США, представлял, тем не менее, на поверку хоть и действительно "заведомое" и откровенное услужение значительной части художественной интеллигенции интересам сферы управления капиталистическим обществом, однако "исполняемое" индивидуально. Ситуация конца 70-х годов в США нова в этом смысле сознательным объединением групп художественной интеллигенции и выработкой специфических "кредо", "объясняющих" и "оправдывающих" творчество в интересах правящих кругов.

Американский социолог К.Рэтклиф приводит пример одной из таких "принципиальных конвенций", которая была разработана в 1977 г. объединением живописцев северных и западных штатов США. Суть этой конвенции в формулировке конкретной политической роли художника в Америке конца 70-х годов.

1. Конвенция констатирует, что образ художника - "эксцентричного одиночки, который требует непреодолимого барьера между собой и обществом, фактически стерся" (24, с.10). "Романтический одиночка уступил ремесленникам, срабатывающимся с учреждениями" (24, с.11).

2. Для конвенции характерно выражение от лица значительной группы художников-единомышленников полной готовности и, более того, активного желания работать рука об руку с государственными учреждениями во всех сферах общественного развития, а не только в сфере художественной.

3. Специфичной для конвенции является мысль, по которой, если массовое общество нагрузит художника большей социальной и политической ответственностью, даст ему большие полномочия и возможности, это положительно повлияет на социально-политическую обстановку в стране.

4. Конвенция развила эту мысль до прямого требования большего доступа деятелей искусства к власти над обществом. Художники должны войти в политическую систему ныне не в прежнем их качестве - лоббистов извне, а, напротив, "изнутри" механизма власти разделить последнюю с теми, кому она принадлежит.

5. Таким образом, художники в качестве коллективного культурного ресурса хотят, могут и смогут повлиять на "политическую карту" страны (24, с.11).

Эту конвенцию К.Рэтклиф определил как первое и, вместе с тем, типичное для настоящего времени "формализованное публичное заявление, из которого следует, что установки художников по отношению к правительству и его институтам

меняются": искусство в виде все более значительного числа художников приспосабливается к "внеэлитному" бытию (24, с. II), тем самым к бытию в качестве ипостаси "массовой культуры", по-видимому, высокой обладающей эффективностью воздействия прежде всего на наиболее культурные и эстетически чувствительные слои массового общества.

х   х
                 х

В последние годы в американской социологической и культурологической литературе с новой силой развернулась полемика по поводу отношений элитарной и массовой культур. Она идет в целом под флагом "реабилитации" массовой культуры и недоверия к снобистско-высокомерной критике ее. Вместе с тем в этой полемике в полной мере воспроизводится традиционная для буржуазной идеологии дихотомия массовой и элитарной культур.

Профессор социологии Колумбийского университета Х. Ганс пишет, что популярная культура - это прежде всего развлекательная культура, которая делает жизнь несколько более приятной. (II).

Наиболее полно концепция Ганса изложена в его книге "Популярная культура и высокая культура" (IO). Сам автор характеризует свою работу как "критическое исследование, защищающее популярную культуру от некоторых ее критиков, особенно от тех, которые считают культурой только высокую культуру" (IO, с. УП). Он аргументирует это тем, что популярная культура выражает эстетические и иные нужды многих людей, и что все люди имеют право иметь ту культуру, которую они предпочитают, независимо от того, является ли эта культура высокой или популярной.

Ганс отмечает, что с конца 60-х годов критика массовой культуры стала менять свой характер и ослабевать. Он

объясняет это, с одной стороны, тем, что ряд критиков массовой культуры перестали вести свои атаки на нее, ибо обнаружили нового и более грозного врага в виде так называемой "молодежной культуры", которую они критикуют за политический радикализм и нигилизм. Другая причина изменения позиции критиков массовой культуры связана с тем, что многие идеи, бывшие достоянием высокой культуры, были восприняты поп-культурой. Ганс ссылается на мнение Н.Глязера о том, что "идеи высоколобых ... захватили часть аудитории среднелобых" (10,с.5). Однако Ганс отмечает, что часть критиков массовой культуры как раз обвиняют ее за то, что она "черпает свое содержание у высокой культуры и тем самым дебазирует ее" (10,с.27). Так, З.Фрейд вульгаризируется в колонках газетных советов, работы классиков упрощаются, урезаются. Однако Ганс задает риторический вопрос - "что плохого в том, что одна культура заимствует что-то у другой?" (10,с.27), ведь и народные мелодии заимствуются композиторами, принадлежащими к высокой культуре.

Массовую культуру обвиняют также в том, что она деструктивно воздействует на аудиторию, "ибо делает упор на насилие и секс" (12,с.30). Однако Ганс и тут берет ее под защиту. "Америка во многих отношениях действительно является обществом насилия... Но фундаментальные причины этого - неравенство в американском обществе.., которое создает социальные конфликты" (10,с.34). Что касается эротических мотивов "массовой культуры", то хотя "они и возбуждают в людях сексуальность,... это не опасно, ибо не ведет к сексуальным преступлениям" (10,с.34).

Нападая на критиков массовой культуры, Ганс пишет, что они "требуют, чтобы все люди жили по их стандартам и принимали высокую культуру, но это требование не оправдано в плюралистическом обществе в большей мере, чем аналогичные претензии других культур" (10,с.122). Вывод Ганса состоит

в том, что в Америке должны развиваться разные типы культур, как элитарная, так и массовая (которую сн предпочитает именовать "популярной", поскольку термин массовая культура связан у многих людей с отрицательным стереотипом), тем более, что в условиях существующего в США социального неравенства было бы утопичным стремиться поднять все население до уровня элитарной культуры.

Элитарная или массовая культура - вот дилемма, перед которой, по утверждению многих буржуазных культурологов, стоит человечество. Но это - ложная дилемма. Ее ложность прежде всего в том, что "маскульт" отождествляется с демократической культурой народных масс и противопоставляется высокой культуре, которая, в свою очередь, отождествляется с элитарной; псевдонародная массовая культура демагогически выдается за народную. Истина в том, что и "маскульт" - "культура" оболванивания масс, подчинения их буржуазной идеологии, и снобистская элитарная культура - две стороны буржуазной культуры: первая обращена к массам, вторая - к элите, но обе они антинародны по содержанию, обе противоположны подлинно народной социалистической культуре.

Можно уяснить подлинный характер массовой культуры, поставив вопрос: повышает ли она идейный уровень, сознательность масс, или же уводит от главных социальных проблем, дает их иллюзорное решение, пропагандирует эскапизм и голую развлекательность. Критерием дифференциации культуры являются, прежде всего, не средства ее распространения, не ее доступность по форме или, напротив, эзотеричность (хотя и не следует игнорировать эти критерии), а ее классовое содержание, идейная направленность. Подлинная альтернатива - не массовая или элитарная культуры, а буржуазная (в ее элитарной и массовой формах) или социалистическая культура.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Aranguren J.L. Sociologie de l'information /Texte franç. de C.Carme. - P.: Hachette, 1967. - 251 p. - Bibliogr.: p.235-246.
2. Ardrey R. The social contract: a personal inquiry into evolutionary sources of order and disorder. - N.Y.: Atheneum, 1970. - 405 p. - Bibliogr.: p.371-391.
3. Bauman Z. Two notes on mass culture. - Polish sociol. bull., W-wa, 1962, N 2, p.58-74.
4. Bell D. The cultural contradictions of capitalism. - N.Y.: Basic books, 1976. - XVI,301 p.
5. Brademas J. A national arts policy. - Amer. artist, N.Y.; 1978, N 1, p.16,90.
6. Brzezinski Z. Between two ages: America's role in the technotronic era. - N.Y.; Viking press, 1970. - XVII,334 p.
7. Doménach J.-M. La propagande politique. - 4 ed. - P.: Presses univ. de France, 1976, - 127 p.
8. Eliot T. Notes towards the definition of culture. - L.: Faber a\Faber, 1949. - 124 p.
9. Galbraith J.K. Economics and the public purpose. - Boston: Mifflin, 1973. - XVI,334 p.
10. Gans H. Popular culture and high culture: an analysis and evaluation of taste. - N.Y.: Basic books, 1974. - 179 p.
11. Gans H. The story-tellers and the story sellers. - Washington Post, 1978, 2 Febr.
12. Greisman H.G. Marketing the Millenium: ideology, mass culture and industrial society. - Politics a. society, Los Altos, 1974, vol.4, p.511-524.
13. Harris L. Business and the arts. - Amer. artist, N.Y., 1978, N 2, p.4-14.
14. Hightower C. Financing the arts. - Museum news, N.Y., 1976, vol.54, N 3, p.44-47, p.72-79.

15. Kornhauser W. Mass society. - In: International encyclopedia of the social sciences. N.Y., 1968, vol.10, p.58-59.
16. Leary T. How our paranoics are hyped for fame and prohibit. - National rev., N.Y., 1976, vol.4, N 16, p.382-411.
17. Lynes R. The Tastemakers: A lively and unconventional history of american taste. - N.Y.: Harper, 1954. - XIV,362 p. - Bibliogr.: p.345-346.
18. Marcus L. 1040, 1042 and all that. - High fidelity a musical America, Great Barrington, 1978, N 4, p.5-6.
19. Mass culture revisited /Ed. by Rosenberg B. a. White D.M. - N.Y.: Van Nostrand Reinhold, 1971. - XII,473 p.
20. McLuhan M. At the moment of sputnic the planet became a global theatre in which there are no spectators but only actors. - J. of communication, Lawrence; Cansas, 1974, vol.24, N 4, p. 51-57.
21. The new left: A collection of essays /Ed. by Long F. - Boston (Mass.): Sargent, 1970. - 475 p. - (Extending Horizons books). - Bibliogr.: p.461-463.
22. New York times, 1975, 24 Sept.
23. New York times, 1977, 7 Nov.
24. Ratcliff C. The American artist from loner to lobbyist. - Art in America, Springfield (Mass.), 1977, vol.65, N 2, p.10-15. 99-105.
25. Roszak T. The making of a counter culture: Reflections on the technocratic society and its youthful opposition. - L.: 1971. - XV,303 p. - (Faber paper covered. ed.). - Bibliogr.: p.291-303.
26. Rozenberg B. Mass Culture.- A cri de color. - Dissent, N.Y., 1968, vol.15, N 4, p.343-350.
27. Shils E. Mass society and its culture. - In: Mass Culture revisited/ Ed. by Rosenberg B. a. White D.M., N.Y., 1971, p.61-85.
28. Stritch T. The blurred image: some reflections on the mass media of 1960's. - Rev. of politics, Notre Dame, 1972, vol.34, N 4, p.14-23.

29. Toffler A. Future shock. - N.Y.: Random house, 1970. - 508 p. - Bibliogr.: p.461-483.
30. Wilensky H. Mass society and mass culture. - Amer. sociol. rev., N.Y., 1964, vol.29, N 2, p.34-42.
31. Wintrop H. Variety of meaning in the concept of decadence. - Philosophy a. phenomenological research, Buffalo; New York, 1971, vol.31, N 4, p.524-526.

БОНДАРЕВА Ю.С., ЛИ О.С.
МАССОВАЯ КОММУНИКАЦИЯ КАК ИНСТРУМЕНТ
УПРАВЛЕНИЯ СОЦИАЛЬНЫМ ПОРЯДКОМ
(Обзор)

1. Cawelty J.C. Cultural Pluralism and the Media of the Future: A view from America. - Cultures, P., 1977, vol.4, N 3, p.56-82.
2. Habermas Y. Legitimationsprobleme im modern Staat. - Merkur, Baden, 1976, Jg.30, H.1, S.37-56.
3. Mattelart A. Multinationales ey systèmes de communication. Les appareils ideologiques de imperialism. - P.: Anthropos, 1977. - 391 p.
4. Real M.R. Mass-Mediated Culture. - Englewood Cliffs (N.J.): Prentice-Hall, 1977. - XIII, 289 p.

В последнее время буржуазные социологи уделяют все большее внимание проблемам использования средств массовой коммуникации в целях защиты и узаконения социального порядка в странах государственно-монополистического капитализма, а также в целях широкого распространения буржуазной идеологии и навязывания капиталистического образа жизни развивающимся странам и, по-возможности, странам социалистического лагеря. При этом на средства массовой коммуникации многими западными авторами возлагаются надежды как на инструмент преобразования современного капиталистического государства в "рационально" развивающееся бесконфликтное общество без радикаль-

ного изменения социально-экономической основы этого типа общественно-экономической формации. Однако в западной печати появляются и более трезвые оценки современного состояния управления средствами массовой коммуникации в буржуазном обществе в рамках индустрии сознания, используемой в интересах правящей элиты.

В предлагаемом обзоре рассматривается несколько различных подходов к решению данной проблематики буржуазными социологами. Мы остановимся на следующих вопросах: перспективы преобразования современного буржуазного общества по основе использования средств массовой коммуникации и распространяемой ими массовой культуры, анализ идеологического аппарата производства культуры в капиталистическом государстве.

Говоря о перспективах преобразования современного буржуазного общества, многие западные авторы утверждают, что современные средства массовой коммуникации способны воплотить в жизнь самые утопические идеалы будущего человечества. Одной из таких утопических идей является идея "самоконтролируемого процесса обучения". Эта идея легла, в частности, в основу теории "коммуникативной компетенции", разрабатываемой известным западногерманским социологом Ю. Хабермасом.

Единственной силой, способной "рационально" преобразовать современный капитализм, Хабермас считает "критически мыслящую интеллигенцию", руководящую средствами массовой коммуникации. В традициях "критической теории" Франкфуртской школы, Хабермас отрицает революционную роль рабочего класса. Развивая свои взгляды в статье "Проблемы легитимации в современном государстве" (2), он, как и в предыдущих своих работах, изображает будущее культуры и общества в виде широкой дискуссии "критической" общественности, которая должна развернуться по вопросам "совещательной демократии". По его мнению, именно в процессе такой дискуссии должны определяться и устанавливаться типы организации и механизм действия демократии, наиболее приемлемые в каждом данном

случае в зависимости от конкретной общественной ситуации, от имеющихся в распоряжении возможностей и т.д. Франкфуртский теоретик представляет себе практическое воплощение подобной "совещательной демократии" только в виде "самоконтролируемого процесса обучения", в котором будут опытным путем создаваться основные общественные организации и институты и приниматься основные политические решения, встречая свободное одобрение всех, кого они затрагивают, когда все заинтересованные члены общества могут принять свободное и равноправное участие в дискуссивном волеобразовании.

Однако, как показывает рассматриваемая статья, в настоящее время Хабермас настроен менее оптимистично, чем раньше, в отношении возможности претворения в жизнь своих утопических построений. Ссылаясь на высказывания Ж.-Ж.Руссо, он утверждает, что истинной демократии никогда не было и не будет. Говоря о возможностях идеологического планирования, Хабермас отмечает, что горизонтальное и вертикальное измерения образовательной системы облегчают социальный контроль над средствами массовой коммуникации, но в то же время сама жизнь служит опровержением приемлемости политики, господствующей на арене средств массовой коммуникации. По мнению Хабермаса, современное положение в области средств массовой коммуникации способствует углублению кризиса законности в "позднем капитализме".

До сих пор в западной печати широко обсуждается выдвинутая в 60-е годы М.Маклюэном идея "глобальной деревни". Сторонником этой идеи является американский социолог М.Р.Рил, который считает, что технические средства массовой коммуникации и распространяемая ими культура способны дать человечеству подлинную свободу от господства "надчеловеческих доктрин и мнимых богов", от вечной нищеты, голода, насилия, засилья секса, расизма, эксплуатации и отчуждения (4, с.270). Таким образом, становится возможным и осуществление проповедуемого Маклюэном идеала порождаемого техникой госу-

дарства "всеобщего понимания и единства", государства "погружения в логос, который способен объединить человечество в одну семью и создать бесконечную коллективную гармонию..." (4, с.269).

Рил считает, что развитие человеческого общества и его культуры зависит от того, насколько правильно в настоящее время будет выбрана политика использования "масс медиа". Человек, "животное, пользующееся символами" (выражение Эрнста Кассирера), обладает уникальными способностями к коммуникации. Эволюция, отмечает Рил, идет от биологического развития к эволюции познания и сознания, от "биосферы" к "ноосфере" (терминология Т.де Шардена). Поэтому на первый план выдвигается внутренняя жизнь коллектива и, вследствие этого, возрастает значение культуры, распространяемой средствами массовой коммуникации. Благодаря развитию средств массовой коммуникации, дающих огромные возможности в области самоконтроля, люди получают способность "программировать эмоции, мысли и экологию всех культур" (4, с.269). Рил подчеркивает, что все предшествующие культуры были порождены необходимостью. С ростом способности человека понимать и контролировать символы, судьба современной и будущей культур зависит от его сознательного выбора. Неправильный выбор политики в отношении средств массовой коммуникации может привести к осуществлению прогноза Дж.Оруэлла, предсказавшего к 1984 г. превращение человечества в стандартизированную и задавленную средствами массовой коммуникации массу.

Рил рассматривает буржуазную культуру, распространяемую средствами массовой коммуникации как доминирующий тип культуры в последней четверти XX в. Основные ее формы, преобладающие в США, Канаде, Западной Европе и Японии, являются характерными для большинства центров урбанизации и для многих стран "третьего мира". По мнению автора книги "Культура, распространяемая средствами массовой коммуникации" (4), полной "глобализации" этого типа культуры препятствуют лишь не-

достаточно развитая техника стран "третьего мира" и некоторые политические факторы.

По мнению Рила, культура, распространяемая средствами массовой коммуникации, является подлинной культурой современности, к проблеме исследований которой применимо высказывание Сократа: "Познай самого себя". Автор считает неправомерным при анализе современной культуры подчеркивать различия между такими культурными уровнями, как элитарный, популярный, фольклорный, так как они находят широкое распространение при помощи средств массовой коммуникации. Рил подчеркивает, что выражение "культура, распространяемая средствами массовой коммуникации", дает возможность выйти за пределы привычной терминологии и способствует преодолению различий между социальными анализами средств коммуникации и гуманитарными анализами популярных искусств. Как потребителям, так и производителям современной культуры, пишет Рил, не удастся в настоящее время зафиксировать различия между "высокой" и "популярной" культурами. Он ссылается на Р.Ная, который сомневается в существовании дихотомии между уровнями культуры и задает следующие вопросы: "Разве культурная элита никогда не стремится к развлечениям, а так называемые "массы" к глубине? Является ли культура только вопросом принадлежности к определенному классу, культурной группе и уровню образования?" (4, с.13). Рил утверждает, что в процессе современного воспроизводства и распределения культурной продукции уничтожаются такие традиционные понятия, отличающие элитарное и народное искусство от массовой культуры, как индивидуальность, непосредственность, спонтанность, творческая ориентация. Человек, интересующийся серьезным искусством, читает пьесы и поэмы, которые печатаются и продаются в массовом порядке. С другой стороны, горец из Западной Виргинии может удовлетворить свою любовь к фольклорной музыке при помощи местного радио. Исходя из вышесказанного, Рил использует понятие "культура, распространяемая средст-

вами массовой коммуникации", для обозначения всех форм выражения культуры, которые передаются современными "масс медиа". Причем именно подобная культура, по мнению автора, становится истинно популярной культурой.

Рил считает, что понятие "культура, распространяемая средствами массовой коммуникации", может заменить термин "массовая культура", благодаря чему будет разрешен запутанный вопрос о том, является ли современное общество массовым. В то же время, внимание будет сфокусировано на "бесспорно массовых" средствах массовой коммуникации, которые используются как инструмент управления современным обществом.

По мнению Рида, дальнейшее развитие современного общества в значительной мере зависит от того, насколько глубоко и полно будут изучаться средства массовой коммуникации и распространяемая ими культура. Накопление эмпирических данных и проведение фундаментальных критических исследований необходимы для руководства, понимания и проектирования воздействия телевидения, спутников, для политического использования средств массовой коммуникации и т.д. Именно недостаточная изученность подобных проблем является, как считает Рил, причиной "неправильного" использования "масс медиа" в современном капиталистическом обществе. Рил присоединяется к Д. Кейтеру, который приводит следующие причины недостаточности внимания к применению средств коммуникации ради общественного блага:

1. Коммерческие предприятия пренебрегают исследованиями последствий технического прогресса.
2. Университеты в большинстве случаев относятся к коммуникациям как ко второсортной дисциплине.
3. В исследовательских институтах, занимающихся коммуникациями и играющих жизненно важную роль в этой области, обычно преобладают специалисты по точным наукам, не признающие таких гуманитарных дисциплин, как право, философия, политические науки.

4. Предприниматели неохотно вкладывают капитал в исследование коммуникаций в масштабах, выходящих за пределы деятельности, в другие области социальной проблематики, такие, как образование, здравоохранение, экология.

5. Правительство с запозданием начало координировать телекоммуникационную политику.

Большое внимание Рил уделяет роли культуры, распространяемой "масс медиа", в устранении причин отчуждения, царящего в современном капиталистическом обществе. Автор считает, что средства массовой коммуникации обладают значительным освободительным потенциалом. Полное устранение причин и практики отчуждения возможно только в результате революции в политико-экономической организации (инфраструктура) и революции в выражении культуры (суперструктура), однако, по мнению Рида, даже при существующих в буржуазном государстве порядках "конкретная социальная реальность имеет тенденцию пробиваться сквозь манипуляцию" (4, с.266). Сюда относятся такие явления, как движения женщин, представителей групп национальных меньшинств, студентов, безработных, протестующих против того, чем их пичкают такие институты социализации, как образование и массовые коммуникации, используемые в интересах правящей элиты. Однако именно средства массовой коммуникации сделали возможным участие масс в процессе социального переустройства и в конечном счете должны привести к тому, что заинтересованные в социальных преобразованиях члены общества организуются и начнут бороться с такими явлениями, как "оглуляющие противоречия между производителем и потребителем, индивидуумом и коллективом, активностью и пассивностью, художественным творчеством и реальной жизнью, между мужчинами и женщинами, черными и белыми, статическими объектами и динамическими процессами, художником и массами" (4, с.267). Как видно, именно такая недифференцированная борьба рассматривается Рилом как средство преодоления отчуждения.

Несколько другая трактовка проблем, связанных с разви-

тием средств массовой коммуникации в современном буржуазном обществе и перспективами преобразования этого общества, дается в статье известного американского социолога Дж. Ковелти (I). Ковелти выступает против засилия массовой культуры, распространяемой средствами массовой коммуникации, и стремится выявить альтернативные пути использования "масс медиа" в целях увеличения культурного многообразия. Эти вопросы рассматриваются на примере наиболее могущественного, по мнению Ковелти, современного средства массовой коммуникации — телевидения.

Ковелти подчеркивает, что развитие телевидения в таких странах, как США, всецело направляется коммерческими интересами, причем система коммерческого телевидения "достаточно эффективна, чтобы вовлечь в свою орбиту все население и стать культурной силой типа, ранее неизвестного в истории человечества" (I, с.57). Потенциальную власть телевидения в будущем, пишет Ковелти, трудно предсказать. В силу того, что в результате роста мобильности, повышения зависимости от развития технических средств в современном обществе резко снижается значение семьи, местожительства, религии, средства массовой коммуникации действуют как бы в культурном вакууме, благодаря чему возрастает их влияние на формирование восприятия и отношения массового зрителя к окружающему миру. Ковелти признает, что если в США не произойдет радикальных социальных изменений, изменение моделей коммерческого телевидения вряд ли возможно, так как они поддерживаются огромными вкладами бизнесменов и крупных корпораций, заинтересованных в телевизионной рекламе своей продукции, и теми привычками и ожиданиями массовой аудитории, которые уже развиты в ней массовой культурой. Сама структура коммерческого телевидения способствует унификации средств массовой коммуникации. Поэтому, пишет Ковелти, достижение культурного многообразия невозможно без создания новых средств массовой коммуникации. Автор отмечает огромную власть стан-

дартных жанров и доминирующих моделей в американском телевидении, направленных на стандартизацию и унификацию вкусов массовой публики. Коммерческое телевидение, подчеркивает Ковелти, эксплуатирует только одну из многочисленных возможностей телевизионного средства распространения, а именно возможность одновременной передачи одной и той же программы для необычайно широкой аудитории, без учета социальных и географических различий.

Аудиторию коммерческого телевидения Ковелти определяет как социально и географически разобленную совокупность индивидов, основным ожиданием которых является развлечение. Интересы подобного зрителя должны укладываться в определенную программу, задаваемую данным средством коммуникации. Те интересы и темы, которые составляют сущность взглядов и стилей жизни представителей различных культурных групп внутри аудитории, нивелируются или полностью уничтожаются. Наиболее ясно аудиторию коммерческого телевидения, по мнению Ковелти, можно охарактеризовать с помощью внушаемых ей запретов и ограничений: определенные слова не могут быть использованы; определенные темы не могут быть представлены; определенные социальные и политические взгляды не могут быть высказаны. Аудитории разрешается придерживаться определенных традиционных американских ценностей: преимуществ индивидуальных достижений перед коллективными, преимуществ закона, и порядка перед преступностью, честности перед коррупцией, терпимости перед фанатизмом, умеренной религиозности перед воинствующим атеизмом, социальной гармонии и сотрудничества перед конфликтами и раздробленностью и т.д. Все эти ценности, замечает Ковелти, так неопределенно характеризуются, что их могут поддерживать люди с самыми различными интересами, принадлежащие к любой социальной группе. Более глубокий или разный по содержанию материал либо отфильтровывается, либо высказывается в общепринятой форме развлечения или захватывающего приключения, совершенно рассеивающей смысл конфликта.

Ковелти считает, что аудитория коммерческого телевидения ни в коем случае не может отождествляться с американской публикой в целом или даже с частью этой публики. В подобных программах отражаются не действительные интересы различных групп, составляющих американское общество, а навязываемые им модели, которые они вынуждены расценивать как подобие самих себя. Однако Ковелти находит и некоторые "положительные" черты коммерческого телевидения. Так, по его мнению, оно "почти полностью лишено социальной и политической нагрузки" и выполняет "важную социальную функцию", а именно: "способствует сдерживанию групповых конфликтов, действует примиряюще в спорах относительно культурных и общественных ценностей", "смягчает" некоторые проблемы, "единственной" причиной которых являются новые социальные движения. Даже то, что средства массовой коммуникации в целом формируют общественное сознание, воспринимается Ковелти как положительный факт, способствующий "социальной стабильности и единству американского общества" (I, с.68). Но отмечая "привлекательность" коммерческого телевидения, заключающуюся в стремлении "помочь своей аудитории преодолеть любые социальные и культурные конфликты" (I, с.68), Ковелти вынужден признать, что главной ролью, предназначенной коммерческим телевидением публике, является роль потребителя предлагаемых товаров.

При анализе перспектив развития коммерческого телевидения и других новейших средств массовой коммуникации Ковелти приходит к весьма пессимистическим выводам. Учитывая характер движущих сил, направляющих развитие средств распространения, Ковелти считает возможным достижение двух результатов. Предпосылкой первого является небывалый рост крупных корпораций, захвативших доминирующее положение в жизни США, стремящихся к тотальному контролю не только производства и потребления, но и формирования потребностей широких масс населения. Именно в этом направлении, констатирует Ковелти, может достигнута максимальная степень развития ком-

мерческое телевидение, используемое как для манипулирования вкусами потребителей в целях обеспечения стабильности общества и повышения прибылей доминирующих корпораций, так и для отвлечения огромной массы людей от осознания бессодержательности их жизни, для предоставления им возможности развлечения и бегства от действительности.

Другой результат развития современного коммерческого телевидения Ковелти связывает с "дразнящим ложными надеждами видением "глобальной деревни" Маршалла Маклюэна" (I, с.67). Автор говорит о следующих перспективах развития данной культурной модели: поскольку экономические конфликты и неконтролируемые процессы инфляции ведут к возрастанию внутренней неустойчивости капиталистического общества, стоящие у власти правительства и директораты крупнейших корпораций должны осознать необходимость объединения ради предотвращения революции. Этой же цели служит установление монополии правительства на средства массовой коммуникации. Все телевизионные программы выполняют пропагандистскую функцию; с их помощью не только создается ощущение единства и порядка, но и устанавливается группа "козлов отпущения", на которых возлагается вся вина за недостатки общественного строя. Результатом проведения подобной политики "объединения", создания "мистической общности" между всеми людьми (кроме "козлов отпущения", конечно) может стать общество, более похожее на общество муравьев, чем людей. В такой "глобальной деревне", пишет Ковелти, повсюду проникающее эмоциональное воздействие телевидения может оказаться более сильным средством поддержания порядка, чем "тираническое принуждение с помощью угрозы насилия или смерти" (I, с.68).

Пути противодействия тотальному распространению коммерческого телевидения Ковелти видит в создании телевизионных каналов, программы которых не только основаны на учете различий между культурными группами, но и в состоянии содействовать повышению культурного многообразия общества, созданию но-

вых субкультурных групп по биологическому, возрастному, половому, эстетическому признакам, а также сохранению традиционных субкультур.

Анализу идеологического аппарата производства культуры в современном капиталистическом государстве (на примере США) посвящена книга Армана Маттелера (3). Французский социолог, автор многочисленных работ по вопросам идеологии и средств массовой коммуникации, Маттелер ставит целью своего исследования выяснение истинной природы и закономерностей развития капитализма, изучение официальной идеологии доминирующих классов на современном этапе международного накопления капитала, особенностей движущих сил этого накопления, определение того, какой тип идеологического аппарата сопровождает феномен интернационализации промышленности.

Маттелер отмечает, что за последние пятнадцать лет аппарат производства культуры в США подвергся значительным изменениям. Новую роль по распространению культуры взяли на себя многонациональные корпорации. Современные средства массовой коммуникации, принадлежащие этим корпорациям, позволяют им в эпоху возрастающей концентрации промышленности занимать все более определяющее положение не только в промышленном производстве, но и в области информации, культуры, досуга, телевидения, прессы, кино, рекламы, торговли, а также в сфере просвещения, которую ранее не затрагивала индустриализация. Интернационализация промышленности выдвинула проблему интернационализации производства культуры.

Автор отмечает, что в культурной продукции находят отражение новые политические и милитаристские ставки американского государства. Технический прогресс в области массовой коммуникации является следствием развития военной промышленности. Господство монополий, которое стало возможным благодаря тесной связи крупной промышленности с Пентагоном, привело к тому, что рухнули традиционные перегородки между экономикой, культурой, политикой и военной промышленностью.

Послевьетнамская эра, совпавшая с концом первой фазы завоевания космического пространства, характеризуется огромной интернационализацией американской электронной и авиакосмической техники. Но насаждение новых коммуникационных систем не изменило ранее существовавшего соотношения сил. Более того, пишет автор, новая стратегия в области средств коммуникации, более тонкая по сравнению с предыдущими, выдвинула на первый план идеологические противоречия и вопросы международной классовой борьбы. Стала необходимой все большая рационализация социального контроля. Это определило доминирование в коммуникационной политике методов сближения различных слоев публики. Производители так называемой массовой культуры, подчеркивает Маттелляр, стремятся к тому, чтобы она стала всеобщей и способствовала закабалению национального сознания. Именно в интересах экспансии господства эта культура должна формировать специфические интересы и потребности каждой возрастной и социальной категории населения. Таким образом, заключает автор, к экономической рентабельности массовой культуры прибавляется и идеологическая ее рентабельность. Новые средства массовой коммуникации все более интенсивно открывают путь внедрению тех технических средств и идеологических взглядов, необходимость которых определяется современной фазой накопления капитала.

Прослеживая путь развития американского господства за последние пятнадцать лет, автор приходит к выводу, что совершенствование методов подавления в капиталистическом государстве направлено против революционных движений и неизбежно открывает новые фронты борьбы. Подъем механизации и вызванные ею изменения в структуре доминирующих классов являются продуктом классовой борьбы. Так, поражение Америки на юго-востоке Азии послужило причиной активизации службы информации Пентагона в Чили; победа Анголы вызвала подъем неокapитализма и, в частности, оснащение новейшими американскими телекоммуникационными системами империалисти-

ческого режима в Бразилии. Причиной небывалой агрессивности авиакосмических американских фирм, отправляющих тысячи самолетов и ракет в страны "третьего мира", Маттеляр считает поиски выхода из экономического и политического кризиса, сильно пошатнувшего притязания США на мировое господство.

Рассматривая эволюцию электронных и авиакосмических корпораций, выпускающих новые технические средства массовой коммуникации и организующих их включение в социальную среду, являющихся законодателями мод на новую продукцию, информацию, массовую культуру, автор отмечает, что в этой области ярко проявляется монополистический характер американского капитализма. Маттеляр анализирует взаимоотношения военно-промышленного комплекса США, электронной и авиакосмической промышленности и средств массовой коммуникации. Автор говорит о появлении новых лозунгов, призванных убедить потребителей в социальных преимуществах производства оборонной продукции. Крупные фирмы, выступая с лозунгами "Лучшие идеи - это идеи, которые служат людям" и т.п., в то же время продолжают выпускать большую часть своей продукции для военных целей. Чтобы "растрогать" потребителя, фирмы стремятся внушить ему, что его существование находится под угрозой, равно как и существование государства, заказывающего орудия уничтожения для разрешения конфликтов типа вьетнамского. Таким образом, новая мотивация, выраженная в рекламных проспектах этих технических средств, перемещает схемы агрессии на уровень частной жизни. В 1972 г. военная авиация США начала использовать во Вьетнаме управляемую по телевидению бомбу, названную "Маверик" по имени удачливого и упрямого бродяги - героя знаменитой телевизионной серии американского производства, известной всему миру. Новые американские орудия уничтожения часто получают имена героев знаменитых телесерий, мультфильмов и т.д. С другой стороны, многие образцы кинематографической и телевизионной промышленности финансируются корпорациями, специализирующимися на производстве оружия. Это, по

мнению автора, является ярким примером того, что может быть названо системой культурной обороны "внутренней безопасности" империалистического государства. В мире, где никто точно не знает, что за чем скрывается, кто-то фабрикует телефельетоны, а кто-то ракеты, где во имя "государственной безопасности" разработка и новых военно-стратегических средств, и новых систем массовой коммуникации осуществляется одной и той же фирмой, которая именуется частной, трудно продолжать считать культурную индустрию "легкой" индустрией. В продукции массовой культуры, заключает Маттеляр, находят отражение интересы и устремления военно-промышленного комплекса.

Говоря о дискуссиях, развернувшихся вокруг вопроса о нейтральности информации, автор подчеркивает, что нейтральность информации так же невозможна в капиталистическом обществе, как "нейтральность государства". Все более широким является также проникновение крупных корпораций в сферу идеологии; в частности, отмечается растущий интерес электронных фирм к области образования. Интересами военно-промышленного комплекса проникнута и деятельность аппарата пропаганды империалистических стран, прежде всего США. Автор рассматривает деятельность так называемых консультативных отделов, имеющих во многих американских промышленных фирмах. Эти отделы обслуживают другие предприятия и играют важную роль в борьбе за первенство в сфере обслуживания. В последнее время фирмы все более осознают необходимость более детального исследования потребностей и интересов каждой категории населения, более конкретного подразделения общества на группы. Автор отмечает, что в этом отношении первенство остается за Пентагоном. Описывая деятельность аппарата пропаганды в период разрядки, Маттеляр подчеркивает активизацию антикоммунистической борьбы, разновидностью которой является поддержка реакционных режимов и политики неокOLONIALИЗМА. Автор приходит к выводу, что деятельность новых колонизаторов науки и прикладных технических средств,

равно как и миф о нейтральности науки, находят почти непосредственное продолжение в выпуске продукции массовой культуры.

Итак, мы рассмотрели несколько работ, посвященных проблемам развития средств массовой коммуникации и использования их в качестве инструмента преобразования общества и управления социальным порядком. В исследованиях Ю.Хабермаса, М.Рила, Д.Ковелти проявляется одна из характерных тенденций современной буржуазной социологии и культурологии, а именно тенденция к рассмотрению культурных противоречий как основополагающих конфликтов в буржуазном обществе и игнорирование идеологических, социально-политических и экономических причин этих конфликтов. В основе утопических теорий преобразования капиталистического мира с помощью внедрения новых моделей использования технических средств массовой коммуникации, без коренного изменения социально-экономических основ общества, полностью отсутствует анализ реальных закономерностей существования буржуазного государства. На этом фоне особый интерес представляет книга А.Маттелера, в которой с позиций классовой борьбы анализируется реальный аппарат идеологической пропаганды современного империализма.

ДЖИНЕР С.
МАССОВОЕ ОБЩЕСТВО

GINER S.

Mass society. -

L.: Robertson, 1976. - XIV, 288 p.

Сальвадор Джинер - преподаватель Ланкастерского университета (Великобритания).

Книга состоит из введения и двенадцати глав. В первых трех главах выявляются теоретические истоки представлений о массовом обществе, в четвертой рассматривается его общая теория, в пятой - некоторые элементы социологической теории, оказавшие влияние на формирование концепции "массового общества". VI-X главы посвящены анализу отдельных аспектов массового общества - его структуры, ослабления общности, массовой политики, массовой культуры, массового человека. В XI и XII главах обобщена критика концепций массового общества.

После утверждения демократии в Древней Греции некоторые эллины стали осознавать опасности, связанные с данной формой правления. Гесиод одним из первых подверг критике демократическую организацию полиса. В его философии истории взаимосвязь между массой, хаосом и социальным упадком занимает центральное место. Гесиод полагает, что торжество демократии приводит к атомизации общества, падению авторитета,

разрыву между родителями и детьми и в конечном итоге – к деградации цивилизованной жизни. Не надеясь на будущее, он обращается к прошлому, создавая миф о минувшем Золотом веке. В условиях упадка общественной жизни Гесиод воспекает труд и усердие, борьбу с природой в качестве единственных источников морали. "Его критика в подлинно консервативном духе проводится не от имени народа против правителей, а от имени законности и порядка против лени и недисциплинированности всех классов" (с.3). Смешивая термины "народ" и "множество", "многие" и "толпа", "граждане" и "массы", историки Геродот и Фукидид наделили большинство такими качествами, как невежество, наглость, самонадеянность. Крайне редко проводилось различие между народом, политически интегрированным в социальных институтах демократического государства, и "распущенным большинством", эмоциональной толпой агоры. Защищая демократическую конституцию, Исократ различает "равенство перед законом" и "хаотическое равенство" (с.7). Последнее характеризуется тем, что на различных людей накладываются одинаковые мерки, выдающееся смешивается с посредственным. В ситуации "хаотического равенства" люди утрачивают веру в справедливость политической системы и впадают "в глупость, беспорядок и преступные амбиции" (с.8). По Исократу, господство "хаотического равенства" можно предотвратить, если сознательные граждане будут совершенствовать демократические институты и вести неустанную борьбу с бедностью, паразитизмом и демагогией. Развивая элитистскую теорию, Платон резко критикует последствия участия народа в политической сфере. По его мнению, народ вульгарен, невежествен и неизбежно вносит в политическую жизнь дух коррупции. В идеальном государстве должны править "лучшие" и наиболее добродетельные, руководствующиеся "диалектикой" (разумом). Они должны осуществлять руководство большинством при помощи "риторики", воздействующей на эмоции и настроения народа. Точка зрения Аристотеля в целом мало отличается от пла-

тоновской. Основной вклад Аристотеля в анализ данной проблемы состоит в признании "поведения массы, или толпы, как нормального элемента политической жизни" (с.13). Он отмечает, что случаи коллективной истерии и формирования толпы имеют место в определенные моменты политических изменений, особенно в периоды революций. Согласно Полибию, неизбежным следствием демократии является отсутствие всякого порядка, превращение общества в толпу. Большинство социальных мыслителей древнего мира считали, что буйство толпы порождает таких злейших врагов общего благосостояния, как тирания и олигархия.

Элитистская пренебрежительная трактовка народа была значительно менее распространена в Римской республике, чем в Древней Греции. Однако после установления Римской империи римские авторы также отдали дань консервативной интерпретации масс. Выдающийся римский политический мыслитель Цицерон, обеспокоенный влиянием демагогов и гангстеров, обрушил свой гнев на "городской пролетариат", который их часто поддерживал. Он характеризует "новые толпы" как "отбросы Рима" и врагов республики. Тацит называет их "глупыми", "невежественными", "рабскими" и "суеверными" (с.22). В этот период римские интеллектуалы увлекаются буколической поэзией, прославляющей бегство из "продажного города", "городских анонимных толп" к первозданной природе.

В то время как римская аристократия услаждала свой слух поэзией Вергилия и Горация в своих усадьбах, городской плебс заполнял цирки, где демонстрировались жестокие и вульгарные зрелища. Именно в это время был сформулирован лозунг: "Дайте черни хлеба и зрелищ". Так римская империя решила проблему проведения массами свободного времени.

Распространение христианства и победа феодализма резко изменили перспективу рассмотрения вопроса о "единственном, немногих и многих". В христианстве единственный отождествлялся с богом, многие, "масса проклятых" – с грешниками,

которые после смерти должны были попасть в ад, а немногие – с избранными богом и заслужившими "райские кущи". Новое открытие человека в общественной мысли произошло в эпоху Возрождения, идеологи которого защищали права человека, расовое равенство и гуманистическую политику государства. Однако и в эту эпоху сохранялось двусмысленное отношение к массе. Так, наиболее известный политический мыслитель данного периода Макиавелли рассматривает массы как обоюдоострый меч: с одной стороны, они служат источником жизнеспособности и стабильности государства, с другой – являются рассадником смуты и беспорядка. Подобно конкретному человеку, массы обладают как достоинствами, так и недостатками. Часто человеческие страсти (амбициозность, жадность, завистливость) или недостатки (политическая индифферентность, мстительность) могут привести к потере свободы в государстве. В то же время массы, защищая справедливость, могут ниспровергнуть своих тиранов. Например, римский народ, хотя и был слишком "беспокойным" и весьма непоследовательным, однако он любил свободу. "Беспокойный" характер римского народа и его борьба со знатью способствовали сохранению свободы в римской республике. Макиавелли также обращает внимание на роль лидера: без руководителя масса является эфемерной и неспособной к достижению практических целей.

Народные восстания, упадок феодализма вызвали новые обличения у консервативных мыслителей. Защищая "данную от бога" систему социальных различий и авторитета, Лютер и Кальвин яростно обрушиваются на крестьянских повстанцев, называя их "кровавыми воровскими толпами", "жестокими животными" (с.33,34). Основатели французской реакционной мысли – Дж. Местр, Э.Берк – считают, что концепции эпохи Возрождения привели "к общей гибели разумных политических идей" (с.40). Это произошло, по их мнению, потому, что чрезмерный интеллектуализм данных концепций разрушил народные предрассудки, на которых базировался старый режим. Согласно этим

реакционным мыслителям, общая нивелировка традиционных обществ "в бесформенные, эгалитарные и тиранические амальгамы является результатом деятельности элит, хотя и дурных элит" (с.41). Воплощая в жизнь упрощенные рационалистические схемы, "метафизические и алхимические законодатели" пытаются превратить различных индивидов в гомогенную массу, в множество одиноких и испуганных людей" (с.41).

Голоса консерваторов и реакционеров, которые обличали изменения, происходящие после американской и французской революции, не отражали господствующего настроения эпохи. В данный период царил дух оптимистической уверенности в том, что настоящее лучше прошлого, а "будущее может быть только намного лучше настоящего" (с.43). Однако и в это время некоторые социальные мыслители давали критическую оценку исторических событий. В отличие от реакционеров, они не впадали в обскурантизм и не разделяли ностальгической точки зрения о мифическом прошлом. Их связи с "историческим пессимизмом были слабыми, а их желание принять некоторые существенные завоевания демократической революции были пылкими и искренними" (с.43). Основной недостаток "нового порядка" такие "ранние ревизионисты прогресса", как А.Токвиль и Дж.С.Милль, усматривали в слабости демократических институтов, обусловленной тем, что большинство ("массы") получили доступ к центрам авторитета и власти. Причем их беспокойство вызывал не сам факт вовлечения масс в сферу политики, а "способ, посредством которого большинство было связано с институтами нового порядка, рассматриваемого ими как пагубный для свободы и индивидуальности" (с.43).

Токвиль и Милль открыли новую линию критицизма в рамках либеральной социальной философии, включив в свой анализ темы, имеющие непосредственное отношение к проблематике массового общества: отношение между индивидом и массой, противоречия между социальным равенством и индивидуальным превосходством, сосуществование идеологии и критицизма, гармонизация общей воли и воли правителя.

Они отмечают, что современные общества эволюционируют в направления недифференцированных целостностей, так как в них все более происходит эрозия иерархий, социальных групп и возникают единные образцы в сфере идеологии, религии, общественного мнения. По их мнению, эти процессы способствуют формированию гомогенных индивидов, утрачивающих свою индивидуальность. Общество распадается на "бесчисленное множество подобных и равных людей" (с.47), которые, будучи оторваны от класса, ассоциаций, преследуя лишь свои частные интересы, не могут противостоять возвышению деспотического государства. По Токвилю, стремление к демократии, которое первоначально означало гарантии индивидуального развития и большей свободы, было сведено американской и французской революциями к уравниванию условий жизни различных социальных классов, групп, и отдельных индивидов. Токвиль опасается, что большинство, неспособное к умеренности и самоограничению, легко пожертвует своей свободой "во имя равенства и обещания большего благосостояния и, таким образом, возможно бессознательно, остановит процесс демократизации, который будет затем продолжаться без свободы" (с.48). Хотя стремление к равенству сделало возможной свободу, оно не дает достаточных гарантий против неограниченного роста эгалитаризма. По Токвилю, в условиях разрушения традиционных социальных групп, ассоциаций, процветания вульгарного гедонизма, конформизма, политической апатии атомизированных индивидов "возникновение демократического деспотизма неизбежно" (с.49).

Подобно Токвилю, И.Тэн также осознавал, что современные ему тенденции развития могут привести к возникновению гомогенного общества и деспотизма. Новое государство, оказывая равномерное давление на всю нацию и опираясь на многочисленную бюрократию, сможет держать население под своим игом. Тэн проводит различие между "плебсом" (или "чернью") и немногочисленным слоем лидеров, которых он называет якобинцами. Этот термин он использует для обозначения определенного типа личности, выражающей "якобинский дух" и действующей в со-

ответствии с ним в области политики. По Тэну, для якобинца характерны вера в "абсурдную утопию" и "безумная амбиция" (с.51). Этот тип личности можно встретить во всех слоях общества, но чаще они представлены в маргинальных группах и среди деклассированных слоев. Якобинцы могут получить значительную поддержку "черни" в периоды социальной дезинтеграции и политических кризисов. После прихода к власти якобинцы, как правило, опираются на деклассированное меньшинство - "плебс", в состав которого входят поденщики, нищие, бандиты, преступники, бродяги, контрабандисты. Эти прослойки лояльны к новой власти в силу того, что их материальное положение значительно улучшается, а также потому, что они получают реальные возможности социального продвижения в условиях политического террора, обычно возникающего после прихода якобинцев к власти. Не будучи полным пессимистом, Тэн полагал, что силы морального прогресса и дух гражданственности смогут остановить этот процесс. "Массовая" политика рассматривается им как своего рода "революционная болезнь", "социальная патология революции, а не как начало заключительного катаклизма" (с.54).

Ф.Ницше и Я.Бурхардт расширили значение понятий "якобинство" и "плебейство", распространив их на интеллектуалов и самих философов. По их мнению, современные им интеллектуалы изменили своему призванию - поиску истины - и стали на путь демагогии и идеологического догматизма. По Ницше, это ярко прослеживается у Ж.-Ж.Руссо, который прославляет массу, а ее низшие инстинкты "цинически описал как наиболее чистое выражение свободных и рациональных умов" (с.54). Данная точка зрения отстаивается не только демагогами, но и людьми, обладающими высоким интеллектом и общепризнанными заслугами. По Ницше, "никогда раньше европейские философы не доходили до такой степени безответственности и наивной непорочности" (с.54). Эти новые демагоги, "патологические фанатики", будучи подлинными выразителями "плеб-

са", стремятся втиснуть мир культуры в прокрустово ложе посредственности и косности.

К началу XX в. беспокойство об отрицательных последствиях эгалитаризма и демократизации социальной и политической жизни получило широкий отклик не только среди политических мыслителей и социальных философов, но и среди социологов и социальных психологов. Опасаясь социализма, коллективизма, новых "индустриальных масс", Г.Лебон изучал поведение "толпы". Он называет современную ему эпоху "эрой масс" (с.58). В отличие от Лебона, Тард полагал, что современный ему век является не "эрой толпы", но "эрой публики". По П.Тарду, публика – это "чисто спиритуальная коллективность, состоящая из физически отделенных друг от друга индивидов, между которыми существует только ментальная связь" (с.60). В публике, как и в толпе, индивиды составляют единое целое, отстаивая идентичные идеи и мнения. Однако в ней в отличие от толпы, сохраняются индивидуальные различия.

О.Шпенглер связывает с "восстанием масс" не только кризис культуры, но и закат Европы.

Теория массового общества полностью оформилась и была ясно сформулирована во второй половине 1920-х годов. Эта концепция формировалась "как широкое объяснение современного мира, которое, оставаясь в рамках традиционных размышлений о большинстве и меньшинстве, психологии массы и о правильном порядке гражданского общества, перестало рассматривать массы как внешнего врага порядка и прогресса и начало трактовать их в качестве завоевателей современного мира. Враг был уже не на пороге, а проник внутрь. И последние цитадели свободы, разума и цивилизованной культуры находились под жестокой осадой. Само общество превратилось в массу, в пустырь иррациональности, так как масса была воплощением иррационального" (с.72-73). Изменение акцентов в видении массового общества было обусловлено конфронтацией либерального сознания тоталитарным движением.

Переоценка значения иррационального, сыгравшая значи-

тельную роль в формировании четкой концепции современного общества как массового, была предложена М.Шелером. Он полагал, что сущность кризиса Запада заключается в общем ниспровержении моральных и культурных ценностей, приведшем "к беспрецедентному психологическому, политическому и социальному беспорядку" (с.73). Шелер, как и Токвиль, считает, что этот кризис возник в результате процесса уравнивания материальных условий и жизненных шансов, которое нашло свое отражение в формировании гомогенного общества. По Шелеру, его политическое устройство, основанное на "демократии эмоций", а не на "демократии разума", делает невозможным существование парламентской оппозиции и свободного политического выбора. Он отмечает, что социальное уравнивание является универсальной и неотвратимой тенденцией, проникающей во все сферы жизни. С одной стороны, оно приводит к нивелировке индивидов, с другой - к уменьшению дифференциации между группами, коллективами и институтами. "Концепции о Боге, эго власти, смысле человеческой жизни становятся все более и более сходными, что означает также, что культуры, рассматривавшиеся как имеющие специфическое и неповторимое значение, начинают терять свою уникальность. Различия между мужественностью и женственностью размываются так же, как различия между низшими и высшими классами, между капитализмом и социализмом" (с.74). Процесс "массификации" ("Vermassung") способствует возрастанию униформизма не только стилей жизни, но и индустриальных стран. По мнению Шелера, "исторические эпохи уравнивания являются наиболее опасными для человечества": они ставят рекорды по количеству смертей и пролитых слез (с.76). Это - наиболее иррациональные периоды истории, а "иррациональность - смертельный враг цивилизованной жизни" (с.74). В различных явлениях современного ему общества Шелер усматривает одно существенное сходство: они обращены к "инфантильному, эмоциональному и деструктивному в человеческой природе" (с.74). Под эту характеристику подпадают различные массовые движения - политические, молодежные,

спортивные, погоня за модой и т.д. Так, в частности, широко распространенный культ силы, молодости, "естественной красоты" он рассматривает в качестве массового движения. Шелер подчеркивает, что современный человек перестал быть индивидуальностью. Будучи только частью массы, не развив свое собственное "я", он эмоционально нестабилен, капризен, истеричен и инфантилен. Однако размышления Шелера о деградации современного человека были отрывочными и импрессионистскими. Более детальная трактовка массового человека была дана Ортегой-и-Гассет. Он выделяет следующие основные черты массового человека:

1. Посредственность. Массовый человек – это "средний человек", не отличающийся от других людей и повторяющий "общий тип".
  2. Конформизм. Массовый человек не имеет своих ценностей и стремится быть таким, как все.
  3. Вульгарность. Отвергая принцип самосовершенствования, он считает свою вульгарность естественной и, исходя из нее, судит о других.
  4. Отсутствие традиций. Массовый человек утрачивает почтение к традициям, гарантировавшим свободу.
  5. Господство. Массовый человек является хозяином своей эпохи: "именно он решает" в области политики, религии, экономики, искусства (с.78). "Его господство – это правление варварства", так как не существует социальных барьеров для его упрощенных и грубых амбиций" (с.78).
  6. Самоудовлетворенность. Массовый человек считает себя совершенным и полагает, что всегда поступает правильно.
  7. Примитивизм. Потребляя блага цивилизации, он не способен понять сложность окружающего мира.
  8. Варварство. Подобно варварам прошлого, массовый человек поработает и разрушает. Однако его варварство уникально в том смысле, что оно связано со специализацией.
- Ортега-и-Гассет отмечает, что в условиях кризиса мас-

согласные индивиды объединяются и, опираясь на насилие, оскрушают неудобные им политические партии и творческое меньшинство.

Но в конечном итоге "мятежные массы оказываются в полном подчинении у всемогущего современного государства" (с. 70). Если Шелер акцентировал внимание на самом процессе "массификации", Ортега-и-Гассет — на анализе массового человека, то К. Мангейм систематизировал и обобщил трактовку современного общества как массового. Можно выделить два элемента в его макросоциологической интерпретации массового общества: 1) анализ причин болезни этого общества и 2) описание его основных черт.

Мангейм утверждает, что "цивилизация разрушается на наших глазах"¹⁾. Глубинные причины данного факта лежат в развитии капиталистического общества, в котором процессы индустриализации сопровождаются демократизацией в сфере политики, образования, права, культуры. Однако "рациональность, возвышение бюрократического государства, индустрия, равенство перед законом и многие другие принципы, идеи, способы поведения, характерные для подлинно современной культуры, по-разному соединены с существующими обществами, традициями и интересами" (с.82). Поэтому современное общество представляет "мир разлада и неувязок, противоречивых точек зрения и моральных кодексов" (с.82). Смешение "современного с несовременным" создает диспропорции, которые "раньше или позже приведут общество к катастрофе" (с.82). Различные причины болезни современного общества можно вывести из "разрыва между субстанциональными и функциональными измерениями рациональности" (с.84). В основе "функциональной рациональности" лежит координация действий относительно определенной цели (например, в бюрократических организациях). "Субстанциональная рационализация" предполагает моральную оценку целей и используемых для их достижения средств.

1) Mannheim K. Man and society in an age reconstruction. - L., 1940, p.15.

По Мангейму, "субстанциональная рациональность" "серьезно ослаблена утратой связи с функциональной рациональностью и не может служить эффективным барьером для человеческой деструктивности" (с.83).

Мангейм выделяет следующие основные черты массового общества:

1. Увеличение взаимозависимости социальных институтов. Он иллюстрирует данную черту массового общества таким примером: на современной железной дороге неправильное функционирование одного элемента может вывести ее из строя.

2. Упадок общностей. Мангейм подчеркивает, что в условиях массового общества разрушаются "первичные группы".

3. Возвышение бюрократического общества. Это является наиболее очевидным проявлением "функциональной рациональности", развивающейся без руководства разума. Формальные организации, бюрократия, гордящиеся тем, что они являются морально нейтральными институтами, подпадают под власть иррациональных и безответственных руководителей. Повсеместное распространение бюрократии усиливает первые две тенденции.

4. Беспорядок. Взаимозависимость технических систем, бюрократий, контролируемых безответственными элитами, порождает состояние беспорядка. Массовая демократия и бюрократия не могут заменить принесенных им в жертву общностей, социального плюрализма, индивидуальной инициативы, творческой культуры и гарантии личной свободы. Они являются "слишком тонким покровом, чтобы скрыть моральный хаос и смешение ценностей, в котором находится современный человек" (с.85).

Согласно Мангейму, дальнейшая эволюция массового общества может пойти либо по пути развития свободы, либо по пути деградации в тиранию. Первый выбор предполагает создание демократически контролируемого планируемого общества. Однако, как отмечает автор, исходя из анализа Мангейма, "оптимистический итог, видимо, по меньшей мере является проблематичным" (с.86).

На формирование современной социологической теории су-

щественное влияние оказали традиционные концепции развития всемирной истории как длительного перехода от варварства к цивилизации. Пытаясь ответить на вопросы, поставленные процессами индустриализации и модернизации, социологи использовали эти схемы для противопоставления доиндустриального и индустриального общества. Первая схема подошного типа была разработана Ф.Теннисом, противопоставившим "общность" и "общество". Теннис считал, что развитие общества идет в направлении от общности к обществу. Принимая дихотомическую классификацию Тенниса, М.Вебер концентрирует свое внимание на анализе "духа" капитализма", победного шествия рационализации.

Э.Дюркгейм рассматривает социальную эволюцию как движение от традиционного общества, основанного на гомогенности и механической солидарности, к современному обществу, для которого характерно разделение труда и органическая солидарность. Он подчеркивает, что разделение труда при определенных условиях приобретает патологические формы, вызывающие разрушение норм и органической солидарности.

И Теннис, и Вебер, и Дюркгейм выражали чувство тревоги относительно негативных последствий исторической трансформации общества и общности к ассоциации. П.Сорокин связал эту тенденцию социологической теории с культурным пессимизмом, что позволило ему трактовать данный процесс как переход от общества высшего типа к массовому обществу. Сорокин следующим образом изображает мрачную апокалипсическую картину будущего: "... подлинное "общественное мнение" исчезает. Контракты... потеряют... свою обязательную силу. Грубое насилие и цинические подделки станут единственными арбитрами... Правительства станут все более и более... тираническими. Семья ... будет продолжать разрушаться... Наша культура превратится... в бесформенную свалку для отбросов культуры... Творчество будет продолжать ослабевать и блекнуть"¹⁾

¹⁾ Sorokin P.A. Social and cultural dynamics. - N.Y., 1962, vol.4, p.775-777.

По мнению автора, то, что Сорокин "представляет последние этапы этого перехода в полупоэтических тонах грядущего потока, только подчеркивает эмоциональную природу этого пессимизма" (с.99).

Итак, в период между первой и второй мировыми войнами произошла консолидация теории массового общества "как общей интерпретации диагноза современного мира" (с.104). После 1945 г. были сформулированы специальные теории, рассматривающие проблемы "массовой политики", "массовой культуры", "массового человека", "процесса массификации" и "упадка общности".

Многие социологи подчеркивают, что разрушение или, по меньшей мере, ослабление общности является результатом "массовизации" современной жизни. Они отмечают, что до индустриальной революции на Западе небольшие городки, села были своего рода микрокосмосом, в котором практически удовлетворялись все экономические, культурные и эмоциональные потребности индивидов. Отношения между ними были персонифицированы, а социальные связи основывались на чувстве принадлежности к одной общности. В условиях индустриальной и урбанистской революций люди постепенно освобождались от своих привязанностей к местной общности и приспосабливались к жизни в мире господства безличных сил и контактов. Человек становится безымянным: он выполняет свои функции как бесчисленное множество других, ему подобных. В то же время люди отчуждены друг от друга. Как подчеркивает Р.Нисбет, исторически проблема ослабления общности "должна рассматриваться с точки зрения упадка функционального и психологического значения таких групп, как семья, небольшие местные общности и различные другие традиционные отношения, которые с незапамятных времен опосредовали индивида и общество. Именно эти группы играли в моральном плане решающую роль в жизни конкретных индивидов. Другие, более модные формы ассоциации уже существовали, но их основное моральное и психологичес-

кое влияние на жизнь индивидов происходило через посредство семьи, местной общности и церкви"¹⁾.

Помимо представителей социологической традиции, противопоставляющей общность ассоциации (М.Вебер, Э.Дюркгейм, Ф.Теннис), проблема ослабления общности ставилась и в эмпирически ориентированных работах А.Видича, супругов Р. и Э.Линд, Дж. Бенсмана. Обобщая результаты многих исследований, М.Стейн интерпретирует их как эмпирическое доказательство трансформации Америки в массовое общество за счет разрушения первичных групп. Причем, по его мнению, черты массового общества находят наиболее яркое воплощение в современных пригородах.

Для теоретиков массового общества одним из центральных является термин "массификация", который используется ими для описания процесса превращения общества в целом или его существенных элементов в неструктурированные, аморфные агрегаты. Согласно Э.Нойманну, быстрая и "фатальная трансформация" некоторых социальных слоев ("новый средний класс", безработные, доведенные до нищеты рабочие, бывшие военно-служащие), превращение их в бесформенные массы способствовали торжеству фашистских режимов в Европе. Для Р.Кенига массификация включает "социальную атомизацию", "общую нивелировку" и "беспорядочное уравнивание" (с.125). Рассматривая массификацию как синоним гомогенизации, Д.Селигмен говорит об уменьшении национальных, религиозных, классовых различий среди социальных групп и индивидов в современной Америке. Многие теоретики массового общества связывают массификацию с формированием "нового среднего класса", который составляют служащие, получающие жалованье ("беловоротничковые", специалисты, государственные служащие и т.д.). Именно его они изображают как "бесклассовый класс"

---

¹⁾ Nisbet R.A. The quest for Community. - N.Y., 1953.

(с.129). По их мнению, "новый средний класс" не идентифицирует себя с определенным классом, у него отсутствует также классовое самосознание. Единственное, что объединяет его представителей - это "массовый образ жизни" (с.131), идеалы досуга и потребления. Не имея своего классового лица, не будучи социально организованным, "новый средний класс" оказывается беспомощным перед властвующей элитой, использующей аппарат насилия и средства массовой коммуникации.

Концепция массового общества опирается на определенные традиции политической философии. "Когда Роберто Мишель, один из немногих современных ее основателей, заявил накануне первой мировой войны, что... то, что проблема многих и немногих никогда не была удовлетворительно решена, обусловлено "объективной незрелостью массы" и вечными олигархическими тенденциями демократии, он повторил приблизительно то, что было уже неизгладимо записано в анналах политической мысли Геродотом, Аристотелем, Полибием и позже Макиавелли" (с.136). По их мнению, эта незрелость вытекала не только из признания массами любых правителей (тиранических, демагогических, патерналистских, демократических), но и из непоследовательности и крайностей их поведения, которое резко изменялось от апатии к возбуждению, от бессмысленной покорности к буйному протесту. Современные теоретики массового общества рассматривают данные формы поведения массы либо с точки зрения массовых (тоталитарных) движений, либо исходя из демократической (институционализированной) массовой политики. Опираясь на толпу, деклассированные слои всех классов, лидеры массовых движений могут захватить власть и установить контроль над всеми сферами общественной жизни. Однако сила тоталитарных режимов не только в их организации, но и в том, что они удовлетворяют некоторые потребности масс, а именно потребности в 1) общности; 2) "исполнении желаний"; 3) конформности и покорности.

I. "Новые массы", "толпы одиноких" в условиях разруше-

ния общности не могут не стремиться - сознательно или оесознательно - к их замене. Хотя современные массовые движения, партии, молодежные союзы являются псевдообщностями, множество из "толпы одиноких" присоединяется к ним просто потому, что "эрзац все же лучше, чем ничего" (с.140).

2. Согласно Мангейму, иррациональная жажда современного народа к "исполнению желаний" приводит к распространению легенд, мифов и нереализуемых утопий. Некоторые комментаторы Мангейма отмечали, что "именно в массовом обществе такие утопические мифы находят свое наиболее вредное выражение" (с.141).

3. Массовый человек слаб, несамостоятелен и стремится либо к подчинению, либо к авторитарности. По Э.Фромму, в условиях аномии, дезорганизации и морального опустошения авторитарные личности легко делают свои "грязные карьеры", так как атомизированные индивиды пытаются найти спасение "в поклонении лидеру" (с.144)

Рассматривая отношение многих и немногих в массовом обществе, У.Корнхаузер подчеркивает легкую доступность влиянию как элит, так и неэлит со стороны друг друга. Он проводит также различие между "плюралистическими" (демократическими) и тоталитарными массовыми обществами. По мнению автора, пристальный взгляд на обе эти версии массового общества показывает, что "они одинаково опасны и отчуждены от живущих в нем людей" (с.145).

Общая институциональная уязвимость массового общества делает возможной успешную мобилизацию масс и манипуляцию ими. "Безжалостные, безличные и бюрократически "строевые" партии сознательно проводят массивфикацию через общую мобилизацию, которая, в свою очередь, является кратчайшим путем к тотальной власти" (с.147). Когда такая власть достигнута, перманентная мобилизация и массивфикация по-прежнему важны для ее поддержания. Согласно Нойману, "институционализация аморфных масс" является предпосылкой стабильности современ-

ной диктатуры. Источниками нового порядка служат как использование террора, так и средства пропаганды. "Новизна тоталитаризма состоит не в том, что он деспотичен, а в том, что его мифы и догмы совместно с партийным аппаратом выражают саму суть системы" (с.147).

За официальным фасадом тоталитаризма скрывается бесформенность общества, "хаос неэффективности" основных его институтов.

"Демократическое" массовое общество, обычно рассматриваемое в менее мрачных тонах, критикуется за: 1) массовую апатию; 2) антидемократические движения и экстремизм, 3) манипуляцию массами со стороны элит.

1. По известному выражению Платона, апатичный гражданин является идиотом. Если исходить из этого определения, то в массовом обществе резко возросло число идиотов, т.е. людей, не проявляющих интереса к политической жизни. Это вызвано прежде всего масштабами корпораций, партий, бюрократий, перед которыми отдельные индивиды испытывают чувство беспомощности. Кроме того, развитые страны Запада сумели реализовать старое требование "хлеба и зрелищ", и легкость удовлетворения потребностей в пище и развлечениях также играет дополнительную роль в формировании пассивности и конформности. В результате происходит деполитизация значительных слоев населения.

2. Однако в условиях кризиса массовое общество сбрасывает с себя маску деполитизации. Акты насилия, хулиганства, вандализма неожиданно приобретают политический характер. Они-то и составляют ядро тоталитарных движений и идеологий, стремящихся ниспровергнуть демократические институты. Маккартизм и "дело Дрейфуса" являются классическими примерами этого явления. Экстремизм - особенно правого толка - рассматривается многими социологами как союз между "смещенными элитами и нестабильной массой" (с.153). Благодаря такому союзу массы вовлекаются из периферии в центральные сферы политической деятельности и приводят ее в беспорядок.

3. Теоретики массового общества полагают, что западные демократии являются формальными, так как в действительности ими управляет небольшая элита, состоящая из военных, технократов, политиков и бизнесменов. Ослабление общественной жизни смертельно подрывает основы демократии и промежуточные организации. Ситуация дополняется превращением общественности в массу, над которой элита осуществляет контроль при помощи средств массовой коммуникации.

Исходя из данной точки зрения, Р.Милс считает, что Америка "прошла очень значительное расстояние по дороге массового общества", и что в конце "этого позорного путешествия ее ожидает тоталитаризм" (с.154). Милсу вторит целый хор современных критиков, которые солидаризируются с тем, что конвергенция между "формальными" демократиями и тоталитарным государством является неизбежной исторической тенденцией развитых индустриальных стран.

Переходя к анализу массового человека, автор отмечает, что ранее уже были представлены многочисленные уничижительные описания его, в которых он изображен одновременно как первопричина и конечный результат массового общества. Некоторые критики считают, что недостатки массового человека даны "от века", другие связывают их с процессом массификации, влиянием средств массовой коммуникации и массовой культуры. В качестве причин, вызывающих утрату массовым человеком своего "я", обычно называют отчуждение и аномию (отсутствие ценностей, конфликт норм). В определении основных черт массового человека критики достаточно единодушны. Это следующие черты:

1. Массовость. Массовый человек имеет сходство с физической массой. С точки зрения рынка, труда, организаций, партии он подобен стандартизированному объекту и может быть легко заменен другими.

2. Изоляция. Массовое общество – это "толпа одиноких" людей, которые лишены подлинных контактов. Они находятся в одной "социальной песчаной куче", но они не вместе.

3. Утрата индивидуальности. Массовые индивиды – это атомизированные, изолированные, невротически молчаливые люди, которые, в сущности, не отличаются друг от друга.

4. Встревоженность. Массовый человек не осознает своего места в мире и в обществе, не видит смысла в своих поступках.

5. Манипулируемость. Он является покорным роботом анонимных сил.

6. Детскость. Массовый человек подобен ребенку, которого можно осчастливить ничтожными обещаниями и наградами.

7. Несвобода. Он боится самостоятельности и существует в условиях "псевдодемократии, псевдообщности и псевдосвободы" (с.192).

8. Аморальность. Массовый человек не способен к моральной оценке как своих поступков, так и поступков окружающих.

Небезынтересно отметить, что А.Хартли попытался показать, что и современный бюрократ, и хиппи представляют собой различные типы массового человека, которые возникают в результате дезинтеграции западного индивидуализма и либерализма. Если бюрократ обладает всеми добродетелями пуританизма (воздержание, усердие в работе, пунктуальность и т.д.), то хиппи характеризуют такие черты вульгарного гедонизма, как лень, стремление к неотложному удовлетворению своих желаний, аморальная чувственность. Согласно А.Хартли, последующее развитие массового общества будет способствовать конвергенции этих двух типов в единую модель массового человека.

Критический анализ доктрин массового общества начинается лишь после второй мировой войны и продолжается по настоящее время. Автор дает обобщенную картину критики концепций массового общества и общую оценку их научного статуса.

Он отмечает, что исторически сознание феномена масс происходило в двух контекстах в соответствии с двумя различными значениями понятия "масса", которые практически

оставались неизменными на протяжении многих веков. С одной стороны, оно отражало процессы детрибализации, становления классового общества, где немногие – правящие классы – дистанцировались от множества. Это большинство, не имевшее власти и престижа, оставалось внутри данного общества. С другой стороны, в качестве массы рассматривались чужеродные – мир нецивилизованных варваров. Это двойственное значение термина "масса" сохранилось и в современную эпоху. Во-первых, здесь массы идентифицируются с крестьянами, простым народом, пролетариатом. Во-вторых, этот термин относят к народам, живущим вне пределов индустриально развитых стран. Второе значение понятия "масса" часто использовалось в истории при формировании идеологий. В частности, исходя из него, нацисты сначала оправдывали нападение на славянские народы Европы, а затем – сопротивление Советской Армии. Смешав оба значения понятия "масса", испанские фашисты говорили о "марксистских ордах" как злейших врагах испанской цивилизации (с.201). Однако трактовка массы как "внутреннего врага" оказала более значительное влияние на развитие социальных идей и теорий Запада. Многие мыслители прошлого (Фукидид, Исократ, Платон, Аристотель, Цицерон, Макиавелли), а также более современные (от Токвиля до Ортеги-и-Гассета) защищали аристократические предрассудки относительно простого народа. В то же время существует фундаментальная двусмысленность в традиционной социальной мысли по поводу "большинства", ибо в ней аристократические мотивы соединялись с убеждением о существовании естественного равенства между людьми.

Хотя бесспорно, что предрассудки против масс реакционны, отмечает автор, "это не должно скрыть от нас болезнь, провоцируемую утратой одновременно как иерархии, так и общности, которую все наблюдатели чувствуют, когда сталкиваются с пролетариатом, разоренным крестьянством или бедным и неукорененным городским населением" (с.201).

Как уже отмечалось ранее, теоретики массового общества опирались не только на элитистскую традицию в философии, но и на социологические концепции Ф.Тенниса, Э.Дюркгейма и М.Вебера. При этом они односторонне интерпретировали данные теории, в которых эволюция современного общества была представлена как сложный процесс, не означающий полной замены общностей ассоциациями. Недостатки концепции массового общества связаны также с тем, что они дают искаженное изображение социальной действительности. Они недооценивают значение новых общностей, классовых различий, этнических конфликтов, студенческих движений, специфики различных обществ. Они недоучитывают также сложность и разнообразие социальной и культурной жизни, многомерности современного индивида. Автор отмечает, что "массификация, понимаемая только как тотальный, всеохватывающий и однонаправленный процесс, является просто очень бедной фикцией социального воображения" (с.220).

Несмотря на отмеченные недостатки, подчеркивает Джинер, следует отдать должное концепции массового общества, так как она представляет собой одну из немногих попыток, предпринятых для создания "общей и полной теории современного общества, интегрирующей одновременно как моральное, так и структурное рассмотрения" (с.261). Кроме того, в ее рамках были сделаны многие важные выводы, в частности о природе тоталитарной политики, новых формах вульгарности, современных формах отчуждения.

Н.Н.Стрельцов

ДЖЕРМИНИ ДЖ.
МАССОВОЕ ОБЩЕСТВО, ОБЩЕСТВЕННЫЙ КЛАСС
И ВОЗНИКНОВЕНИЕ ФАШИЗМА

GERMINI G.

Mass society social class, and the emergence
of fascism. - In: Masses in Latin America
/Ed. by Horowitz L. N.Y., 1970, p.577-600.

Понимание природы фашизма существенно менялось со времени его возникновения в Италии. Первоначально итальянский фашизм рассматривался как неожиданный результат первой мировой войны, как случайное отклонение от основного направления истории. После установления третьего рейха в Германии возникает новый тип анализа фашизма, который подчеркивает значение как психологических факторов, так и специфических структурных черт и исторических тенденций. В этот период средствами анализа тоталитаризма становятся такие понятия, как авторитарная личность, социальная дезинтеграция, аномия, потеря общности, изменение позиций элит, возникновение масс. Психологические и социологические теории "массового общества" и формальные типологии тоталитаризма использовались для анализа как фашизма и нацизма, так и массовых режимов

в развивающихся странах. Роль класса в этих объяснениях была второстепенной, так как тоталитарные общества и движения интерпретировались как результат дезинтеграции всех классов общества.

В 50-е годы трактовка тоталитаризма была расширена на "массовые государства" Латинской Америки.

Автор отмечает, что первой попыткой объяснить фашизм, исходя из общей теории, был марксистский подход. Ф.Нойман, М.Свизи рассматривали фашизм и нацизм как последний этап развития капитализма, как результат внутренней диалектики социальной системы. Д.Гуэрин пытался связать фашизм с классическим марксистским понятием падения капиталистической прибыли. Они полагали, что массовой опорой фашистских движений служат средние слои и деклассированный люмпен-пролетариат.

Анализ низших средних слоев становится центральной проблемой в психосоциальной трактовке тоталитарных движений. Для их оценки часто используется понятие авторитарной личности. В это время более точно анализируются процессы неукоренности, аномии, статусного несоответствия, массовой паники. Важным компонентом объяснения тоталитарных движений выступает понятие недовольства, анализ которого имеет длительную историю в европейской мысли. Оно характеризуется Ф.Ницше как "мораль рабов". В своем феноменологическом описании недовольства М.Шелер выделил ряд типичных ролей, которые способствуют его возникновению: роли незамужних женщин, тещи, пожилых людей, священников и представителей находящихся в упадке промежуточных слоев. Шелер рассматривает эти социальные роли и ситуации как "несбалансированные" из-за несоответствия статуса и ожиданий. В 30-е годы эти положения были развиты С.Рэнальдом, который провел исследования различных групп, чтобы определить социальные условия, способствующие появлению недовольства. Оно особенно характерно для мелкой буржуазии и низших средних слоев и связано со стрессами,

конфликтными референтными группами, чувством неуверенности, обусловленными промежуточной позицией данных социальных слоев. Это недовольство, внутренне присущее низшим средним слоям, активизируется во времена кризиса.

Понятие "социальный характер" Э.Фромма объединило структурный и психосоциальный подходы с такими темами, как переход к новой интеграции (от общности к обществу, от механической к органической солидарности), и его последствия для индивидуальной и социальной дезорганизации. Концепция Фромма включала также понятия атомизации и перемещения (displacement), подчеркиваемые теорией "массового общества".

Согласно Фромму, рационализация и индивидуализация в массовом обществе вызывают такие психологические стрессы, как чувства отчуждения, изоляции, страха. Распространение крупных организаций и уменьшение значения промежуточных структур, усиливает эти чувства. В ответ на них у индивида развиваются различные защитные механизмы: авторитаризм, деструктивность, автоматический конформизм.

Интегрируя структурный и психологический уровни анализа, Фромм рассматривает нацизм как "выражение классовой борьбы в период упадка капитализма" (с.583).

Теоретики массового общества дополняют психосоциальную версию тоталитаризма анализом взаимоотношения элит и масс. Они подчеркивают, что происходит возрастающее участие масс в общественной жизни и уменьшается изоляция элит. Первый процесс соответствует "фундаментальной демократизации" (К.Мангейм), т.е. вовлечению в политику тех классов, которые "ранее играли пассивную роль в политической жизни" (с.583). "Фундаментальная демократизация", угрожая исключительности элит, перерастает в "негативную демократизацию", типичной формой которой является тоталитарное государство.

Автор отмечает, что массовое общество является необходимым, но недостаточным условием для возникновения тоталитаризма. Перемещения также должны иметь место, а массы и

элиты должны быть доступны для политического действия.

У.Корнхаузер считает, что высокая доступность порождается резкими изменениями в социальной структуре. Понятие "социальная мобилизация" при этом интерпретируется как освобождение от традиционных образцов и вовлечение в современное общество. Социальная мобилизация может также трактоваться как форма перемещения и фактор, вызывающий доступность в условиях быстрого изменения и отсутствия специфических каналов интеграции. Данное понятие пробуждает и другую важную тенденцию – анализ распространения гражданских, политических и социальных прав на низшие классы и, наконец, на все население.

Быстрый темп мобилизации не является достаточной причиной для перемещения и доступности, так как для этого необходимо отсутствие адекватных каналов интеграции, которые обеспечиваются не только легитимацией прав, но и наличием организаций, способных представлять интересы вновь мобилизованных масс в рамках существующего социального порядка.

Автор считает, что отказ от классового анализа является общей чертой теории "массового общества". Так, например, Э.Ледерер подчеркивает исключительно роль масс. Тоталитарный режим рассматривается как "господство над массами при помощи масс" (с.585). По мнению автора, ошибка теории "массового общества" состоит не только в недооценке классового анализа, но и в том, что она не проводит различие между формами мобилизации в модернизированных обществах и развивающихся странах. Он считает, что "классовая и массовая теории должны быть переформулированы в более общих рамках, включающих мобилизацию, перемещение и доступность" (с.586). Автор выделяет следующие фазы мобилизации:

1) состояние интеграции; 2) процесс разрыва, или дезинтеграции; 3) освобождение индивида или социальной группы; 4) отбрасывание прежних норм, или доступность, т.е. психологическая мобилизация; 5) объективная мобилизация и 6) реинтеграция.

Общество интегрировано, если существует соответствие между тремя уровнями: нормативным, психологическим и уровнем среды. Когда существует такое соответствие, индивидуальное поведение можно предсказать на основе анализа нормативной структуры. Дезинтеграция происходит тогда, когда это соответствие нарушается. Доступность свидетельствует только о психологической мобилизации. На уровне реального поведения она перерастает в объективную мобилизацию. Реинтеграция имеет место тогда, когда эти действия институционализируются в обществе.

Автор считает, что если уровни недовольства и объективной мобилизации высоки, а узаконенные каналы интеграции отсутствуют, то должно иметь место перемещение, связанное с экстремистскими социальными движениями. В этом случае реинтеграция может сопровождаться массовыми движениями и коренными изменениями в социальной структуре. По мнению автора, одним из основных условий, определяющих природу массовых движений, являются типы мобилизации. Первичная мобилизация имеет место в традиционной социальной структуре. Термин "вторичная мобилизация" обозначает дезинтеграцию, изоляцию от современной социальной структуры. При первичной мобилизации маргинальность мобилизованных групп предшествует их включению в современное общество. Вторичная мобилизация относится к тем группам населения, которые входили в современную структуру, но стали маргинальными из-за инфляции, безработицы, войн, потери статуса и т.д.

Анализируя различия между итальянским фашизмом и аргентинским перонизмом, автор отмечает, что возникновение фашизма в Италии характеризовалось первичной мобилизацией больших групп низших слоев и вторичной мобилизацией значительных групп средних слоев. Основой перонизма служили низшие классы и первичная мобилизация. Перонизм имел тоталитарные черты, но он существенно не отличался от либерального движения, которое выражало первый этап первичной мобилизации

УИЛМУТ С.
МАССОВОЕ ОБЩЕСТВО,
СОЦИАЛЬНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ И ДЕМОКРАТИЯ

WILLMUTH S.

Mass society, social organization, and democracy. -
N.Y.: Philos. library, 1976. -

104 p.

Автор анализирует и критикует современную теорию "массового общества" с точки зрения социальной психиатрии, в центре внимания которой две формы дезорганизации (патологии): 1) социальная - крушение социальных ценностей и рост политического авторитаризма и 2) личностная - отчуждение, кризис идентификации личности. Континуум дезорганизации с его двумя полюсами - тоталитарным обществом и авторитарной личностью - анализируется с помощью таких теоретических конструкторов, как социальная организация, демократия и политическое движение.

Теория "массового общества" при объяснении причин дезорганизации обычно обращается к таким явлениям, как модернизация, индустриальная революция, разделение труда, изменение средств транспорта, связи и коммуникации, секуляризация знания и веры, физическая и профессиональная мобильность и т.д. Все эти явления существенны, однако их следует связать еще с одним параметром - психопатологией.

Только учет этого измерения, по мнению автора, может привести к адекватному пониманию политических aberrаций в современном массовом обществе.

Чтобы понять теорию "массового общества", говорит автор, необходимо исследовать ее с исторической и современной точек зрения и проанализировать ее эмпирическую приложимость к современной социальной организации, включая демократические политические институты.

В истории социальной мысли автор вычленяет два подхода к социальной эволюции: оптимистический (школа "прогресса", к которой относятся колониальная теория эволюции, демократическая теория эволюции, социал-дарвинизм) и пессимистический. Современная теория массового общества является конечным результатом развития пессимистической ветви социальной мысли. Среди ее предшественников выделяются фигуры М.Вебера и Э.Дюркгейма. От Вебера идет широкая этически-рациональная перспектива при анализе социальной системы, анализ влияния социальных движений на социальную организацию, соотнесение рациональных и иррациональных тенденций в социальном развитии. Дюркгейм сформулировал теоретическую модель массового общества, которая связала аномию с отсутствием социальной интеграции. Он обратил внимание на иррациональные моменты в человеческом поведении и их связь с плюрализмом ценностей. От гностиков Древней Греции до романтиков XIX в. и экзистенциалистов XX в. проблема социальной и психической иррациональности была в центре внимания социальной философии. Современная теория массового общества, по мнению автора, отказалась от этой традиции.

Важную роль в становлении теории "массового общества" сыграл марксизм. Некоторые классики социологии, например, Дюркгейм и Вебер, учитывали идеи К.Маркса при определении своей теоретической ориентации, принимая или отвергая их. Среди современных социологов, многие объединяют идеи К.Маркса с идеями теории "массового общества" (например, Т.Парсонс, Р.Милс, Г.Ласки и др.)

Существенный импульс развитию теории "массового общества" дали эмпирические исследования политически-идеологических установок. Исследование, проведенное Р.Лейном, показало, что хотя аномия в США в последние десятилетия возросла незначительно, однако ингредиенты аномии, отчуждения, синдрома авторитарности широко распространены среди американцев. Почти 30% американцев аномичны в том или ином отношении. У 5% американцев обнаружены экстремистские политические взгляды. Исследования У.Корнхаузера свидетельствуют о том, что у 50% американцев без высшего образования имеются склонности к авторитаризму и фашизму.

Автор указывает на необходимость сконструировать теоретическую модель, которая рассматривала бы социальное развитие в общей социо-антропологической системе, а нормативную стабильность в связи с социо-институциональной организацией. Для этого теорию "массового общества" следует переинтерпретировать как общую теорию коллективного поведения, соединяющую эмпирические данные и теоретические формулировки из различных сфер социологии. Важными компонентами такой теории должны быть понятия социальной интеграции и политической организации. Адекватной формулировке теории массового общества могут содействовать социально-психиатрическая интерпретация человека в массовом обществе, эмпирические исследования толерантности, либерализма, авторитаризма, тоталитаризма и т.п., а также демографические и экологические исследования.

Теория "массового общества" соединяет две модели коллективного поведения: факторную и эволюционную. Социальные изменения она рассматривает не как необратимые или циклические, а как ответы на стимулы переменного характера; при этом социо-личностные черты или типы являются ответами на определенные социально-структурные характеристики в соответствии с теорией ролей. При анализе проблемы личностно-социальной интеграции теория массового общества должна

использовать мотивационную психологию (например, концепция Д.Рисмена об "извне" (другими-) и "изнутри" (само-) управляемой личности).

Применение теории "массового общества" в качестве теории развития ограничено историческими условиями, которые определяют степень и направление социальных изменений. Социальные изменения – это не необходимые следствия революционного процесса; они проистекают из факторов, внутренне присущих обществу, которое вынуждено скрывать дезорганизацию.

Определенная зависимая переменная, например политический экстремизм, детерминируется одновременно большим количеством независимых переменных. Выражение этих отношений в форме уравнений на современном уровне развития знания еще невозможно. Расширение концептуального аппарата теории "массового общества", по мнению автора, позволит проанализировать по-новому теорию ценностей, теорию ролей, макро-теорию цивилизации, теорию социальной дезорганизации, теорию социальной стратификации, функционализм, социальные движения, иррационализм и антиинтеллектуализм. Такой анализ должен прояснить взаимоотношения между этими сферами в концептуальной структуре теории "массового общества".

Основными понятиями теории "массового общества" являются разделение труда, секуляризация, групповая интеграция, отношения в первичной группе, отчуждение-аномия, гомогенность культуры, культурная эволюция, личностная и социальная дезорганизация и др. Для реконструирования теории "массового общества" центральными понятиями следует сделать социальную и личностную интеграцию. На макроуровне теории цивилизации концепция "массового общества" должна рассматривать ролевые конфликты и связанные с ними личностную и социальную дезорганизацию как вытекающие из природы социальных норм и ценностей определенного общества.

Под интеграцией автор понимает последовательность и эффективность поведения в отношении норм социальной систе-

мы. В качестве главной зависимой переменной при исследовании массового общества должна быть политическая структура. С понятием интеграция тесно связано понятие равновесия. Как абстрактное понятие равновесие означает состояние баланса, включающее сеть взаимосвязанных переменных. (Примером может служить понятие социальной системы Т. Парсонса.) Конкретное понятие равновесия использовалось в связи со специфическими историческими ситуациями.

Отчуждение—аномия являются фактором, нарушающим равновесие ценностей в социальной системе. Различные подходы к теории социальной интеграции в той или иной мере имеют дело с ценностной структурой общества. Социальная и личностная дезорганизация и тоталитаризм возникают в тех нормативных системах, где отсутствует интеграция.

Распространенность среди низших классов авторитарных тенденций автор объясняет консерватизмом и приверженностью к традиционализму. Он отмечает, что антидемократические склонности (авторитарность, агрессивность, тоталитарность) среди масс, — это не просто функция субъективной фрустрации, но и следствие социальной структуры. Социологическая теория должна создать функциональную модель современного массового общества, которое при определенных условиях ведет к антидемократическим явлениям. В демократическом массовом обществе элита, склонная к авторитаризму, не имеет шансов на успех без поддержки масс.

У истоков современного индустриального массового общества стоят такие экологически—демографические явления, как урбанизация и рост народонаселения. Социологический анализ современного города требует трех взаимосвязанных точек зрения: 1) поведенческой; 2) структурной (социополитическое взаимодействие); 3) демографически—экологической. Адаптация урбанистической социальной системы к окружающей природной среде зависит от таких факторов, как естественные ресурсы, технология и социальная организация.

Урбанизация как основа массового общества исследовалась с разных точек зрения: рост разделения труда, бюрократизация, гетерогенность ценностей, формализация отношений и т.д. В центре же внимания теории "массового общества" должна стоять проблема влияния процессов урбанизации и модернизации на политические институты и стабильность демократии.

Как показали эмпирические исследования, политическая стабильность социальной системы зависит не только от социально-экономического развития. Адекватное понимание источников социальной дезорганизации требует комплексного подхода: наряду с экономическими факторами необходимо учитывать и экологические, демографические, культурно-духовные и, в особенности, социально-психиатрические. Только такой подход сможет выявить причины как левого, так и правого тоталитаризма.

Одним из источников личной и социальной дезорганизации в современном обществе являются процессы рационализации, бюрократизации, стандартизации и формализации жизни. Их следствиями являются отчуждение труда, чувства изоляции и собственной незначительности.

Современная массовая культура исказила потребности и интересы индивида и привела к дегуманизации и вульгаризации культуры. Массовая культура, с одной стороны, сделала индивидов неспособными воспринимать высокую культуру, с другой стороны, оторвала их от народной культуры.

На основе эмпирических данных автор предостерегает от принятия основных предпосылок пражской теории "массового общества": 1) массовое общество разрушило первичные группы; 2) члены массового общества изолированы; 3) за дегуманизацию культуры полностью ответственны средства массовой коммуникации.

Во второй главе автор предпринимает попытки дать социально-психиатрическую интерпретацию массового общества. Социально-психиатрическая концепция общества, противополож-

ная оптимистическому социал-эволюционизму и пессимистическому мальтузианству, ведет свое начало от Э.Фрейда. Согласно Фрейду, массовый человек перед лицом запутанной и фрустрирующей реальности склонен принять образ мышления, который дает временное, иррациональное, опьяняющее удовлетворение. Это один из защитных механизмов "эго" ("я"). На основе эмпирических исследований автор делает вывод, что аномия, цинизм, конформизм, латентная агрессивность, псевдо-консерватизм праворадикального фрустрированного индивида являются потенциальными источниками тоталитаристского движения.

Для понимания психологии авторитарной личности более существенна теория комплексов К.Юнга, нежели ортодоксальная фрейдистская теория социализации ребенка. Исследования авторитаризма показали, что за ним скрываются такие психологические цели, как снятие фрустрации, поддержание статуса, разрешение ценностных и ролевых конфликтов, облегчение коммуникации, уменьшение чувства изоляции и т.д.

Авторитарный человек – это традиционалистский индивид, который неспособен рационально справиться со своим беспокойством и скрывает негодование и враждебность под покорностью, так что его приверженность тоталитаристскому движению является жесткой и защитной. Авторитарный индивид избегает ценностной неопределенности и неудовлетворенности, становясь сторонником движения, которое обеспечивает иррациональную личную безопасность и удобные цели для агрессии. В сознании авторитарного индивида тесно взаимосвязаны этноцентризм, псевдо-консерватизм, антидемократизм, расовые предрассудки.

Обобщая различные исследования, автор формулирует социально-психиатрическую гипотезу: две тенденции в поведении личности – приверженность обычаям, традициям и реакция на модернизацию отчуждением-аномией – при определенных условиях составляют противоположные комплексы, взаимодействие между которыми ведет к психологическому стрессу и автори-

тарности. Для эмпирических исследований этих феноменов необходимо использовать три шкалы: психиатрического стресса, несоответствия и зависимости. Шкала несоответствия выявляет черты традиционалистской, мизантропической, отчужденной личности и указывает на необходимость социальных изменений, возврата к старому обществу или движения к новому. Шкала зависимости выявляет конвенциональность, "управляемость извне (другими)" и покорность. Каждая из этих шкал (несоответствия и зависимости) в отдельности связана со шкалой психиатрического стресса, однако наиболее эффективно предсказывает психиатрический стресс их многостороннее взаимодействие.

В ценностной структуре авторитарной личности содержатся два противоположных комплекса: обычай и отчуждение. Экстремистское политическое движение усиливает одни психопатологические тенденции и снижает другие, формируя определенный тип личности, в котором сочетаются невротическая ригидность и психотическая пластичность.

В комплексе отчуждения-аномии входят пять компонентов: бессилие, комплекс неполноценности, отсутствие норм, социальная изоляция и самоотчуждение. Бессилие, отсутствие норм и социальная изоляция непосредственно связаны с экстремизмом. Комплекс неполноценности и самоотчуждения связаны с ним опосредованно в качестве условий, фона.

Эмпирические исследования аномии, во-первых, подтвердили идею Э.Дюркгейма, что в ней связаны социально-структурные черты с психическими характеристиками; во-вторых, показали связь безнадежности, неприспособленности, ретроизма с политическим активизмом.

Социально-психиатрическая теория, использующая понятия "отчуждение-аномия" для объяснения девиантного поведения (включая политический экстремизм) должна рассматривать авторитарность как субкультурный феномен, основанный на особой форме социального взаимодействия. Девиантная субкультура - это сеть взаимодействий, которая скорее подкреп-

ляет черты аномической личности, чем непосредственно девиантные тенденции.

"Я" ("эго") в социальной психиатрии рассматривается как инстанция, формирующая ответ на ценностный диссонанс и приспособление к нему. Наличие аномии ведет к символическому искажению реакции.

Иллюзорное межличностное удовлетворение, которое дает авторитарное движение, служит, вероятно, основой для защитного механизма, участвующего в развитии многочисленных форм психопатологии. Такое искаженное нестабильное и иррациональное решение оказывается привлекательным для индивидов, испытывающих конфликт между традиционалистскими и модернистскими ценностями.

В последней главе автор дает очерк общей теории "массового общества" и исследует ее приложимость к американской политической системе.

Авторитаризм – это ответ на крушение традиционализма, системы ценностей и ролевой структуры, ответ, который объединяет две тенденции: отчуждение-аномию и конвенционализм. Левый и правый авторитаризм представляют две стороны психопатологического синдрома, возникающего в результате резкого разрыва в функционировании социальной организации. Среди источников напряженности, ведущей к принятию авторитаризма, особенно важны неустойчивость статуса и конфликт ценностей, которые авторитаризм как будто устраняет.

Авторитарную личность было бы ошибочно считать рациональным, рефлектирующим и калькулирующим индивидом. Авторитарный человек ригиден в своем отрицании интеллектуальных привычек и мало осознает свое окружение и социальные силы, формирующие его. Авторитарная идеология сохраняет свою структуру благодаря определенному статусу и образованию.

В социально-психиатрическом контексте тоталитаристское движение следует рассматривать не как резкий разрыв с либерально-демократической системой ценностей, а как

постепенное развертывание внутренне присущих особенностей социальной системы, переориентировку и приспособление структуры власти к системе ценностей, существовавшей подспудно. Тоталитаристская идеология возникает в процессе социализации авторитарной личности. В отличие от религиозного сектантства, имеющего гуманистическую ориентацию, тоталитаристское движение по большей части беспринципно.

Многие теоретики (например, Г.Ласки) рассматривали тоталитаристский экстремизм как реакцию на идеалы Просвещения. Корни современного феномена — отчуждения — уходят в XVIII век, век просветительского рационализма, когда возникло понятие культурного релятивизма, которое дало повод для противоположных интерпретаций и оценок современной цивилизации. Люди почувствовали, что культура не удовлетворяет их потребности и желания, однако эмпирического обоснования теории еще не было. Возможности культуры оставались скрытыми за идеологическими дискуссиями. Возникновение модернистской идеологии как реакции на несостоятельные идеалы Просвещения сопровождалось личностно-социальными конфликтами, проявившимися в либерально-демократическом движении. Общая вера в естественно-научный детерминизм и гуманитарную реформу не сопровождалась соответствующим почтением к основным культурным сущностям и методологической реформой.

При объяснении экстремизма во всех его разновидностях в социологии обычно используется теория ролей. По мнению автора, теорию ролей следует переформулировать на социально-психиатрической основе в рамках общей теории "массового общества".

Безусловно, отсутствие или недостаток адекватного знания ролевого поведения связано с нарушением психического здоровья и склонностью к экстремизму, однако эта ситуация требует более дифференцированного анализа.

Теория "массового общества", анализирующая авторитаризм, должна учитывать влияние таких факторов, как возраст,

социальный статус, специфика процесса социализации. Если какая-либо идеологическая позиция ставит акцент на удовлетворенность, достигаемую благодаря точному знанию роли, то она эмпирически ведет к ролевому обучению и высокой предсказуемости поведения. Отсутствие мастерства в исполнении социальной роли является источником авторитарности в такой же мере, как и неосознание функциональной значимости толерантности.

Психоаналитики указали на специфические психопатологические черты, сопровождающие авторитарное ригидное сознание, однако механизм связи между психопатологическими явлениями и явлениями политической аберрации оставался туманным. Автор считает, что объяснить эту связь можно с помощью понятия "трансцендентализм", означающего выход за рамки традиционализма и столкновение с модернизмом (новыми нормами, ценностями, ролями и т.д.). Возникающие при этом конфликты, с одной стороны, ведут к психопатологии, а с другой - в качестве защитного механизма, вызывают приверженность к политической аберрации (экстремизму, тоталитаризму, авторитаризму и т.д.).

Ответ на вопрос о применимости теории "массового общества" к современной Америке, пишет автор, вращается вокруг будущего радикальных и экстремистских элементов в двух основных политических партиях. Победа одной из этих партий благодаря таким элементам может самым непосредственным образом доказать приложимость этой теории к Америке.

Теория "массового общества" может помочь оценить значение определенных исторических обстоятельств и охарактеризовать сознание масс, что может содействовать прогнозу экстремистских тенденций.

Как свидетельствуют социальная история XX в. и современные эмпирические исследования, длительные, авторитаристские тенденции могут иметь серьезные следствия.

Б.З.Кеникштейн

ХЬЮИТ ДЖ.
МАССОВОЕ ОБЩЕСТВО, ПРИНЦИПЫ
ОРГАНИЗАЦИИ И ПАРАДОКС

HEWITT J.

Mass society, principles of organization, and paradox. -
Intern. j. of comparative sociology, Leiden; Toronto,
1973, vol.14, N 1-2, p.35-45.

Джон Хьюит (Массачусетский университет, Амхерст, США) отмечает, что теория "массового общества" является одной из ведущих концепций, которая стремится дать информативный анализ основных проблем современного общества. Однако она "не выполняет своего обещания" (с.35). Используя такие понятия, как "общность", "отчуждение", концепция "массового общества" оказывается "аналитически неточной" и представляет "оценочную критику качества современной жизни, а не социологический анализ ее условий" (с.35). Это обусловлено прежде всего тем, что при конструировании социальной реальности она исходит из социальных и теоретических представлений интеллектуалов, а не основной части населения массового общества. Так, например, в литературе о массовом обществе преобладают образы изменения и упадка. Даже тогда, когда теоретики массового общества не делают исторически недока-

зуемых утверждений об упадке прежних хорошо интегрированных и стабильных обществ, наблюдается тенденция описывать массовое общество с точки зрения его отличий от предшествующих социальных форм. И хотя такой анализ представляет значительный интерес, он не может служить основой для понимания жизненного опыта индивидов, живущих в условиях массового общества. Даже наиболее точные социологические его характеристики не дают представления о том, как члены массового общества воспринимают его. У. Корнхаузер, например, так характеризует массовое общество: основные институты и организации имеют дело с населением в целом, обращая мало внимания на индивидуальные различия; отдается приоритет нормам специализации, технического контроля и эффективности, а не индивидуальным качествам; уменьшается значение местных, этнических, религиозных, классовых групп за счет возрастания роли массового производства, распределения, потребления и массовой культуры, политики, коммуникации; падает значение авторитета и уважения; первичные группы и отношения уступают дорогу вторичным группам и отношениям.

Ошибка концепций "массового общества" состоит в том, что она дает одностороннее представление современного общества. Социальная реальность "более сложна, более парадоксальна и более тонко влияет на людей", чем предполагают структурные категории этой концепции (с.36). Автор отмечает, что понятия социальной структуры сами по себе не могут быть адекватными для анализа жизни современного общества. Это объясняется тем, что структурные категории мало пригодны для изучения социального действия и его разнообразия. Если социальная структура рассматривается как нормативная, т.е. как правила, которым подчиняются, или как статистическая, т.е. как то, что большинство людей реально делает, то тогда из поля зрения выпадает формирование поведения и его разнообразие. В силу того, что концепция структуры неадекватна для отражения реальности массового общества, следует

обратиться к феноменологическому анализу. При этом в качестве организующей идеи автор использует понятие "принципы организации", которые лежат в основе как нормативного и рационального поведения, так и определений и экспектаций относительно эмпирической реальности. Принципы организации регулируют поток событий, руководят распределением вознаграждений, дают информацию о вероятном поведении людей и о возможных результатах определенных направлений действия. Они помогают определить, что является "естественным" рациональным и ожидаемым в поведении индивидов.

Автор выделяет пять основных принципов организации массового общества.

1. Принцип равенства: все члены общества имеют равные права, обязанности, компетенцию, мотивацию при достижении целей или принятии решений. Данный принцип является "идеальной основой поведения, теорией общества и человеческой природы и прагматическим руководством для организации человеческой деятельности" (с.38). Несмотря на отклонения от идеального, принцип равенства становится господствующим, что, по мнению автора, подтверждается прогрессирующим расширением его применения в современном обществе.

2. Принцип массового производства: производство товаров и услуг стандартного качества для возможно широкого рынка (с.38). Массовое производство является отличительной чертой массового общества.

3. Принцип массовой организации: организация социальной деятельности стандартизирована, связи между людьми являются функционально-специфическими и аффективно-нейтральными.

4. Принцип массовой мотивации: максимальное число людей в максимальной степени должно участвовать в деятельности массового общества. Массовая мотивация связана с массовой организацией как средства с целью.

5. Принцип массовой культуры и массовой коммуникации.

Идеи, информации и другой культурный материал одинаково доступен всем членам общества. Культура должна быть доступна всем и все доступны для нее.

По мнению автора, "в качестве социологической конструкции природы массового общества принципы организации позволяют нам более полезно говорить о повседневном конструировании социальной реальности, чем это позволяют концепции социальной структуры..." (с.39). Поведению индивидов внутренне присущи сомнения, неуверенность, конфликт и противоречивость. Эти элементы характерны для любой социальной системы как результат деятельности ее членов. Индивиды либо принимают существующие принципы организации, либо создают новые. "Символическая дискриминация между противоположными состояниями, событиями, условиями и возможностями является фундаментальным элементом человеческого ума, служащая основным средством для организации социального действия" (с.40).

Принципы организации могут противоречить друг другу при их применении к конкретной ситуации. Они могут также не соответствовать биологическим и психологическим потребностям людей. В частности, принципы организации могут подавлять психологическую потребность в позитивных, диффузных социальных отношениях.

Современное массовое общество усиливает процесс образования противоположных принципов организации. Наряду с равенством в нем сохраняются различные формы неравенства. С ростом благосостояния массового общества увеличивается несоответствие между многообразием ценностей и униформными стандартами.

Принцип массовой организации, требующий аффективно-нейтральных, функционально-специфических отношений, также нарушается, так как социальные отношения включают в себя взаимную диффузную ответственность участников социального взаимодействия. С другой стороны, диффузные отношения

являются преобладающими в семье. Принципам массовой мотивации и массовой культуры противостоит стремление индивидов сохранить свою идентичность и индивидуальность. Если в большинстве обществ противоположные принципы являются исключениями, подтверждающими общие правила, то в массовом обществе они предстают как конкурирующие и делают социальный порядок проблематичным.

М.С.Комаров

ГРЕНБЬЕРТ К.А.
МАССОВОЕ ОБЩЕСТВО
И РОСТ БЛАГОСОСТОЯНИЯ, 1960-1970

GRØNBJERG K.A.
Mass society and the extension of welfare, 1960-1970. -
Chicago; London: Univ. of Chicago press, 1977. - 266 p.

Исходя из концепции "массового общества", Кирстен Гренбьерг - сотрудница университета Лойолы (США) - рассматривает проблемы, стоящие перед системой социального обеспечения США.

Она отмечает, что несмотря на увеличение личных доходов, в настоящее время резко возросло как число лиц, получающих пособия по системе социального обеспечения, так и общий объем ее затрат. Тесная взаимосвязь между ростом благосостояния и увеличением расходов из фондов социального обеспечения вызвала серьезные дискуссии. Пытаясь разрешить данный парадокс, большинство социальных ученых акцентирует внимание на изучении проблем бедности. Рост расходов из фондов социального обеспечения рассматривается ими как результат увеличения 1) нестабильности семей, особенно среди черного населения; 2) пренебрежения к работе и пред-

почтения жить за счет пособий; 3) аморализма и безответственности; 4) преднамеренной эмиграции населения в штаты, где выплачивались более крупные пособия по системе социального обеспечения.

Отстаивая традиционные принципы "свободного предпринимательства" и обвиняя современные тенденции развития американского общества, некоторые социальные ученые (их меньшинство) связывают рост расходов в системе социального обеспечения с чрезмерным развитием государственной бюрократии, политической конкуренцией между основными политическими партиями, борющимися за голоса избирателей.

Формируя принципы своего подхода к рассматриваемой проблеме, автор исходит из того, что политику в сфере благосостояния следует рассматривать как часть общего процесса модернизации в его взаимосвязи с расширением социальных, политических и экономических прав американских граждан. Основная гипотеза исследования состоит в том, что США становятся массовым обществом, т.е. обществом, где "центр сближается с периферией" (Э.Шилс), а права гражданства расширяются на всех граждан общества таким образом, что в них включаются наряду с политическими и социальными экономические права, в том числе и право на социальное обеспечение из общественных фондов.

Автор отмечает, что существуют два подхода при анализе системы социального обеспечения. Первый из них – подход с точки зрения стратификации – предполагает, что только различия в экономических ресурсах и масштабы бедности важны для объяснения развития системы социального обеспечения. При данном подходе исследуются различные формы материальной необеспеченности – низкая заработная плата, безработные, нуждающиеся семьи и т.д.).

При подходе, базирующемся на концепции "массового общества", учитываются не только экономические, но также социальные и культурные факторы, влияющие на систему социаль-

ного обеспечения, а именно: уровень урбанизации и индустриализации, политическая активность населения, уровень его образования, наличие "национальных меньшинств" и т.д.

На основе анализа фондов для помощи нуждающимся семьям автор приходит к выводу, что если в 1960 г. стратификационный подход был преобладающим, то в 1970 г. североамериканские штаты "сделали значительный шаг в направлении подхода с точки зрения массового общества" (с.155). Значительную роль в этом процессе сыграло движение за гражданские права, которое продемонстрировало американской общественности вопиющие факты дискриминации в сфере политической, социальной и экономической. Требование равных прав и привилегий, ставшее лозунгом различных национальных меньшинств, оказало существенное влияние на расширение фондов социального обеспечения.

Автор отмечает, что несмотря на то, что условия жизни бедноты несколько улучшились в 60-е годы, этот процесс "был болезненным, колеблющимся, противоречивым и временами трудно различимым" (с.166). По его мнению, реалии 60-х годов помогают понять, что движение американского общества к массовому не является "саморегулирующимся", "естественным", или автоматическим процессом, для его осуществления необходимы лидерство, знания, и обязательства, что позволит разрешить проблему социальной интеграции и определить место и роль индивида в сложной современной социальной структуре" (с.180).

Н.Н.Стрельцов

КРИЗИС БУРЖУАЗНЫХ КОНЦЕПЦИЙ
"МАССОВОГО ОБЩЕСТВА"

Сборник обзоров и рефератов

Сдано в набор 21/VI-79 г. Подписано к печати 31/X-79 г.

Формат 60x84/16

Печ. л. 11,5

Уч.-изд. л. 8,8

Тираж 1000 экз.

Заказ № 1837Д

© ИНИОН АН СССР, Москва, ул. Красикова, д. 28/45.
Отпечатано в ЦНК ВИНТИ, г. Люберцы, Октябрьский пр., 403.

042(02)9

